

Эдмонд Спенсер

ПУТЕШЕСТВИЯ В ЧЕРКЕСИЮ

предисловие, перевод и комментарии Н. Нефляшевой

г. Майкоп РИПО «Адыгея» 1994

TRAVELS in
CIRCASSIA KRIM — TARTARY, etc.

including a steam voyage down the Danube, from Vienna to Constantinople, and round the Black Sea.

By Edmund Spenser, ESQ
Third Edition in two volumes Vol. II

London:
Henry Colburn, Great Marlborough Street
1839

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Сведения иностранных авторов являются одним из важнейших источников при изучении истории любого народа. Как известно, взгляд извне на привычные детали повседневного быта всегда вносит новые нюансы в оценку исторических фактов и в восприятие культуры этноса.

Тем более, когда речь идет о самобытной кавказской культуре, т. к. Кавказ — один из интереснейших регионов мира, обращение к этнографии и истории которого дает исследователям возможность понять генезис многих историко-культурных явлений, бытующих за его пределами.

Поэтому введение в научный оборот новых исторических источников всегда актуально.

Особый интерес среди этих источников представляют документы личного происхождения — дневниковые записи и письма, сделанные на основе личных впечатлений и наблюдений, опосредованно, через сознание субъекта отражающие объект исторического исследования.

В русском и советском кавказоведении предпринимались издания иностранных авторов, например, труды В. В. Латышева¹, а книга «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв»¹, изданная в 1974 г. в Нальчике под редакцией В. К. Гарданова, стала неоценимым вкладом в историографическую науку о Кавказе.

Предлагаемое нами издание представляет собой перевод с английского книги Эдмонда Спенсера «Путешествия в Черкесию, Крымскую Татарию и т. д. включающее прогулку под парами вниз по Дунаю, из Вены в Константинополь и вокруг Черного моря», трижды опубликованной в форме двухтомного повествования в письмах в Лондоне (перевод сделан с третьего издания 1839). Почти весь второй том посвящен черкесам.

Конкретные биографические данные автора нам неизвестны. Из самого повествования следует, что Спенсер прибывает в Черкесию в 1830 г., в период резкого обострения русско-турецких противоречий в регионе после заключения Адрианопольского мира в 1829 г. По статье 4 этого мира восточный берег Черного моря от устья реки Кубани до пристани Св. Николая вошел в состав России, что вызвало наступательные действия и царизма, и Порты, за спиной которой стояла Англия со своими стратегическими, экономическими и политическими претензиями.

Э. Спенсер прибывает на Черноморское побережье из Турции на контрабандном судне. По совету турецкого офицера в Константинополе, долго жившего среди черкесов, он представился генуэзским врачом. Именно это помогло Спенсеру быстрее проникнуть в глубь Черкесии: как известно, в средние века Генуэзская и Венецианская республики вели активную колониальную политику в Северном Причерноморье, где у них было множество торговых факторий. Естественно, что память о связях черкесов с итальянскими колониями (хотя и не всегда однозначно дружественных) еще сохранялась среди местного населения.

Пристальное внимание Э. Спенсера к ресурсам Черкесии, ее полезным ископаемым, почвам, флоре, и фауне, а также конкретные рекомендации британскому правительству (письмо 30) в зависимости от развития событий в Черкесии и внутри России позволяют предположить, что он был одним из многочисленных английских разведчиков, заполонивших Кавказ в то время. Как и все остальные, он имел солидную рекомендацию черкесов-кунаков, облегчавшую и его передвижение, и контакты с местными жителями. («... я общался с черкесами скорее как коренной житель, чем как иностранец...»)

Э. Спенсер тщательно готовился к своему путешествию: ознакомился со сведениями греческих (Страбон, Арриан и др.) и итальянских авторов о Кавказе, с русской кавказоведческой литературой того времени (Клапрот Г.Ю., Паллас П.С), пытался еще в Турции освоить язык черкесов.

Информацию он собирал с помощью ювелира из Силезии Натана Шрегера, попавшего в плен к черкесам во время одного из набегов на территорию казаков.

Э. Спенсер был свидетелем сражений между черкесами и русскими, присутствовал на собраниях конфедеративных князей Черкесии, сам осматривал дольмены и другие архитектурные сооружения. Все это делает его письма, написанные в откровенно враждебной манере по отношению к России — политической сопернице Англии, ценнейшим историко-этнографическим источником.

Основные сведения «Путешествий...» можно разделить на две группы — исторические (связанные с Кавказской войной, историей заселения Северного Кавказа казаками) и антрополого-этнографические (социальная стратификация, хозяйство, поселение и жилище, семейный быт, пища, одежда, музыкальные инструменты, религиозный синкретизм, народная медицина, антропометрические характеристики).

Глубокое интуитивное понимание сущности «адыгагъэ» позволило автору высказать ряд суждений о национальном характере адыгов, менталитете.

Сравнительно-типологический метод, примененный при анализе «Путешествий...», подтверждает достоверность информации Э. Спенсера, что увеличивает ее ценность не только для широкого круга читателей, но и для профессиональных исследователей истории и культуры Северного Кавказа.

Пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность Джеваду Цею, президенту общества «Адыгэ Хасэ — центр» (г. НьюЙорк), любезно подарившему эту книгу профессору Аскеру Гадагатлю в 1971 г.

Хотелось бы поблагодарить Сергея Абрамова, аспиранта СанктПетербургского педагогического университета, за консультации при работе над переводом.

Первое издание книги было осуществлено благодаря спонсорам Октику Хаткову (МП «Скиф») и Аслану Панешу (АО «АдыгЮРАК»).

Свою работу посвящаю светлой памяти моего деда — Юсуфа Кадыровича Намитокова — одного из первых ученых Адыгеи.

Найма Нефляшева

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

События, которые имели место в течение последних нескольких месяцев в Персии, Герате, и Индии, и их близкая связь с Черкесией и другими азиатскими странами Черного моря, которые недавно образовали поле моих странствий, заставили меня представить на рассмотрение публики дешевое и переработанное издание этой книги.

Так как завоевание Черкесии, по общему мнению, как бы далека она ни была, связано с безопасностью нашей Восточной империи, нам нельзя удивляться ни возрастающей важности этого, которую осознают люди всех политических убеждений, ни открытому пониманию того, с чем может быть связан ее возможный конец. В течение долгих лет неприметная Россия, не принимаемая в расчет спящей Европой, шаг за шагом преследовала свои планы подчинения Кавказа; но теперь, впервые благодаря свободной прессе Англии, знание о реальном положении этой интересной страны было передано в самые отдаленные уголки земли.

Патриотические усилия храбрых горцев по защите их скромных сердец от тисков захватчика и неравная борьба, в которую они так долго вовлечены *, высоко оцениваются, т. к. они этого заслуживают, и их дело завоевало симпатии каждого гуманного и просвещенного человека во всех частях цивилизованной Европы; и в Париже, и в Вене, в Берлине, Неаполе или Мадриде Черкесия является темой для дискуссий в каждом *conversazione*; самые горячие желания направлены к конечному успеху ее оружия, в то время как угнетатель, который хотел бы разрушить ее, клеймится всеми эпитетами, которых заслуживает деспотичная жестокость.

Но будет ли полезным выражаемое негодование Европы, чтобы пресечь амбиции в их деятельности? Отстранит ли любая демонстрация публичного мнения, как сильна бы она ни была, могущественное правительство, подобное российскому, от проведения политики, когда интерес требует ее продолжения? Мы боимся, что нет. Поэтому очевидно, что дальнейшее вторжение России на территорию ее соседей должно быть встречено более грозным оружием — силой за силу.

Я — не адвокат войны, но каждый человек, знакомый с захватнической политикой России, должен сознавать, что пришло время, когда категорически необходимо для нас построить барьер против дальнейшего проникновения державы, которая грозит стать ужасным конкурентом — властным врагом.

Что касается моих путешествий через Крымскую Татарию и по Черному морю, этим я обязан любезности графа Воронцова, в то время генерал-губернатора Новороссии. Этот блестящий аристократ не только способствовал моим поездкам по территории страны, над которой он осуществлял почти" суверенную власть, но и в любезнейшей манере пригласил меня сопровождать его в морских экспедициях, таким образом предоставив мне возможность посетить все русские порты и поселения на берегу Крыма, Черкесию и Мингрелию — страны, которые были до недавнего времени, большей частью, скрыты от появления иностранца.

Путешественник, который, возможно, выберет в качестве средства передвижения из Вены в Константинополь паровое судно, найдет в книге описание всякого объекта, достойного внимания на этом пути. Константинополь и его окрестности описываются с той тщательностью, с какой это позволяет сжатый *sejour*. Читатель также найдет различные интересные детали, связанные с Крымской Татарией и подробности обычаев, нравов и манер ногайских татар.

Будучи первым путешественником, который проник на территорию внутренней Черкесии, я пытался не упустить ни одного факта, который мог бы приоткрыть черты этой очень интересной страны или характера ее героических жителей, Иллюстрации для книги были сделаны с натуры, и карта Черного моря подготовлена с учетом самых улучшенных карт, опубликованных Русским Морским министерством, Сочинение будет основано на содержании самых различных добавлений, тщательно

собранных мною во время путешествия и моих поездок через территорию стран и их ближайших окрестностей.

Земля, занимаемая конфедеративными князьями Черкесии, обозначенная как независимая от Кубани Саламахой, или рекой Бурзуклу, на границах с Мингрелией, соответствует границам, установленным на карте генерала Хатова, опубликованной по приказу русского правительства за несколько лет до Адрианопольского договора — важное признание, когда рассматривается, ссылаясь на это, вопрос о праве, которое Россия получила от Турции на Черкесию.

Расположение портов и поселений на берегу будет на карте абсолютно точным; но некоторые имеют два названия, турецкое и русское, и часто третье — черкесское; чтобы избежать недоразумения, я присваивал то, которое наиболее известно; в тех случаях, когда были неясности, я давал два.

Даже вне связи с политическими событиями красивые долины и горы Черкесии во всех отношениях рассчитаны на то, чтобы привлечь геолога, ботаника, минералога, географа и любителя природы.

Чтобы помочь путешественнику, который, может быть, пожелает посетить страну или в целях коммерции, или в целях науки, я присовокупил краткий словарь черкесского и татарского языка. Последний (татарский — Н. Н.) он найдет очень полезным, т. к. многие из черкесских вождей не знакомы с ним, но мы повсюду, во всех этих районах, встречаем крымских и ногайских татар, которые, при подчинении их страны Россией, спаслись бегством на Кавказ.

До того, как я закончу мои наблюдения для человека, который, может быть, будет путешествовать на Восток, я бы рекомендовал ему быть настороже по отношению к климату, пагубный эффект которого оказывался фатальным для конституции европейца. Тем не менее, должно согласиться с тем, что многие люди пали жертвой их собственной неосторожности скорее, чем болезни: хотя дизентерия, офтальмия, лихорадка, желчная болезнь и т. д., возникающие от определенных растений, зарослей, болот и солончаков, распространены во многих районах

Черного моря; нечего ждать опасности, если путешественник согласовывает свои действия, насколько обстоятельства позволят, с привычками туземцев и заботится, чтобы не выставить себя сырой прохладой вечера после дневной жары.

Путешественник en route должен быть более обычного воздержан, и то, что он ест, должно быть простейшего качества. Вина и спиртовых ликеров следует избегать и, в особенности, животной пищи; давайте будем помнить, что количество пищи, которое годится в холодном климате, может быть излишним для жаркого. Это правда, что утомление и долгое пребывание на солнце, несмотря на все предосторожности, расслабит организм и сделает его предрасположенным к болезни, но путешественник должен не поддаваться ни отчаянию, ни раздражительности, и я повторяю, ему следует воздерживаться от помощи бутылки, которая лишь вызывает кратковременную бодрость. Если, тем не менее, он столь несчастлив, что подвергся недомоганию, все угрожающие симптомы могут быть сняты за одну ночь при помощи самого простого метода лечения, относительно чего восхитительная книга Джонсона «Климаты» содержит всю информацию, которую путешественник может пожелать; и ни одному не следует покидать дом без нее.

Фактически, каждому человеку, который посещает Восток, следует в некоторой степени познакомиться с искусством лечения, детально — с использованием ланцета; также желательно, чтобы он взял бы с собой медикаменты, которые он найдет полезными не только для самого себя; но его характеристика как умелого хаккима (врача — Н. Н.) возвеличит его в глазах народа и будет вернейшим пропуском, чтобы их расположить. В Черкесии медицинское знание воспринимается не только как результат образования, но дар небес и тот, кто их удостоен, святой человек, оскорбить которого было бы святотатством.

Путешественник, который, возможно, решится на поездку через горные районы Черкесии, должен ясно осознавать, что не существует и слабейшего шанса получить комфорт цивилизованной жизни¹; и любому если он не может обойтись без этого, будет лучше остаться дома; в отличие от Европы и многих районов Востока, где тугой кошелек обеспечивает приют, здесь достаточно благодарности, если он получает кров. Это происходит не из-за гостеприимства жителей, но из-за малочисленности населения, отсутствия дорог и мест, предназначенных для публичного отдыха. Ему следует, поэтому, запастись несколькими необходимыми вещами; такими как тент, покрывало для кровати, кастрюля для пищи, сумки с мукой для того, чтобы делать лепешки; кожаные бутылки для напитков вместе с кофемолкой, которая подбодрит его во время усталости, и оживит, когда скучно, и это действительно бесценная вещь для путешественника на Востоке.

Также необходимо знать, что ему следует запастись рекомендацией к некоторым вождям и старейшинам страны, которые, становясь его кунаками, будут нести ответственность перед своими соотечественниками за хорошее сопровождение иностранца и за то, что он — не русский шпион. Без этой предосторожности путешественник, после того, как спасся от русских крейсеров, обнаружит, что он должен бороться с другой опасностью — всеобщей враждебностью всего населения Черкесии, и он может считаться счастливым, если никакое худшее наказание не обрушится на него за безрассудство, кроме как продажа в рабство.

Эта строгая система обращения принята в последние годы конфедеративными князьями Черкесии по отношению к любому путешественнику, какой бы национальности или вероисповедания он ни был, вследствие того, что многочисленные русские шпионы привыкли проникать в страну замаскированными.

Лондон, май, 1839. Э. С.

ПИСЬМО 14

Трудности, сопровождающие визит на Кавказ.— Властное влияние России в Турции.— Слабое государство Оттоманская империя.— Сочувствие турков черкесам.— Отправление в Черкесию на турецкой бригантине.— Преследуемые русским военным кораблем.— Неожиданное обнаружение.— Великолепный вид Кавказских Альп.

Я сейчас подготовил визит во внутреннюю Черкесию — визит, который мои друзья в Трапезунде удостоили эпитета «опасное предприятие», т. к. я буду подвергнут не только боевым действиям русских крейсеров во время моего путешествия, но и алчности пиратствующих горцев по прибытии и, вероятно, буду задержан или продан как раб.

Это правда, все считали, серьезное предприятие. Трапезунд наводнен русскими агентами. Ни один корабль какой-либо нации не может покинуть гавань Эвксинского порта, над которым Россия провозгласила свое господство, без разрешения ее консула. Весь черкесский берег строго блокирован и к любому средству, взяточничеству и запугиванию, прибегают для цели получения приза — обладания этой прекрасной страной, столь важного для ее будущих завоеваний. Что касается самой Турции, тому, кто сомневается в ее унижающей раболепии перед русскими, следует прожить здесь несколько дней, чтобы убедиться, что она, фактически, провинция России. Она не может командовать в своих собственных портах, ее купцы не смеют торговать с кавказскими племенами под страхом быть потопленными или захваченными в плен: одним словом, Россия сейчас играет с Турцией игру, выигрышем в которой уже явились для России территории Крымской Татарии и Польши.

Внутренние деления уже способствовали тому, что переворот последует быстро, раскалывая империи надвое — турки будут убивать турков, подобно татарам в Крыму, — и их султан, следуя шагам потомка Чингизхана, убежит за помощью к своему покровителю. И лишь стоит этому наступить, Россия сорвет маску, сорвет диадему со лба ее слабого «протеза», и таким образом заполучит империю, пребывающую в покое, когда Европа засвидетельствует с ужасом, что гордая птица Востока задушена ласками орла.

Настоящая неравная борьба, осуществляемая против пастушеских племен Кавказа, не столько за ценность территории, сколько как *piéd de guerre*² для будущих захватов, является частью той же самой политики. Можем ли мы, следовательно, удивляться подавляемому шепоту всеобщей вражды, которая слышится по всему Востоку при одном слове — Россия? Каждое преимущество, получаемое черкесами над их угнетателями, приветствуется жителем Востока, мусульманином, христианином или иудеем с самыми восторженными чувствами. Жертвенности и щедрости турков ради бедных горцев я мог бы привести много примеров, одинаково почетных для них и как для отдельных людей, и как для народа в целом; но, сделав это, я только подвергну этих благородных людей нападкам русской недоброжелательности.

При таких обстоятельствах было необходимо, чтобы я принял строжайшее инкогнито, т. е. незначительное подозрение в моих намерениях было бы достаточно эффективно, чтобы разрушить мои намерения, и я бы покинул по приказу турецкую империю в течение нескольких часов. Кроме того, т. е. моей целью было исключительно удовлетворение моего собственного любопытства, я отказался, впервые в жизни, от гордой привилегии по праву рождения быть англичанином. Делая это, я руководствовался двумя причинами: я не желал появиться среди кавказцев в моем истинном облике; т. е. мой визит мог бы тогда быть истолкован в качестве политически тенденциозного и коренными жителями, и русскими агентами — (Где их только не найдешь?), — тогда как выдавая себя за стамбульского Хаккима (врача — Н. Н.) — генуэзца, я не только избегал этой опасности, но открыл дорогу дружескому приему.

Я принял этот образ по совету турецкого офицера в Константинополе, который прожил некоторое время среди черкесов, где он слышал, что они всегда говорили о генуэзцах в традиционной манере теплейшего восхищения; и в самом деле, ему я был действительно обязан за легкость, с которой я был в состоянии проникнуть внутрь Черкесии. Кажется, что генуэзцы, до разрушения их торговых учреждений в Эвксине турками, продолжали в течение веков выгодную торговлю с независимыми племенами Кавказа.

Несмотря на русских прислужников, которые так бдительно опекают действия османцев, я вскоре нашел турецкое судно, направляющееся в Черкесию, капитану которого я был лично представлен. Ветер был благоприятный, мы подняли все паруса и начали наше путешествие около полуночи. Наше судно не было той живописной посудины, которую мы обычно видим под турецкими флагами, но по чистоте и аккуратности корабль выглядел как только покинувший порт Лондона: ни одна гайка, ни одна веревка не были не на своем месте и, в целом, оно показывало, что кораблестроитель, американец в Константинополе, был человеком незаурядного дарования в своей профессии, в то время как команда вполне заслуживала имени моряков.

Капитан, настоящий Геркулес в пропорциях, был облачен в турецкий костюм, его бронзовое, обветренное лицо показывало, что он много на своем веку поработал, и ужасный шрам через лицо придавал чертам его лица выражение свирепости. Число его матросов было также примерно вдвое больше, чем необходимо для управления его маленьким судном; тогда как четыре длинных пушечных жерла, сначала скрытые от любопытных взглядов, сейчас показывали их угрожающие дула, и количество оружия, аккуратно сложенного в строго морском порядке, давало мне некоторые опасения по поводу предназначения судна.

Я также узнал, что груз корабля — оружие и соль, предназначенные для независимых племен Черкесии, провозить которые было чернейшим грехом в глазах законов русской блокады; что касается меня, я не имел причины жаловаться, хороший стол был соблюден, капитан был неослабен в своем внимании, и строжайшая субординация поддерживалась среди экипажа судна.

Мы, вероятно, пробыли в море около 50 часов; величайший пик Кавказа, гигантский Эльбрус, был уже слабо различим на линии горизонта, когда мы обнаружили, что за нами наблюдает русский бриг, который тотчас же, с поднятым парусом, начал нас преследовать. Мое положение в этот момент было не из приятных; я имел прекрасную возможность, учитывая воспламеняющийся характер груза, взлететь на воздух; или, если буду взят в плен, что бы сказали мои русские друзья? Хотя мой визит был исключительно ради любопытства, он мог бы быть неправильно истолкован и, во всяком случае, причинить мне неудобство.

Но наш капитан был человеком с характером; он был готов к худшему и говорил о русских моряках с явным презрением; несмотря на это, в данном случае, он, казалось, считал благоразумие лучшей частью мужества, мы величаво промчались по ветру и вскоре оставили позади нашего спящего врага. Таким образом, наше мероприятие счастливо завершилось, не дойдя до рукопашной; и все же в нем был один недостаток, т. е. к. кро́ще потери времени, мы оказались далеко от места нашего назначения, близко к берегам Мингрелии, каждый дюйм который находится во владении России. Ночь, тем не менее, пришла; с сильным бризом мы снова устремились в сторону наших врагов, капитан уверял меня, что такой сильный бриз, как тот, что обдувает наши паруса, заставит все корабли русской флотилии бросить якорь. Он был прав; ибо мы даже не обнаружили призраков кораблей до того, как мы прибыли в Пшад.

Я понял от капитана, что до строгой блокады, учрежденной русским правительством, очень активные торговые отношения с черкесами осуществлялись жителями Трапезунда и других турецких портов Эвксина, но сейчас, по причине нарушения права народов, путем которого Россия присвоила себе навигацию на этих морях, множество трудолюбивых моряков было доведено до крайней нищеты. Некоторые смелые души, поощряемые безмерными прибылями, получаемыми от черкесских грузов, продолжают посещать страну, не боясь русских крейсеров: их количество, однако, за последнее время уменьшилось. Многие из их суден были захвачены на море, а другие сожжены в маленьких портах — Джука и Пшады.

Я видел несколько из этих маленьких барков в Трапезунде и других турецких портах, и из-за простоты их конструкции, и плохого устройства они не были рассчитаны на то, чтобы спастись от преследования врага или от шторма, будучи движимы лишь огромным угловым парусом и полудюжиной гребцов. Капитан, который был обычно и владельцем судна и груза, содержал его экипаж во время путешествия; и вместо платы давал ему в заключении поездки, если она оказывалась успешной, одну треть дохода.

Капитан и экипаж нашей бригантины были такими смелыми людьми, как только можно, воинственными даже до свирепости; всему этому их тюрбаны, усы и красные шалевые пояса, набитые пистолетами и порохом, придавали дополнительный шарм.

Люди были, в большей части, французскими изменниками и, я подозреваю, занимались пиратством. Сам капитан, который уверял, что происходит от испанской матери и марокканского отца, бегло говорил по-итальянски и по-испански; и выглядел бы симпатичным парнем, если бы не было шрама, который так жестоко уродовал его лицо. Он развлекал меня во время путешествия, рассказывая эпизоды своей прошлой жизни, разнообразной многими превратностями, то на пике процветания, то снова доведенной до необходимости искать богатство на морских просторах. Он участвовал во многих кровопролитных боях, был свидетелем многих страшных сцен, потерял все при завоевании Алжира французами и получил страшную рану, следы которой так уродуют его лицо, при осаде Варны. Его меч обнажался на море и на земле в защиту великого

Сеньора, к которому он, казалось, был очень привязан и был, в целом, большим поклонником турецкой натуры.

Вместе с турецким купцом в Константинополе он вложил все свое состояние в покупку этого судна и продолжал некоторое время самую выгодную торговлю с независимыми племенами Черкесии, которых он снабжал оружием, солью, легкими тканями, коленкором, кисеей и получал, по возвращении, время от времени прекрасных девушек, чтобы пополнить гаремы Константинополя, одновременно с продуктами страны, которая приносит самый выгодный доход.

Я теперь, по понятным причинам, закончу мой краткий обзор об этом необыкновенном человеке, чья жизнь и романтические приключения могли бы вполне составить основу самого интересного романтического повествования современности.

Таков его смелый дух, что даже в этот момент он полагается ради безопасности исключительно на скорость своего суденышка, его собственное умение как моряка и собственную храбрость его и экипажа; и я чувствую уверенность, что, даже если он будет атакован превосходящей силой, борьба будет смертельной, но ни в коем случае невероятно, исходя из того, что я видел русских моряков, чтобы они оставили его победителем.

Следующее утро представило сцену столь бурной красоты, столь величественно возвышенную, что тот, кто однажды увидел это, никогда этого не забудет. Море вокруг нас окружено высокими горами; и, так как мы стояли далеко от берега, мы наслаждались прекрасным видом огромной гряды Кавказских Альп, образующих полукружие вдоль широкого горизонта, заканчиваясь, с одной стороны, меньшей горой Абазии и, с другой, обширной равниной Мингрелии.

В то же время вся цепь была скрыта от взгляда туманной дымкой, затем, в момент, показался величественней ряд заснеженных пиков и горных хребтов, над которыми солнце излучает поток розового света. Это был колоссальный Эльбрус на 500 toises выше, чем швейцарский гигант МонБлан, впереди в одиноком величии. Появившаяся вершина казалась одинаково разделенной на два параллельных пика, что, вероятно, дало основание легенде, столь распространенной среди жителей Востока, что между ними проходил Ноев ковчег³, чтобы достичь горы Арарат.

К великой цепи Альп были добавлены меньшие горные хребты, ограничивающие берега Верхней и Нижней Абазии и Черкесии и которыми, во время плавания с графом Воронцовым, я был столь восхищен за их великую высоту и обрывистость; тогда как они сейчас казались миниатюрными холмами по сравнению с изумительной цепью, которая возвышалась далекодалеко над ними. Охватывая огромное зрелище с первого взгляда, вы находите ее закрученной в самые фантастические и романтические формы, которые бесконечно изменяются, в то время как вы скользите быстро вдоль.

Романтический облик страны увеличил вдесятеро мое желание увидеть ее изнутри и познакомиться ближе с бандой смелых горцев, которые, укрепившись траншеями за высокими Альпами, непроходимыми горами, не только одерживали в последние столетия победы над усилиями захватчиков, но и в более поздние времена сохраняли свою гордую независимость вопреки вспылчивым туркам и коварным русским, с одинаковым успехом отражая их искусные вылазки и бесчисленные легионы. Это были люди, которым я вот-вот должен был доверить свою безопасность: их представляли мне вероломными и жестокими, но я всегда считал, что смелый человек, и цивилизованный, и варвар, способен на благородные чувства; я поэтому отогнал все подозрения и с твердой уверенностью в их добропорядочность сошел на берег Пшады.

ПИСЬМО 15

Прибытие в Пшаду.— Черкесские судна похожи на камары Страбона⁵.— Бухта Пшады.— Русское поселение.— Причины, которые привели к их изгнанию.— Черкесский язык — Намеки путешественникам — Характеристики жителям — Воинственная наружность — Костюм — Оружие.

После того, как наш капитан дал сигнал, хорошо знакомый черкесам, мы услышали несколько мушкетных выстрелов в различных направлениях леса, где тотчас же выстроились в ряд по берегу и сторонам гор тысячи вооруженных мужчин, словно они появились из-под земли, ибо лишь за мгновение до этого ни одного живого существа видно не было.

Вскоце несколько длинных судов, которые несли на плечах мужчины к берегу, были спущены на воду, и мы были посажены на корабль дюжиной смелых людей, поющих хором «ка, ри, ра», которые начали разгружать товар, и в невероятно короткое время все, включая наше судно, было у берега, последнее уютно скрыли от взгляда в маленькой речке, затененной величественными деревьями. Эта предосторожность была использована вследствие разрушения нескольких их маленьких барков несколько дней прежде русскими, которые нанесли им нежелательный визит, но, насколько мы могли понять от местных жителей, враг в свою очередь тоже значительно пострадал по возвращении, что заставило их стремительно отступить на их корабли.

Судна черкесов были плоскодонными, легко построенными и узкими, каждое управлялось от 18 до 24 гребцами, и они, должно быть, были самыми опытными в этом упражнении, так как они двигали суда с большой скоростью. Недалеко от штурвала была разновидность палубы, на которой сидело 3 или 4 человека; нос лодки был украшен грубо вырезанной фигурой, представляющей, возможно, голову оленя, козла или барана: самое вероятное, последнее.

Имели ли древние греки подобную фигуру на носу своих судов? Иногда эти лодки строились огромными, достаточными, чтобы вместить от 40 до 80 человек, когда они управлялись помимо гребцов угловым парусом и ранее наводили ужас на моряка, который неосторожно или вследствие изменений погоды приближался к черкесскому берегу, так как кавказские племена были в то время самыми отъявленными пиратами. Бухта Пшад защищена двумя мысами, снабжена хорошим укреплением и, возможно, ей легко будет защищаться против любых нападений с моря. Вследствие борозды скал, которые начинаются от мыса Цуогху и протягиваются на значительное расстояние в море к входу в гавань, было бы опрометчиво входить без лоцмана; судна, поэтому, обычно ждут до тех пор, пока суда с туземцами пройдут вдоль; таков был план, преследуемый нашим капитаном, однако я понял, что не существует опасности быть схваченным в прекрасную погоду.

Соседняя страна является чрезвычайно прекрасной и плодородной, климат, смягчаемый бодрящим ветром с гор, полезен для здоровья, хотя долина как раз достаточно открыта, чтобы впустить свободный круговорот воздуха с тем, чтобы ветер не ослабел. В результате легкости защиты, которую долина Пшады представляла против наступления врага, я склонен думать, что русские испытывают большую трудность в получении постоянного овладения, особенно, как я понял, их уже неоднократно изгоняли.

Действительно, Пшада знаменита в анналах Черкесии, т. к. волею случая она является местом, где русские получили поселение на берегу Черного моря. Кажется, в 1817 году герцог де Ришелье⁶, затем генералгубернатор Южной России, после нескольких безуспешных попыток создать учреждение на черкесском берегу силой, задумал проект формирования с горцами торговых отношений, который император Александр 7 не только одобрил, но счел планом такой важности, что вызвал народного чиновника меье Скасси⁸, секретаря министра иностранных дел и отправил в Черкесию для приведения его в исполнение. Таким образом, разрешение было получено от князя Пшада Махмуда

Индаргова (сына Индара)⁹, магазины и склады были построены и уполномоченные присланы наблюдать за развитием новорожденного учреждения. Князь был награжден роскошным кинжалом, усеянным бриллиантами и стал наемником России; поэтому каждая возможность осуществлялась, чтобы процветание истеблишмента было бы непрерывным, но! увы, один из уполномоченных, очарованный красотой прекрасной девушки, которая отказала ему в женитьбе, позволил себе увести ее силой. Так как это считалось одним из величайших оскорблений, которое могло быть совершено против черкесской семьи, все племя обратилось к оружию, и, подобно греческой Елене, которая подожгла Трои, Елена Черкесская ввергла магазины Пшада в пламя и даже подвергла опасности жизнь князя Махмуда, которого теперь сочли врагом родины. Однако благодаря обильной раздаче подарков, и наказанию, и ссылке преступников, склады было разрешено перестроить; соль и вещи были не более необходимы туземцам, чем дебош за их производство; и, таким образом, дела продолжались до тех пор, пока еще один злополучный несчастный случай не произошел в 1824 г., когда магазины были окончательно разрушены и русские изгнаны из страны; чернеющие руины были единственным памятником герцогу де Ришелье и его торговому договору со смелыми горцами Пшада. Я чуть не начал турне при таких неблагоприятных обстоятельствах, которые я никогда не испытывал, т. к. всегда имел правило знакомиться с историей, обычаями, манерами и, прежде всего, языком, какую бы страну я не намеревался посетить: но здесь была страна и народ, о котором цивилизованный мир знал мало; и язык, по мнению лингвистов, без глубочайшего родства с любыми другими на земле — язык не только без литературы, но и любого правила и пособия, чтобы руководить студентом; переводя с этого языка, почти невозможно выразить любую точную идею звуками европейскими. Не то, чтобы это была единственная трудность, т. к. каждое из племен говорит на различных диалектах черкесского; хотя я могу произнести несколько фраз с помощью моих черкесских друзей в Константинополе, я нахожу их почти бессмысленными, когда пытаюсь передать мои желания и просьбы людям, которыми я теперь окружен.

Рассказывают анекдот про одного турецкого султана, известного своей любовью к ученым, который послал ученого турка на Кавказ изучать язык жителей и свести его к установленным правилам. Через некоторое время он вернулся к своему хозяину, потерявшему надежду в успехе его предприятия, неся с собой сумку с голышами, которую он тряс, говоря, что он не может быть лучшей имитации звуков языка, на котором разговаривает этот народ.

Я установил, что, соображаясь, насколько я мог, с приличием манер жителей страны, через которую мне довелось путешествовать, я во всех отношениях облегчал себе мое путешествие; и, переодевшись в их костюм, не только польстил их тщеславию, но нашел его удобным и приятным. Это будет очевидным, когда мы вспомним, что туземцы каждой, страны обучены опытом одеянию, наилучшим способом рассчитанному на влияние погодных условий, и, конечно, черкесский костюм, кроме, того, что он элегантен, во всех отношениях хорошо подходит для этого региона: тюрбан из шерсти ягненка охранял мою голову от вертикального солнца, закутываясь в просторные складки хламиды и покрывая мою голову капюшоном по достижении вечера, я был защищен от ночной росы, столь чреватой болезнями для тела человека: дизентерия, офтальмия и лихорадка — все имеет происхождение из-за пота и внезапной прохлады. Это замечание особенно применимо к восточным странам, где, если путешественники соблюдали хотя бы малую общую предосторожность, этих и подобных болезней, столь фатальных для иностранцев, можно было бы избежать, или, во всяком случае, они оказались бы более безболезненными в своих последствиях.

Таким образом, вполне снаряженный как черкесский воин, от винтовки через плечо до кинжала, который свисал с моего пояса, и посаженный на прекрасную лошадь, которая обошлась мне в пустяковую сумму около четырех фунтов (которая в Англии стоила бы

сто), я начал свое путешествие, сопровождаемый капитаном, к дому Махмуда Индар Оглы (Оглоу), главы района в округе несколько миль.

Как можно было предположить, мы стали объектом внимания со стороны туземцев, поэтому наш поезд вскоре увеличился до сотни, и когда мы достигли резиденции князя, мы были окружены не менее чем тысячью вооруженными мужчинами, большим числом верхом, разрывающих воздух своими воинственными песнями. Что касается жителя цивилизованной Европы, вид такого множества свирепых вооруженных мужчин, не поддающихся контролю полиции, солдат или любой другой системы цивилизованных наций, был, действительно, новым, и у иностранца были основания испытывать страхи за его личную безопасность, воображая, что он попал в руки шайки бандитов.

Сколько бы неограниченной свободы не проявлялось в их манерах, столь сильно отличающихся от всех других народов, среди которых я когда-либо находился, можно оправдать такое предположение, что, тем не менее, их манера была ни в коем случае ни характеристикой пиратствующего народа, т. к. они проявляли самое вежливое отношение, я бы даже сказал, изысканность манер по отношению к нам во всех случаях. Реальный факт заключается в том, что жители этой части Кавказа после установления турецкой власти на Черном море, будучи в результате турецкой зависти и их постоянных войн исключены в течение столетий от поддержания любых связей с более цивилизованными нациями Европы, особенно с их старыми друзьями генуэзцами, сейчас представляют странную аномалию народа, сохраняющего значительное количество рыцарских обычаев и манер, которые отличали воинов средних веков, в соединении с манерами Востока и их собственную природную горскую простоту.

Напрасно я искал среди толпы глаза какого-то начальника, чье присутствие сдерживало жестокость воинов вокруг меня; никого не смог я обнаружить: они все казались из одинакового рода, одного ранга, и даже, за исключением их бурной радости, громкого крика и пения воинственных песен, их упорядоченное поведение не уступало никакой группе людей, даже в самой дисциплинированной стране самой деспотической власти в Европе.

Я был впервые поражен их прекрасной воинственной наружностью, атлетическими формами, правильными чертами лица и гордым сознанием свободы, проявляемым в каждом взгляде и движении. Самый хорошо воспитанный кавалер Европы не может сидеть на своей лошади с большей легкостью и грацией, чем эти свободные горцы, и такую симметрию благородных животных я никогда не видел, исключая нашу собственную страну. Все это едва ли соответствует бедности их одеяний и личного снаряжения; но, даже если бы они были одеты в веревки, парусину, самое грубое сукно и даже в овечью шкуру, я был бы вынужден любоваться разумным видом их одеяний и превосходной способностью черкесов обнаруживать стройность фигуры, защищаться от погоды и соответствовать военному стилю; и, тем не менее, это было одеяние этого народа с незапамятных времен,— народа, на который мы привыкли смотреть как на варваров, но одежда которого и система ведения боя сейчас принимаются, чтобы улучшить систему русской армии. Обычно платье черкесского воина всех классов — туника, похожая на военную польскую, без воротника, плотно прилегающая к телу и спускающаяся к колену, закрепленная посередине кожаным поясом, украшенным согласно богатству и фантазии владельца золотом и серебром, в который насажены пара пороховниц и кинжал: последний является самым внушительным оружием в открытом бою; во время атаки они держат его в левой руке и от его ширины, длины, достигающей локтя, он служит щитом во всех отношениях. В добавление к этому, черкесы вооружены легким мушкетом, висящим через плечо, и саблей, висящей на шелковом шнуре в турецком стиле; прикрепленной к ремню является пороховница и маленькая металлическая коробка, содержащая кремль, сталь, смазочный материал (масло), нередко и маленький топорик.

Следовательно, черкес, верхом или пеший, во все времена полностью вооружен. Иногда он носит метательное копьё, которое он использует с необычайной ловкостью и эффектом, бросая его на большую дистанцию с прицелом, который никогда, не ошибается. Последнее оружие также используется как опора для винтовки, имеющее желобок на вершине специально для этой цели.

Луки и стрелы сейчас используются только тогда, когда они хотят продолжить безмолвный бой с врагом или когда они не имеют достаточно пороха или огневого оружия.

На другой стороне груди мундира находятся карманы для патронов, сделанные из сафьяновой кожи, обычно содержащие 24 дроби (шарика): эти не только завершают военный облик солдата, но в некоторых случаях защищают грудь и чрезмерно удобны: круглая шерстяная шапка с верхушкой такого же цвета, как карман для патронов, покрывает голову; и суконные штаны в восточном стиле завершают костюм. Только князьям и аристократии дано право одеваться в красное; и черкесы, подобно туземцам других восточных стран, бреют голову и никогда не показываются босыми. Маршируя или путешествуя, они всегда берут плащ, сделанный из шерсти верблюда или козла, с капюшоном, который полностью обертывает всего человека — это называется «чаока» — и ни один макинтош не был когда-либо столь непроницаемым для дождя; сворачиваемая в толстые складки, она образует постель во время их лагерных стоянок и служит в течение дня защитой от палящих лучей солнца.

ПИСЬМО 16

Вторая поездка во внутреннюю Черкесию.— Общий вид черкесской территории.— Прибытие в резиденцию пшихана.— Его гостеприимство.— Домашние манеры.— Образ жизни — Визит черкесского князя.

Дав, в моем последнем письме, вам оценку моего первого впечатления от черкесского народа, я сейчас продолжаю описывать мой путь, и то, как очарователен был каждый пейзаж, открывающийся путешественнику, столь долго утомленному монотонными степями Крымской Татарии. Бодрящие ветры гор давали ощущение свежести и наделяли добавочной энергией тело. Прекрасный горный пейзаж в его бесконечных формах представлял все, что могло очаровать глаз и подбодрить дух. Даже частый ливень, катящий облако, и хриплый гром приветствовались с удовольствием.

Мы были проведены через очаровательную равнину Пшады, омываемую живительной рекой такого же названия. Но описать красоту пейзажа и плодородие страны означало бы только повторить то, что я уже сказал, рассказывая детально о моем прежнем визите в Черкесию. Тем не менее, я проник сейчас на большее расстояние внутрь, и мое описание станет более правильным. Правда, я был не только обрадован, сколько удивлен, увидев высокий уровень разведения земледельческих культур, проявляющийся в столь далекой стране — стране, населенной народом, который, как нас уверяли, еще не вышел из варварства; хотя их маленькие домики, словно подвешенные на склонах гор или теснящиеся у реки, были

отнюдь не хуже в опрятности, чем у тиролевских и шведских горцев.

Можно было видеть, как бесчисленные стада рогатого скота, огороженные #частоколами, паслись на сочных пастбищах — в одном меате; в другом — мужчины, женщины и дети были заняты различной земледельческой работой, давая к пейзажу этот прекрасный сельский вид, столь характерный для пастушеского народа и я был немало развлечен, увидев мужчин и мальчиков на работе в полях, которые, увидев нашу

процессию, оставляли свои занятия, устремлялись к своим домам, вооружались и седлали своих коней, чтобы увеличить наши ряды.

На расстоянии около пары лье от берега равнина значительно расширялась, и мы застали прекрасный вид манящей гряды Кавказских Альп. Здесь мы встретили группу черкесов, которые информировали нас, что глава племени чипакоу¹⁰, к которому мы ехали, отсутствует с его сыновьями на всеобщей встрече конфедеративных князей; но его двоюродный брат, который проживает несколькими лье дальше, будет очень счастлив принять нас.

Мы сейчас выбрали верховую тропу через густой лес, следуя по подъему быстрого ручейка, который вывел нас над горой, к другой равнине, называемой Дчианоглоти, омываемой незначительным потоком. Эта равнина была намного более разнообразной и романтической, чем та, через которую мы прошли, изредка превращаясь в крошечную равнину и затем в узкое ущелье. Она была, также, большей частью, прилежно обработана и, как мне сказал капитан, густо заселена; но, тем не менее, не было видно ни одного человеческого жилища, т. к. черкесы имеют обычай скрывать их дома густой листвой, чтобы избежать наблюдения врага.

После путешествия через эту равнину на короткое расстояние, мы прошли в третью, называемую, насколько я смог записать с турецкого произношения моего друга, Neapkheupkhi (Нишепши). Действительно, вся страна казалась разбита на бесчисленный ряд гор, лощин, ущелий и равнин, до тех пор пока прибыли в резиденцию Измаил Бея Атажукина, Пшихана, узденя, или главы второго класса, который принял нас очень вежливо и проводил нас, с большой вежливостью, в свой маленький дом. Здесь мой хозяин оставил меня, очевидно очень довольный громкими возгласами — ори, ра, ка, раздающимися от горы к горе, от скалы к скале. Таким образом, я имел причину чувствовать благодарность за мой прием и был удовлетворен дружеским расположением, оказываемым жителями в отношении меня.

Мы были проведены в апартамент, предназначенный для приема, где молодой дворянин моего хозяина освободил меня от оружия, кроме кинжала, и повесил его на стены комнат, уже украшенные огромным количеством, состоящим из мушкетов, пистолетов, сабель, кинжалов, луков и стрел и одной из двух кольчуг; все содержалось в величайшем порядке и некоторые были богато украшены золотом, серебром и драгоценными камнями.

Комната мало отличалась в своем назначении от таких же турецких. Пол был покрыт ярким ковром, диван красной кожи, набитый конским волосом, стоял в комнате вкруговую и несколько маленьких дощечек, исписанных строчками из Корана на арабском языке, были приклеены к стенам. Из этого я заключил, что мой хозяин исповедует магометанскую веру, что заставило меня подарить ему мой фирман, когда, подобно истинно верующему, он целовал его очень почтительно, очевидно смотря на меня с великим уважением как на обладателя документа столь священного, так как к нему приклеена печать духовного главы всей Османской империи. Тем не менее, его знакомство с турецким языком было просто ограничено несколькими фразами и его знание ислама — неясным и неполным.

Наш обед проходил в турецком стиле, состоял из разнообразных блюд, отдельно подаваемых на маленьких круглых столах около полфута высотой. Их не могло быть менее, чем от 12 до 15. Многие были бы намного лучше, если бы они были бы менее приправлены.

Они были в основном сделаны из домашней птицы, баранины, молока, меда и фруктов, теста. Но все мои просьбы заставить моего хозяина принять участие в еде вместе с нами были безуспешными; он согласно обычаю этого народа оставался в комнате все это время, в самой вежливой форме предупреждая каждое желание его гостей.

Во время еды мы обслуживались, в добавлении к нашему хозяину, несколькими рабынями.

Напиток представлял собой разновидность меда и татарской бузы, сделанной из проса, на вкус напоминал слабое пиво. Хлеб был сделан из пшеницы и кукурузы, прекрасного аромата, в плове, которым невозможно было пренебречь, гречиха была прекрасным заменителем риса.

Конечно, мы имели оловянный поднос вместо скатерти, деревянную чашу вместо стаканов, кинжалы вместо режущих ножей, пальцы вместо вилок и ладони наших рук вместо ложек; но все эти неудобства, общие для Востока, были для меня пером на весах, по сравнению с обязанностью сидеть в течение часа на ковре, скрестив ноги; и, я уверяю вас, я чувствовал немалое удовольствие, когда церемония завершилась, чтобы прогуляться по дворам.

Теснящиеся жилища моего хозяина, о которых можно сказать, что они похожи на маленькую деревушку, были прекрасно расположены на возвышенности, спускающейся к берегу ручейка; и, окруженные дворами, разделены, с не меньшей проницательностью, на сады, фруктовые сады, выгоны, луга и поля, оживленные здесь и там стадами овец и стадами коров, вместе представляющими очень привлекательную картину. Я не мог не восхититься разумному расположению зернохранилища, поддерживаемого короткими каменными опорами, каждая была прикреплена на несколько футов от земли широким круглым камнем..., выдолбленным в центре, посредством которого она эффективно сохраняла зерно не только от сырости, но и от наступлений какихлибо вредителей.

В этой пастушеской стране, подобно патриархальной старине, богатство черкесов заключается в количестве их стад мелкого рогатого скота и стад крупного рогатого скота, к которому мы можем добавить их жен и детей. Всего этого у моего хозяина было бесчисленное количество и очень прекрасных, особенно лошадей; величайшее внимание оказывается каждым черкесом их породе, которая высоко ценится в соседних странах, России и Турции; и я заметил, что знаки, которые выжигаются на коровах, похожи на греческие.

Во время нашей прогулки по дворам, мы встречали жен и детей моего хозяина с их рабами, занимающимися сельским хозяйством и заботящимися о стадах. Некоторые занимались жатвой, другие — доили коров, и одна симпатичная княжна с силой амазонки ремонтировала деревянную ограду с топориком. Среди детей был очень симпатичный курчавый мальчик и девочка 8 или 9 лет, которая, казалось, в особой степени обладала привязанностью отца. Я был точен в искусстве превозносить красоту детей, когда я был, к счастью, сдержан капитаном; хотя в Европе вы завоевали бы сердце родителей, хваля их отпрыска, здесь за подобный комплимент вас обвинят в намерении распространить над ним злое влияние дурного глаза.

Юные мальчишки были не случайно названы «Взгляд Льва» или «Быстрота оленя», т. к. они играли с полудикими лошадьми, как с котятками, даже прекрасная юная принцесса показала высшую степень ловкости, загоняя с упрямой заботой баранов, коров и буйволов в воду.

Женщины Черкесии ни заключены в гарем, как в других частях Востока, ни обязаны скрывать их черты покрывалом от наблюдения иностранца; этот предмет одеяния, носимого ими, больше является защитой от солнца, когда они на воздухе, а внутри дома — как грациозная форма головного убора. Жены моего хозяина были одеты в специальные белые одежды, сделанные из верблюжьих или козлиных волос, которые закутывают всю фигуру. К этому надо добавить муслиновое покрывало; вы даже представить себе не можете, сколь живописен был эффект при наблюдении со стороны. Святая святых, в которую были поселены женщины и дети, кроме того, что заключена в деревянную ограду, полностью скрыта от взгляда толстой листвой деревьев. Здесь находится также навес для крупного рогатого скота; остаток дома или отделен для приема гостей, или заселен защитниками главы дома. Их может быть вместе шесть или семь; все построено из плетня, замазанного внутри и снаружи, и аккуратно покрытого соломой или индийскими маисовыми листьями. Каждый дом содержит 2 комнаты: одна, с большим

очагом в центре, предназначена для кухни и домашних целей, отчасти похожа на такой же в старом английском доме на хуторе, имеющим крючок с длинной ручкой и вешалки, в то время как другая отвечает двойным целям гостиной и общей спальни. Разнообразное покрытие, различных цветов, покрывает пол, и диван окружает три стороны комнаты; только дополнительной мебелью являются несколько маленьких столов, около фута в высоту, и что-то, похожее на комод; если не включать седел, поводьев, попон и оружия, подвешенных напротив стен.

То, что занято женщинами вождя и их рабами, обставлено в похожем стиле; только дополнительной декорацией, я предполагаю, кстати, и украшением, были полки, нагруженные стеклом, фарфором и сверкающей кулинарной утварью, сделанной из латуни, меди или глазурированной глиняной посуды, предназначенной более для показа, чем для пользования. Также было выставлено множество висящих на веревках через комнату различных предметов женского производства, таких, как вышитые салфетки, носовые платки, покрывала и дорогие платья, сверкающие золотом и серебром. В одном углу была куча матрасов, и в другом подушки и покрывала, покрытые ярким муслиновым стеганым одеялом различных цветов, но с наибольшей заботой уложенные, чтобы показать концы каждого, которые отделаны сатином, украшенным золотом и серебром узором в виде веточек; и справедливости ради — по отношению к прекрасным женщинам — надо сказать, что все содержалось замечательно чисто и аккуратно.

В каждой части дома этого примитивного народа маленькая веранда в прекрасную погоду особенно любима; это в общем обставлено циновкой и скамья похожа на диван. Здесь посетителя угощают; здесь импровизатор поет военные песни своего народа и рассказывает традиционные истории. Ее холодная тень предлагает приятное убежище от палящего солнца для проведения полуденного отдыха или для того, чтобы предаться удовольствию любимого чубука.

Именно под тенью мой гостеприимный хозяин, ближе к вечеру, в то время как мы потягивали наш кофе, курил чубуки вместе с его женами и прекрасными принцессами Назик и Жантин, которые пускали клубы с таким смаком, как германский студент, юный воин прибыл во главе войска Юношей примерно таких же лет, все были хорошо вооружены и сидели верхом на прекрасных лошадях. Юный князь, в котором замечательно сочетались атлетические формы и искренность и чистосердечность, проявляемые в выражении его лица, был представлен мне как двоюродный брат моего хозяина, сын одного из вождей Хапсухи (шапсугов) по имени Безруков. Его визит преследовал двойную цель установить торговые отношения с капитаном для снабжения порохом и солью и пригласить меня в резиденцию своего отца, на расстоянии 20 лье через горы.

Поэтому на следующее утро мы начали наш путь до того, как появилась Аврора; и даже так рано семья моего хозяина приготовила завтрак, похожий на тот, который я уже описал.

От иностранца в Черкесии, которому предстоит быть представленному дамам своего хозяина, ожидается, что он подарит им некоторые пустяковые вещи для их гардероба. Зная этот обычай, я заготовил перед выездом из Трапезунда различные безделушки, скорее яркие, чем дорогие, вместе с обильными запасами разноцветных и белых муслиновых шалей, булавок, иголок, немецких серебряных табакерок и т. д., несколько из которых я подарил, отправляясь из дому, моему хозяину и его семье. Едва ли нужно говорить, что они были объектом всеобщего восхищения и заботились, чтобы поднять меня в не меньшей степени в глазах народа. Здесь я также попрощался на время с капитаном, чье дружеское внимание я всегда буду помнить, и поручил себя заботе юного князя и его доблестного войска.

ПИСЬМО 17

Отправление к резиденции черкесского вождя.— Романтический характер пейзажа.— Колония крымских татар.— Альпийская деревня.— Изобилие дичи.— Прибытие в резиденцию вождя.— Его облик и манеры.— Интерьер черкесского жилища.— Серенады в Черкесии.— Военный плач черкесов.— Знакомство с семьей вождя.— Красота женщин.— Их манеры и костюм.— Занятия черкесов.

Невозможно и пытаться детально описать мой путь, так как он проходил через дикую страну, куда не ступала ничья нога, кроме как лесных зверей; было непросто подняться на гору и спуститься в долину над рядом головокружительных пропастей, непроходимых лощин и ужасных теснин, обнаженных, разрушенных, сплетенных и искривленных — формирующих вместе картину альпийского пейзажа, едва ли виданного в самых диких уголках Европы.

Несмотря на то, что наш путь был одной из самых больших вероятностей свернуть себе шею, тем не менее эти смелые горцы скакали во весь опор с такой беззаботностью, с которой мы идем через поле в Англии; но, однако поднявшись, мы увидели, что каждое место, на котором может что-то расти, было покрыто самыми прекрасными лесными деревьями, и даже в некоторых плодородных участках мы находили альпийский коттедж с его полудикими жителями, ухаживающими за козлами. Именно после подъема на несколько тысяч футов открылся особый облик Кавказских гор, ибо, сколь бы ни был обрывист или каменист подъем, каждый непременно завершался плодородным плато, даже на высоте между четырьмя или пятью тысячами футов над уровнем моря. Это, вероятно, независимо от их хорошо известных храбрости и патриотизма, основная причина, по которой каждая попытка подчинить эти народы до сих пор была неосуществимой, ибо, гонимые из равнин, они всегда находили безопасное отступление в горные вершины до тех пор, пока наберутся сил и затем спускались, чтобы уничтожить их врагов.

На вершине одного из плато, где мы остались во время дневной жары, я нашел цветущую деревню, окруженную фруктовыми садами и сельскохозяйственными полями — все чрезвычайно плодородные и в высокой степени ухожены. Я вскоре выяснил, что жители были колонией татар, которые, спасаясь от русского угнетения при завоевании Крыма, нашли здесь безопасный приют.

Когда я сказал им на их родном языке, что я недавно путешествовал через Крымскую Татарию, эти бесхитростные люди расточили ко мне тысячу разных знаков внимания; действительно, мы имели множество причин чувствовать благодарность за их гостеприимство.

Подобно черкесам, татары скрывают свои маленькие жилища позади насыпями или тесными деревьями; и, если бы не бесчисленные стада животных, пасущихся в полях, и мужчины и женщины, занятые различными сельскохозяйственными занятиями, путешественнику было бы невозможно обнаружить, что он находится по соседству с человеческим жильем. Я обнаружил, что эти альпийские коттеджи имеют ту же самую особенную форму, как и те, которые я наблюдал до этого, бродя по далеким горным районам Крыма.

Крыша всегда плоская; будучи крепко сколочены и покрыты слоем гравия, дома становятся фактически непроницаемыми для дождя.

Во время летних месяцев татары имеют обыкновение меблировать вершины их домов диваном и ковром, когда они обычно используются вместо внутренних помещений для обедов и приема друзей; ничуть не менее ценны они осенью, когда служат амбаром, на котором сушатся зерно и фрукты. В центре каждого коттеджа находится огромный камин, служащий трем целям — сообщения их желаний соседям, каналом для отвода дыма и окном для света в комнате. Вестибюль напротив часто является кухней; комнаты для гарема на одной стороне, и конюшня для скота — на другой.

Как бы странны ни показались описываемые коттеджи, они, тем не менее, очень хорошо приспособлены к климату, будучи теплыми зимой и прохладными летом.

Во время нашего пути мы насчитали несколько видов дичи — такой, как дикие индюки, фазаны, зайцы и олени, к которым я могу добавить шакалов, диких кошек и огромного борова. И, хотя черкесы не знают себе равных как стрелки по неподвижному объекту, все же я был бесконечно более метким, когда стрелял в летящую птицу или в бегущего на полной скорости животного: это происходило от дурной привычки, на которую я до этого ссылаясь, использовать остаток винтовки как копье. Леса казались кишющими животными всех видов. В добавление к тем, о которых я упомянул, здесь есть волки, медведи, лисы, рыси и т. д. и, если я правильно информирован, жители Кавказа иногда удостаиваются визита тигра.

При спуске с гор у нас остался достаточный огонь, чтобы смутно увидеть маленькие скопившиеся жилища высокогорного князя, к которому мы направились, которые от ограды напротив и полукруглого ручья, который образовывал естественный ров, так как протекал мимо, казались укрепленными. Но, однако, не в этом дело — главное, что бесчисленные стада мелкого и крупного рогатого скота, которые покрывали гору, говорили более о сельской жизни, чем о феодальной вассальной зависимости.

Несколько лошадей стояли под верандой, оседланные; когда наш вождь выстрелил из мушкета, к нам тут же присоединился старый вождь и несколько людей из его клана, которые приветствовали меня в самой дружеской манере Аттехей (Черкесия, на языке коренных жителей). Облик князя был во всех отношениях рассчитан на то, чтобы возбудить внимание иностранца.

Сам он был высокий и стройный, с бородой, спускающейся до середины пояса. Черты его лица, однако, красивы, но погрубели от длительной незащищенности от погоды, имели смешанное выражение искренности, ярости и хитрости,— результат долгой жизни в условиях войны и опасности.

Хотя он достиг уже семидесяти лет, он все же управлял своим конем с такой легкостью и грацией, как любой из юношей, окружающих меня. Действительно, говорили, что он все же выделялся в конном мастерстве и во всех военных упражнениях в его стране, он только вернулся, за несколько дней до моего приезда, из лагеря около Суджу-Кале, где он показывал чудеса доблести, защищая перевалы от наступления русской армии, и сейчас готовил своих соплеменников ко второму походу.

Резиденция моего хозяина была также примитивна по своей конструкции, как та, которую я уже описал, единственное различие заключалось в том, что здесь было немного более отдельных коттеджей, а два или три, в отличие от предыдущих, были намазаны снаружи специальной минеральной глиной, найденной в окрестностях, которая становится от воздействия погоды очень твердой, и это имело неплохой эффект. Что касается комфорта и удобств, не было видно никакой ни мебели, ни приспособлений: окна, открытые днем, просто запирались на ночь от холодной сырости плохо пригнанным ставнем; во время суровейших холодов пергамент заменял стекло.

Это всеобщее отсутствие домашних удобств полностью контрастировало с прекрасными доспехами мужчин, их оружием, украшенным драгоценными камнями, благородными лошадьми и богатыми попонами; вместе с прекрасным восточным костюмом женщин, которые в их платьях из золотой парчи и серебряной кисеи напоминают павлинов, гордо ходящих с важным видом по двору. Тем не менее, путешественник, находясь в доме черкесского вождя, не имеет повода для жалоб. Комната, предназначенная для чужестранцев, всегда снабжена диваном, подушками и покрывалами: всегда весело, и я не думаю, что любой другой народ когда-либо предоставлял чашу с освежающим напитком усталому путешественнику с большим желанием.

Когда я вошел в апартамент для гостей, в который князь, оказывая мне любезность, проводил меня, его дворянин, согласно всеобщему обычаю этого народа, освободил меня

от всего оружия и повесил его на стены комнаты рядом с оружием своего хозяина, кроме кинжала, с которым черкес никогда не расстается, считая частью костюма.

Как это похоже на воинов Древней Греции! А теперь с дружелюбной силой он схватил его за руку и провел по залам дворца; он снял свою кольчугу и сверкающий шлем и повесил великолепные доспехи на стены; Так как там находилось потускневшее оружие Улисса, брошенное и никогда оно больше не завоюет корону завоевателя.

После принятия великолепного ужина, сопровождаемого такой же церемонией, как та, которую я уже описал, две женщины-рабыни принесли теплую воду, в которой мои ноги были заботливо помыты; это является существенным ритуалом черкесской вежливости.

Я вскоре обнаружил, что в Черкесии для сна необязательно ложиться в кровать; а, будьте уверены, если бы Юнг являлся аборигеном Востока, мир никогда не был бы осчастливлен его «Ночными мыслями». Среди такого шума и треска, который сейчас стоит в моих ушах, автор, вместо того, чтобы думать, должно быть, удовлетворился слушанием, и если бы его стихи были бы когда-либо переведены на черкесский язык, коренные жители наверняка сочли бы поэта сумасшедшим. Действительно, пустяки, но если привыкнуть к ночным хористам, ничто не мешает усталому путнику заснуть. Кроме щебечущих бесчисленных насекомых, квакающих мириад лягушек, чей объединенный шум разносится далеко и широко через лес, существовали другие виды этих галдящих пресмыкающихся, которых я никогда не встречал, кроме как в горах Кавказа и чье пение, глубокое, звонкое и даже музыкальное, звучало, как на концерте, словно они солировали. Все это было достаточно плохо, тем не менее, это можно было бы вынести, если бы я не был удостоен визита шакала, чей плач был столь меланхоличным, пронзительным и ужасно диким, что, когда их целые стаи, что, к несчастью для моего сна, случалось, — ситуация достаточная для того, чтобы пощекотать нервы даже самому толстокожему человеку, который слушает их впервые.

Именно исключительно военный плач черкесов является точной имитацией стога этого животного; и когда исполняется в один момент тысячами, является самым ужасным, неестественным и пугающим воплем, когда-либо издаваемым народом в присутствии врага. Русские офицеры уверяли меня, что его влияние на войска столь парализующе, что они оказываются не в состоянии защищаться.

На следующее утро, вследствие моей щедрости в дарении женщинам подарков и моей профессии хаккима (врача — Н. Н.) юный князь представил меня своей матери и сестрам, т. к. эти люди, как я прежде упоминал, в отличие от других жителей Востока, не строго изолируют своих женщин в гарем. Вероятно, они последовали в этом отношении примеру их соседей черноморских казаков Тем не менее, по какой бы причине это ни было, я часто видел женщин на публичных ассамблеях мужчин, особенно тех, которые незамужем. Однако, женатые мужчины не появляются на людях со своей женой: не видят они ее и днем, когда необходимо избегать друг друга. Этот обычай порожден не от чувства неуважения к прекрасному полу, а из древнего обычая и желания продолжить царство любви. Подобный закон был учрежден Ликургом среди лакедемонян.

Но вернемся к моему визиту: получив самый вежливый прием от княгини и ее дочерей, я сделал им, согласно всеобщему обычаю, несколько пустяковых подарков, которые они приняли, давая мне украшенный пояс для моих пистолетов и пару красных сафьяновых футляров для патронов работы их собственных прекрасных рук.

Мать моего юного спутника, возрастом, вероятно, между сорока и пятьюдесятью годами, была роскошно одета в голубую шелковую одежду, открытую спереди, охваченную серебряными застежками и поясом, украшенным серебром, разноцветные брюки были из очень красивой турецкой кисеи, и в красные домашние тапочки; на голове она носила легкое покрывало, частично устроенное как тюрбан и частично падающее грациозными фалдами над ее шеей и плечами, полностью скрывая ее волосы; к этому была наброшена широкая, тонкая кисейная вуаль, которая почти окутывала ее фигуру; ее платье, будучи заполнено обильным числом золотых безделушек, очевидно, чрезвычайно древних и в

основном ручной работы, я думаю, венецианских умельцев. Ее лицо, однако, сохранило черты великой красоты.

Наряд ее дочерей был даже более прекрасным; но вместо тюрбана каждая носила тиару из красной сафьяновой кожи, украшенную обилием маленьких турецких и персидских золотых монет. В остальных деталях их платья были похожи, за исключением волос юных дам, которые вместо падающих на шею локонов, как у замужних женщин, были заплетены в толстую косу, завязанную на конце серебряной веревкой, которая спускалась ниже талии; их черты лица были также прекрасно правильны и выразительны, как и у матери; все же следует признать, что их болезненный цвет лица ни в коем случае не улучшает их облик. Независимо от возраста они были упакованы в плотный кожаный корсет, носимый всеми черкесскими девочками, который, без сомнения, принципиальная причина их нездорового облика.

Дав сигнал, юный князь, согласно обычаю, покинул комнату, когда одна из его жен вошла, княгиня Демиргойского племени, одна из красивейших женщин, которых я когда-либо видел. Ей, вероятно, около восемнадцати: с очень правильными греческими чертами лица; глаза, большие и темные; цвет лица ровнокоричневый; руки и ноги изящно малы и вся ее фигура восхитительно создана. Она была одета в похожем стиле, как и старшая княгиня, за исключением того, что с большим вкусом, и изучала нас с не меньшей степенью кокетства: ее прекрасные темные волосы спускались в косах на ее плечи.

Действительно, прекраснейшие женщины, которых я видел в Черкесии, были юные и замужние, формы которых, освободившись от кожаного ограничения, развивались во всей роскоши женственности.

С первого взгляда мы, должно быть, склонялись в мысли, что существовала чрезмерная доля полноты в фигуре; но это происходит более от обычая носить широкие восточные брюки, чем от любого дефекта природы. Короче, красота черт и симметрия фигуры, которыми отмечен этот народ — не фантазия (некоторые из прекраснейших статуй древности не являют в их пропорциях большего совершенства); но это своеобразная степень воодушевления в глазах, столь обычно заметная, приковывает внимание более всего: когда проявляется в мужчинах, это придает большую жестокость выражению лица; когда мы видим поднимающегося на пышущего коня воина, вооруженного и экипированного для битвы, размахивающего своей кривой саблей в воздухе, изгибающегося, поворачивающегося и останавливающегося на полном галопе с непревзойденной ловкостью и грацией движений — он являет идею гомеровского Гектора.¹⁴

Цвет лица обоих полов является, гораздо более румяным и свежим, чем можно было ожидать на такой широте — у женщин более нежный, которые, сознавая, подобно женщинам Европы, преимущество привлекательной личности, используют искусственные средства, косметику и т. д., чтобы улучшить их красоту. Однако, путешественник, который сможет прочесть мой отчет и ожидает найти все население таким, как я его описал, будет полностью разочарован, он найдет себя, прибыв в Черкесию, окруженным племенами ногайских татар, калмыков, тюрков и даже лезгов. Последние, тем не менее, прекрасная воинственная порода, близкая по внешнему облику к черкесам, но более жестокая по характеру и менее изысканная в манерах. Кавказские равнины были во все времена убежищем тех, кто бежал от угнетения в соседние страны, следовательно, мы везде находим племена, отличающиеся от других в облике, обычаях, манерах. Однако, так как черкесские мужчины никогда не рождаются с какими-либо другими народами, кроме как со своими собственными, они сохраняют их род незагрязненным, отец уделяет большее внимание красоте лица и фигуры жены для своего сына, чем любым другим мыслям и, если я правильно информирован, князь или уздень никогда не продают своих дочерей в жены, кроме как лицам своей национальности и своего ранга.

Мое первое впечатление в Пицунде, когда я увидел кавказцев вместе, было таково — они определенно греческого происхождения. Это, тем не менее, я нашел, не совпадает с

общим физическим обликом народа; когда я проник вглубь страны, там с маленьким орлиным носом были более соразмерны прекрасные изогнутые брови, чем у любого другого народа. Это замечание особенно относится к властному племени, называемому нотахайцы или, как их называют по-русски натухайши, отмеченные как самая смелая, красивая и чистая раса среди черкесов и которая, однако, хранит традицию, что их предки пришли из-за моря. Если бы не тот факт, что мы сейчас пускаемся в область легенд, мы могли бы почти предположить, что они потомки троянцев.

Я нашел княгиню и ее дочерей занятыми вышивкой. Это изысканное занятие не занимало, тем не менее, большой доли времени женщин Кавказа; и женщины моего хозяина, подобно старым княгиням, время от времени занимались сами прядением шерсти и льна; их прекрасные руки не только делали вещи для своей семьи, вплоть до хорошей обуви, но плели верблюжью и козлиную шерсть в покрывала, делали подушки для седел, попоны для лошадей и футляры для мечей и кинжалов. Не менее искусны они были в искусстве кулинарии или управления маслобойней; и иногда даже показывали свое умение в полях, весь гардероб нарядов отложив до торжественных визитов.

Мой хозяин был чрезвычайно трудолюбив; кроме строительства своими собственными царственными руками маленьких коттеджей, которые он занимал, он был сам себе плотником, дубильщиком и ткачом, устанавливающим свои пистолеты и мушкеты, производящим свои неподражаемые луки и стрелы; и, подобно старому царю Приаму¹⁵, вместе со своими царственными сыновьями пахал землю и заботился о стадах в горах; и, когда холодный снег прерывал их занятия на открытом воздухе, когда нельзя было больше терпеть, он делал ковры великой красоты, которые пошли нарасхват в Турцию или Персию. Но это не единственное его занятие: он отливал пули, делал порох; и если это было недостаточно, чтобы заполнить его время, он курил свой чубук.

В Черкесии не существует регулярной корпорации ремесленников и купцов, за исключением оружейников и золотых дел мастеров, которые придумывают и украшают оружие золотом, серебром и драгоценными камнями, в чем они проявляют элегантность и вкус. Я часто восхищался красотой замысла, воплощенного в их саблях и кинжалах, хотя прелесть облика, который они придают изделиям, нельзя превзойти: ни даже их изобретательного метода покрытия инкрустацией перламутром мушкетов и маленьких столиков. Их латунные кованые цепи и некоторое оружие приобретается из Персии и Турции.

Искусство приготовления пороха, которое, кажется, известно на Кавказе с незапамятных времен, является чрезвычайно простым; они просто кипятят до выпадения нитрат калия в сильной щелочи, получаемой из березового и тополиного пепла, когда он закончит кристаллизацию, затем растирают с двумя частями серы и таким же количеством древесного угля. После того, как смесь смочат, ее кладут в котел и кипятят на слабом огне, до начала грануляции.

ПИСЬМО 18

Подозрительное отношение черкесов к иностранцам.— Путешествие по равнине Тумуса.— Прибытие в черкесский лагерь.— Ситуация.— Черкесские партизаны.— Их способы борьбы.— Разведка.— Счастливое бегство.— Русский шпион.

Так как турецкий капитан, с которым я прибыл в Черкесию, был хорошо известен жителям своим бесстрашием в снабжении их предметами первой необходимости, солью и порохом вопреки русской блокаде, установленной на их берегах, меня, следовательно, везде принимали с дружеским гостеприимством. В добавление к этому, я был лично представлен главам чипакского, натухайского и шапсугского племен (хапсух) и

немедленно, высадившись, согласно установленному обычаю, я провозгласил старейшинам земли Пшад имя моего кунака, одного из самых могущественных среди конфедеративных князей Черкесии.

Тем не менее, все это не освободило меня от того, чтобы я стал объектом сильнейшего подозрения; каждое действие и движение было под самым пристальным наблюдением, и это подозрение, тем не менее, возросло благодаря моему собственному любопытству, которое заставляло меня задавать бесчисленные вопросы некоторым армянским купцам, которых я встретил в доме князя, спрашивая их о манерах и обычаях народа, протяженности страны. Но, когда я занес это в мою записную книгу и даже зарисовал их самих, их дома и различные другие объекты, раздражение этого самого ревностного народа не знало границ.

Это было чрезвычайно серьезным нарушением их законов и обычаев; и некоторые даже дошли до того, что полагали, что я мог быть русским агентом. Совет старейшин был поэтому созван и совещание имело цель проэкзаменовать путешественника перед тем, как ему было бы разрешено путешествовать дальше через территорию. Было потребовано название моего народа, цель моего визита в страну; кроме сотни других вопросов такого же направления.

Я сейчас почувствовал всю тяжесть необдуманного поведения для достижения цели, которую я преследовал, называя себя французским стамбульским хаккимом и говоря, что Генуя — моя родина. Они никогда даже не слышали о такой стране, ни о народе и не испытывали никакого уважения к любому другому народу под небесами, за исключением турков и англичан; весь мир кроме них объединив со своими врагами — русскими. Мое положение было незавидным; сколько бы я не отклонялся в наименьшей степени от моего первоначального заявления, это только делало эффект еще хуже.

Не помогло объявление цели моего визита, которым я рассчитывал смягчить их неблагоприятное мнение. Они не могли понять, какое иностранцу дело до их обычаев и нравов и какой интерес он преследовал, пересекая широкие, широкие моря, чтобы увидеть их страну. Все мои бумаги у меня забрали; и рассуждения старейшин о смысле таких невразумительных документов были до смешного фантастичны.

Некоторые заявили, с выражением яростнейшего негодования на лице, что они были на русском языке; тогда, немедленно, было вызвано несколько русских рабов, чей ответ был отрицательным. Греки, армяне и турки затем появились, все заявили, что они никогда ранее не видели такого любопытного человека, не слышали столь странного языка и что пленный, должно быть, с другого конца земли.

Не найдя ничего, что могло бы изобличить меня как русского агента, вдобавок к интересу моего спутника, юного князя, который расположился ко мне с начала нашего знакомства — все это подействовало в мою пользу; и старейшины после зрелого размышления решили, что я буду проведен через самые запутанные и горные районы к долине Тумуса, где находится лагерь моего кунака, чтобы я не смог ориентироваться на местности.

Действительно, мы смогли сильно изумиться подозрению, с которым к иностранцу относятся черкесы, тем не менее это можно понять, когда мы вспомним, что этот несчастный народ боролся в течение последних полвека против легионов мусковитов, и подкупающих их преданность, и пытающихся поддержать гражданскую вражду, и отделяющих народ от их князей взятками, обещаниями и всеми различными лстивыми изобретениями, которыми русское правительство столь по праву знаменито.

После неприятного двухдневного пути через ущелье, долину, гору и реку я прибыл в лагерь моего усыновленного кунака. Я имел, тем не менее, удовольствие, быть сопровождаемым моим юным другом, Бейцрукоу, который заботился, чтобы каждое мое желание выполнялось. Я нашел своего кунака лежащим на своем ложе с приступами переменного жара, от которого я имел удовольствие вылечить его в течение нескольких дней, так как позаботился в свое время захватить с собой большой запас медикаментов.

Слава этого эскулапского подвига вскоре распространилась широко и далеко. и я был тотчас возведен в достоинство доктора первого порядка; следовательно, я был ежедневно осаждаем больными, многим из которых я имел счастье помочь; так как их природная здоровая конституция вообще не приучена к медикаментам, маленькие дозы лекарства, которые я давал, давали мгновенный эффект и улучшение.

Едва ли нужно говорить, что, показав знаки дружбы, которые я получил от друзей моего кунака в Стамбуле, все подозрения в моей честности были немедленно рассеяны, и принц устроил меня на службу домашнего хаккима, кроме того, что положение гостя на Кавказе само по себе приятно.

Князь Хапсоухов или, как туземцы обозначают сами себя на их диалекте — шапшиков, выбрал расположение для его лагеря с не меньшей долей военного умения и здравого смысла, это — долина на вершине обширной горы, полностью окруженная скалами, неприступными со всех сторон, за исключением одной, и это было ущелье столь тесное, труднодоступное, что 2 всадника могли едва разминуться. Безопасное отступление в случае поражения не было единственным преимуществом этого положения; князь также командовал всеми соседними перевалами — Мезип и Коутлоуци, ведущими к русскому форту Геленджик; Тумусом, к Суджук-Кале; и так называемым Сухай, связанным с Анапой; в то же время, он был достаточно вознесен, чтобы позволить себе, с случаях близкой угрозы, с помощью костров поддержать связь со своими братьями по оружию в различных частях страны.

Несмотря на выгодное положение, которое он занял, с объектов, которые он имел в поле зрения, было вернее наблюдать передвижение противника, отсекал отставших от лагеря, измотать их заставы и передавать информацию жителям внутренних частей страны, чем вести войну. Хотя он имел вместе со своими войсками только около тысячи мужчин и русские пятнадцать тысяч, все же едва ли один день проходил без потрясающих некоторых легких столкновений, успех был, главным образом, на стороне черкесов, которые редко подвергают себя опасности, покуда не уверены в победе; таким образом полностью преуспевая не только в ограничении врагов траншеями, но и в предотвращении их от строительства необходимых укреплений.

Когда мы рассматривали природу страны, силу теснин и воинственный дух народа, мы должны чувствовать, что ничто иное, как превосходящие силы русской армии, их значительные военные запасы и укрепленные позиции — дают возможность им сохранять в своем владении форты, и если бы горцы знали хотя бы ценность легких гаубиц, то, без сомнения, русские были бы полностью истреблены, если бы они попытались пройти через внутреннюю часть страны.

И так уж, если уж полагаться на сообщения, которые я получил от дезертиров и русских рабов в лагере князя, армия генерала Вильяминава 16 понесла большие потери в их недавнем сражении с черкесами при взятии Суджук-Кале.

Партизанская система пустила такие корни на Кавказе во время длительной борьбы между черкесами и их соседями, что она достигла высочайшей степени совершенства, будучи способом войны, хорошо приспособленным к силе и грубым привычкам народа. Вожди — люди самой несомненной храбрости — уверенные в нерушимой вере и преданности своих кланов, предпринимают самые романтические походы и часто терпят неудачу в достижении цели, которую они имеют в виду, с активностью и целеустремленностью поистине потрясающими.

Каждая позиция, занятая врагом, хотя и напичкана оружием, является тем не менее, недостаточной, чтобы защитить их. Эти хитрые горцы притаются, скрытые в течение целых дней горными проходами и, когда представится подходящий момент, обрушатся на их жертву, подобно тигру, и скроются в горах. Кроме того, черкесы, действуя независимо и в малой степени под руководством их соответствующих вождей, являются постоянным источником беспокойства и не дают покоя целым бригадам. Следовательно, будьте уверены, что покуда волна публичных чувств не изменится в пользу России, что ни в коей

мере не является вероятным, она не преуспее в ее попытках покорить эти районы даже с силой триста тысяч человек, т. к. только это число потребовалось бы для того, чтобы занять проходы в горах, которые везде рассекают страну, чтобы нарушить всякую связь между вождями; и затем, сильными колоннами, преследовать различные формирования партизан. Но это не все; природа столь благосклонна к этой стране, что даже если они будут выбиты из равнин и теснин, то вершины гор, будучи плодородными, предложат безопасное убежище для них самих и их стад.

Враждебность, питаемая жителями Кавказа к русским, за последнее время увеличилась тысячекратно не только вследствиеотягченных сообщений польских 17 и татарских дезертиров, которые проживают среди них, но из-за их собственных страданий. Вдобавок к длительной и непрекращающейся партизанской войне, продолжающей лишать их страну независимости, они обвиняют русских в бессмысленном сжигании их деревень, в насильственном захвате их жен и детей и поддержке их соседей — грабителей, черноморских казаков, проживающих на другом берегу Кубани. Эти, они говорят, вопреки самым торжественным договорам, тем не менее, пересекают реку, грабя и опустошая все перед собой.

Черкесы столь решительно настроены сохранить свою независимость любой ценой, что на недавней встрече конфедеративные вожди, отдав все мелкие поместья в пользу общих интересов, склонились к тому, чтобы никогда не вложить меч в ножны, пока русские остаются на их территориях.

Трудно было высказать мысль об их конечном успехе, если учесть ту гигантскую силу, которой они должны были противостоять, и темные и мрачные маневры, которые это правительство применяет, когда решит достичь какойто важной цели. Но существует надежда, если мы вспомним природу страны, чрезвычайную смелость народа, их привязанность к своим вождям, романтическую любовь к свободе, то что они являются самыми лучшими партизанами в мире и, кроме того, что они до настоящего времени сопротивляются каждой попытке продать страну ради золота кинжалов, украшенных драгоценными камнями.

Во время кампании различие рангов, кажется, не вызывает отличий между ними: вождь одет не лучше, чем рядовой соплеменник, сумка проса, здесь называемого аджика, и кожаная бутылка, полная сху (сорт кислого молока), образуют запас провизии; и бурка (чаоко) является и тентом, и кроватью. Черкес никогда не жалуется, что он не может двигаться из-за неимения обуви или существовать из-за недостатка провизии; ибо, если сумка с аджикой или бутылка с сху опустеет, винтовка обеспечит ему обед до тех пор, пока птица летает в воздухе или дикий зверь бродит в лесах.

Закаляемые в том, что мы называем лишениями, с младенчества и практикуя воздержание в высокой степени, которая считается здесь добродетелью, они переносят все превратности войны не только без сетования, но с бодростью. Вот пример их отчаянной доблести: русские офицеры уверяли меня, что черкесский воин никогда не сдается, сражаясь до последнего дыхания, даже с войском врагов, лишь только когда он обессиливает от ран, тогда только он может сдаться на милость победителя и, если место мне позволит, я могу рассказать подробности о героизме и доблести этого народа, возможно, беспримерных в истории любого другого. "Даже во время моей короткой остановки в лагере я был свидетелем подвигов, которые не опозорили бы лучшие страницы рыцарского романа.

Ко всей этой храбрости мы можем добавить, что они владеют таким же количеством хитрости, ловкостью, что абсолютно невозможно перехитрить их: враг никогда не может рассчитать их движений, т. к. появляясь как из-под земли, они сейчас находятся в одном месте, затем — в другом, и даже ползут, подобно змее в траве и удивляют часового, дежурящего на воротах крепости; одним словом, каждое дерево, утес и кустарник служит черкесу засадой.

В случае крайней опасности сигнальные костры, связанные друг с другом подобно телеграфу, зажигаются над горами, которые черкес, не успев увидеть, тут же хватается оружие, взбирается на лошадь, всегда оседланную и наготове стоящую у его двери, и галопом скачет к вождю.

Нет слов, чтобы описать достойным образом стремительность черкесского заряда; самым храбрым европейским войскам он показался бы абсолютно жутким, т. к. выпускается со скоростью молнии, сопровождается наводящим ужас военным криком, напоминающим как я ранее заметил, вой шакала. Такой также является восхитительная выучка лошади и всадника, что я ежедневно изумляюсь подвигам наездничества даже самого слабого солдата, намного превосходящим по драматическому эффекту любое публичное конное состязание, которое я когда-либо видел в Европе; это кажется почти невозможно для человеческого тела выполнить. Например, черкесский воин спрыгивает со своего седла на землю, бросает кинжал в грудь лошади врага, снова прыгает на седло; затем становится прямо, ударяет своего противника или поражает цель почти точно его легким кинжалом; и все это в то время, как его лошадь продолжает полный галоп.

Но прекраснейшее зрелище, которое вы можете, возможно, вообразить от этого описания войны, является единоборство между одним из этих прекрасных парней и черноморским казаком, единственным кавалерийским солдатом в русской армии, вообще способным защитить его землю против такого грозного противника, который, тем не менее, в конце почти непременно становился жертвой превосходящей удалости и ловкости черкесов. Эти сражения обычно сопровождаются всеми формами борьбы и, к чести обеих армий, строжайший нейтралитет соблюдается.

Я не видел сам любого из этих рыцарских поединков, но русский офицер, к чьей правдивости я испытывал самое определенное доверие и кто был свидетелем этому несколько раз, снабдил меня следующими подробностями: — «Сражающиеся обычно начинают атаку на полном галопе с легким мушкетом; но т. к. хорошо натренированы оба, то первый пыл редко оказывается эффективным, т. к. они оба и прыгают с седла и через седла с одной стороны, чтобы уклониться. Иногда они берегут снаряд до тех пор, пока, подобно змее, устремляющейся к своей жертве, каждая сторона выжидает благоприятного момента, когда его противник потеряет бдительность, чтобы выстрелить. В другой раз, когда на полном галопе они встречаются с ужасным грохотом, они резко разворачиваются и начинается борьба на смерть, в которой одному или другому наверняка суждено пасть».

Если лошадь убита, черкесу это безразлично, вследствие прекрасного обычая привязывать все оружие к себе, и его ловкость такова, что он в общем уклоняется от всякой попытки разрубить себя, разве только значительными силами. Даже если он окажется без лошади, он не упустит случая прыгнуть, как тигр, на лошадь своего противника и стащить всадника в пыль.

К этим одиночным сражениям постепенно примыкают товарищи до тех пор, пока не вовлечена вся группа.

Вообще говоря, черкесы никогда не начинают атаку; их манера борьбы в том, чтобы после неистовой атаки,— исчезнуть, подобно молнии, в лесах, когда они несут с собой их убитых и раненых; и это единственный момент, когда они вовлекают в это божественную власть, которой они придают религиозный характер, что русские имеют шанс получить существенное преимущество, за исключением, действительно, когда пушка — ужас горцев — гремит против них. С другой стороны, стоит только рядом русских войск прийти в расстройство, как их буквально разносят на клочья в течение нескольких минут.

С самого начала моего знакомства с вождями я уверенно отклонялся от того, чтобы участвовать в партизанской войне, провозглашая при каждой возможности, что я — миролюбивый хакким, и что мой визит был визитом исключительно связанным с любопытством. Кроме того, сколь бы я ни проклинал амбициозные взгляды русского правительства и не осуждал его эгоистичную политику, у меня было достаточно причин уважать многих из них лично. Вдобавок к этому, я был лично знаком с несколькими

офицерами, служащими в соседних крепостях. Каким же образом тогда я мог бы поднять руку на них или быть орудием их уничтожения?

Тем не менее, во время моего короткого пребывания в лагере любопытство неоднократно побуждало меня к сопровождению князя в его разведывательных экспедициях; но черкесская разведка слишком дерзка, чтобы не сопровождаться значительной опасностью, и в одной из этих разведок мы оказались с несколькими преследователями на равнине Суджук, полностью окруженной превосходящими силами черноморских казаков, которые засели, подобно батальону лягушек в высоких тростниках и камышах по берегам реки. К счастью, бдительность соплеменников нашего вождя не спала; ибо, чувствуя опасность для нас на расстоянии, они кинулись нам на помощь, иначе мы, вероятно, кончили бы плохо; и так уж у нас несколько человек были ранеными и погибли три лошади. Что касается меня, я был обязан жизни прекрасному обычаю носить патроны на груди одежды для моей защиты, по крайней мере это спасло меня от сильной раны, когда пистолетный выстрел полностью разбил один из металлических тубиков, полных пуль, не оставив никакого плохого эффекта, кроме легкого синяка.

Но единственное обстоятельство, сопровождающее атаку, показалось направленным против моей свободы, которое я подозревал, было не случайным. И это подтвердилось. После сообщения вождю моих подозрений, что в лагере находится предатель, четкое наблюдение было сохранено, что привело к разоблачению волынского дезертира, который был раскрыт следующей ночью при возвращении из русского лагеря. Я сейчас обнаружил преимущество в том, что я назвался стамбульским хаккимом. Но, если бедный доктор был объектом злобы русского генерала потому лишь, что он был европейцем, что бы случилось со мной, если бы они узнали, что я англичанин.

Фактически Черкесия окружена русскими шпионами, несмотря на самую активную бдительность вождей; но к чести народа их редко находят среди аборигенов страны, ими в основном являются путешествующие армянские купцы, корыстная порода людей, которая в любое время продаст честь и честность за золото. Иногда, действительно, русские дезертиры, называющие себя поляками, и после злоупотребления гостеприимством черкесов, возвращаются в свой собственный лагерь, таким образом, предавая их самым грязным образом, что является причиной всеобщего недоверия не только к полякам, которые нашли убежище здесь, но и ко всем иностранцам без гарантийных писем.

ПИСЬМО 19

Планы России для подчинения Черкесии.— Приготовление конфедеративных племен к вступлению против России.— Отправление к черкесскому лагерю на Убине.— Прекрасный пейзаж.— Прибытие в лагерь.— Выставление национального знамени.— Энтузиазм народа.

Через несколько дней после моего прибытия в лагерь прибыл курьер, принесший важное сообщение, что казаки делают большие приготовления на противоположных берегах Кубани, чтобы одновременно вторгнуться в страну с русским гарнизоном крепости Абун, или Убин, для учреждения линии связи между фортом и русскими владениями в Черном море — Геленджиком и Суджук-Кале. Таким образом намеревались предотвратить все связи между шапсугами, натухайцами и другими племенами на левом берегу Кубани с их братьями, различными племенами черкесов, которые населяли страну абадзехов, или абазинов.

Этот план совпадал во всех отношениях с тем, о котором я до этого слышал от русских; по завершению которого Суджук-Кале был разрушен, крепость Геленджика превращена в

арсенал и новое приобретение на Абуна, в горах, сильно укрепленное. Это является самой важной позицией, занятой русскими с начала войны, если они были бы в состоянии обеспечить ее, любое эффективное соединение части конфедеративных князей оказалось бы настолько трудным, что вся Северо-Западная часть Черкесии должна была полностью покориться их власти.

Эту опасность, тем не менее, черкесы полностью осознавали; и я был очень удивлен, когда обнаружил точность знаний, которую они проявили в этом отношении и обдуманные планы, которые они привели, чтобы обмануть намерения захватчиков. Вся страна, через которую они надеялись пройти, должна была быть опустошена и деревни сожжены. В одном направлении вооруженные отряды должны были пересечь Кубань и нести войну, и разорение в страну черноморских казаков, в другом — атаковать русский лагерь около Суджук-Кале; тогда как хорошо вооруженные партизаны должны были быть расположены на всех перевалах и на берегах Абуна, чтобы изматывать и препятствовать их продвижению.

Результаты доказали, что их планы были обдуманными, т. к. Суджук-Кале был оставлен, гарнизон Абуна доведен до голода и ряды русских не только обречены на страшное ослабление, но их территория на черноморской стороне реки в значительной части опустошена. В добавление к этому, более глубокое чувство злобы возбуждено в сердцах черкесов против их захватчиков; временные преимущества, которые они получили, имели результатом объединение уз дружбы более тесно между различными вождями и вдохновение всего народа надеждой и верой к будущему.

По получении выше упомянутой новости вместе с указанием, что присутствие моего кунака необходимо на ассамблее конфедеративных князей на расстоянии около 20 миль, мы немедленно оседлали наших лошадей и поехали туда.

Так как я обладал очень неопределенным знанием черкесского языка, и мало кто из туземцев говорил по-турецки, было не мало удовлетворения, когда я обнаружил, что один из рабов моего хозяина — силезский еврей, Натан Шрегер, житель Тешина, полностью компетентен, чтобы быть переводчиком посредством немецкого языка. Я поэтому попросил ему свободу, которая тотчас же была ему дарована, и привлек его как своего сопровождающего. Он был взят немного лет тому назад во время набега черкесов в страну черноморских казаков; но будучи ювелирных дел мастером, он оказался очень полезным и, следовательно, его, вместо того, чтобы продать, оставили на службе вождя. Он был и сообразительным, и проницательным и сам сильно привязался ко мне, выражая сильнейшее желание возвратиться со мной в Европу; и, как вы можете предположить при моих теперешних обстоятельствах, я считал его великим приобретением.

Описывать мой путь было бы только повторять то, что я уже говорил об этой восхитительной стране. Действительно, если возможно, красота пейзажа возрастала, травяной покров был более обильный и обширное количество лошадей, которые везде попадались мне на глаза вместе с широким культивированным пространством составляло несомненные свидетельства существования многочисленного населения, достаточно обеспеченного всеми удобствами жизни. Каждая отдельная равнина, / через которую я прошел с тех пор, как я вошел в страну, \ была омыта ее собственной речкой и, хотя они не были судоходными, все же увеличивали в немалой степени плодородие почвы и красоту пейзажа.

Я был теперь, сильно поражен умышленным преуменьшением Клапрота 18, Палласа 19 и других писателей под контролем русского правительства, когда они описывали население независимых племен Черкесии; но, возможно, ни в чем другом, как в донесениях, они отразили обычаи и манеры этого народа — о том, что они трудолюбивы, свидетельствует аккуратность их хозяйств и многочисленных стад; и могу дать вам некоторое понятие о населенности: всякий раз когда я поднимался на плато, откуда я мог бы получить выразительный вид на долину, я замечал частично прикрытые деревьями с первого взгляда от 20 до 30 хуторков, и я часто обнаруживал один из них населенный количеством

от 100—150 человек. Что касается моральных качеств черкесов, они тоже были сильно искажены, они были описаны ничуть не лучше, чем хищные орды дикарей. К этому, тем не менее, я обращусь более подробно в будущем письме.

В процессе моего путешествия я перешел несколько соляных источников, к которым я привлек внимание моих спутников; в то же время, давая им указания в случае необходимости, как использовать этот животворящий источник для получения предмета первой необходимости. Я также придерживаюсь мнения, судя по напластованию по сторонам гор и структуре скал, что страна изобилует углем, особенно вдоль морского берега. Одним словом, я имел все причины верить, по сообщениям туземцев, что страна богата металлами, особенно по соседству с Пшадой и Джукком и в значительной части района Верхняя Абазия, или, как называют ее туземцы, Абазек. Мне также постоянно показывали свинцовую и серебряную руду: и армяне, единственные иностранные купцы, которые путешествуют во внутреннюю Черкессию, сообщили мне, что горные ручьи изобилуют частицами золота, крестьяне часто дают его в обмен на турецкие товары.

Когда мы спустились с горы, яркие лучи вечернего солнца струили их богатую лучезарность над красивой долиной, омываемой Убином и Афибсом, притоками Кубани; вздымающиеся горы, покрытые богатейшей зеленью, постепенно возвышались от их берегов завершались на линии горизонта снежными пиками Кавказских Альп. Но отнюдь не только естественное очарование пейзажа привлекло меня, ибо на этом месте конфедеративные князья Черкесии с их смелыми парнями расположились лагерем, готовясь остановить продвижение захватчика, и было очень интересным, чем роман или хороший спектакль, как они представляли глазу европейца — едва ли постижимо.

. Шатры различных вождей были сгруппированы по отдельности (которые по форме — настоящие Хамаксоби), окруженные их соплеменниками, занимающимися военными упражнениями; некоторые бросали копье или топорик в цель, другие упражнялись с различными видами оружия, от кинжала до лука и стрел; здесь демонстрируя искусство всадников, там борясь или бегая.

Кузнецы, в одном месте, чинили мушкеты; в другом лошадей учили плавать, а крошечных младенцев ездить верхом; одним словом, казалось, что война была единственным занятием, существующим в этой стране.

Тем не менее, пастушеские навыки народа в целом не были потеряны из виду, на далеком расстоянии глаз блуждал над сельскохозяйственными полями, на которых были мужчины, женщины и дети; их зеленеющие пастбища пестрели многочисленными стадами.

Разгружая наше огнестрельное оружие, о прибытии которого уже сообщили вождю, огромное количество галантных воинов помчались от палаток и зарослей и в течение нескольких секунд мы были окружены сотней родовитейших патриотов Черкесии; некоторые были одеты в простой костюм своей страны, а другие — в сверкающих кованых доспехах. Именно тогда храбрый вождь, Хирсис-Султан-Оглоу, развернул прекрасное национальное знамя, которое он только что получил из Стамбула, отделанное прекрасными руками черкесской княжны, занимающей высокий статус в Турецкой империи.

При виде долгожданного национального флага тысячи мечей взлетели в воздух и один всеобщий продолжительный вопль радости вырвался из необъятной толпы. Никогда до сей поры не было большего проявления энтузиазма, ни решимости защищать их Отечество. Так как общая угроза, проснувшись в их сердцах, впервые вызвала чувство необходимости единения как первого и как самого необходимого элемента к достижению успеха, каждый мужчина по всей стране поклялся никогда не покоряться русским, не входить с ними в торговые отношения, не поддерживать никаких связей с ними под любым предлогом. Постоянная вражда, которая до сих пор существовала между вождями, племенами, была прекращена; и тех черкесов, которые до настоящего времени разоряли

территории друг друга, теперь можно было видеть рука к руке, объединенных теснейшими узами братства.

ПИСЬМО 20

Публичная ассамблея.— Речь воина-старейшины.— Патриотизм черкесов.— Их решимость сохранять свою независимость.— Неудобства, при которых они трудятся.

Ассамблея была проведена в одной из их священных рощ, прилегающих к лагерю. Несколько деревьев были украшены жертвоприношениями; и в центре, на маленьком холмике, так сказать единственный, стоял символ христианства — разрушающиеся останки древнеримского креста, грубо вырезанного из дерева; напротив которого восседали главные вожди на травянистом дерне. Вид такого огромного множества воинов, отдыхающих под тенью почтенных деревьев, серьезно обсуждающих и договаривающихся о самых эффективных мерах, которые необходимо принять, чтобы защитить их страну от ужасных врагов, вот-вот готовых опустошить ее в сотый раз огнем и мечом, был необыкновенно поразителен и впечатляющ. Как только оратор поднимался со своего места, чтобы обратиться к ассамблее, глубочайшее и самое уважительное молчание устанавливалось до тех пор, пока какая-нибудь возбуждающая фраза не производила всеобщего возгласа энтузиазма или не раздавался неистовый возглас мести, которому громкий звон их сабель придавал дополнительный эффект; при котором было необходимо кому-нибудь из старейшин махнуть своей рукой, чтобы порядок снова восстановился. Мне было бы совершенно невозможно попытаться нарисовать возбужденный энтузиазм этого самого патриотического народа; когда один из вождей, не более беспомощный от возраста, чем от ран, прибыл на поле, принесенный туда на особом виде палантина: огромный рев радости и шум оружия до сих пор звенит у меня в ушах.

Его немощная фигура была задрапирована в просторные складки чаоука; и хотя время и заботы избородили его лицо морщинами, его глаза, тем не менее, сверкали огнем солдата; в то время как длинная седая борода, которая спускалась к пояснице, наделяла выразительностью его фигуру, которая делала его, казалось, едва принадлежащим этому миру. Я выяснил, что старый вождь был татарским князем, называемым Тао Гирей-Аслан, членом Нурусрода, чьи предки были прежде султанами, или ханами, одного из могущественных племен татар, которое в то же время заняло остров Тамань и чьи владения были на этой части Черного моря, Азовского моря и Кубани. Они были данниками Турции; но при подчинении их страны Россией большое количество населения со своими вождями нашло убежище в Черкесии и слилось, до известной степени, с этим народом.

В соответствии с великим уважением, оказываемым пожилому возрасту, главные вожди со старейшинами приближались и почтительно целовали его одежду, когда он медленно поднимался со своего ложа, поддерживаемый мужественными руками своего сына, молодого человека поистине геркулесового телосложения и, благословив толпу поднятыми руками, начал свою речь; тем не менее, которую я не претендую воспроизвести дословно, т. к. она была переведена моим переводчиком на немецкий, вдобавок ради любопытства, я пытался сохранить краткое изложение, насколько эти неудобства мне позволили.

Он сначала рассказал о настоящем положении страны и обязательной необходимости единства, отсутствие которого стоило его собственной стране и народу их независимости. Он затем настоял на необходимости слежки с великой тщательностью за иностранными рабами и предотвращения проникновения всех иностранцев, несопровождаемых кунаками, которые бы отвечали за их лояльность, в Черкесию, к тому же он добавил

целесообразность предания публичному позору любого вождя, который проявил бы свою привязанность России.

«Где,— плакал старый воин,— моя страна? где сотни тентов, которые покрывали головы моих людей; где их стада; где их жены и малыши; и где сам мой народ? О, Москва! ненавистная Москва! — ненавистные русские — она рассыпала их пыль на четырех ветрах неба; и таков будет ваш рок, о, дети Аттехей, если сложите свои мечи против захватчика!

«Посмотрите на ваших собратьев — инхоусов (ингушей), осетинов, гаудомакариев, аваров и мисджеги, когда-то смелых и могущественных, чьи мечи выскакивали из ножен при малейшем намеке на то, чтобы склонить их головы под иностранным ярмом, кто они сейчас? Рабы! О Аттехей! Это следствие того, что позволили ненавистной Москве свободный доступ через свои территории. Они впервые построили дома из камня для их вооруженных мужчин, затем украли у обманутых туземцев их земли, разоружили их, позже обязуя их усиливать полчища своих угнетателей.

«Я слышал,— сказал он,— что великий падишах всех морей и Индий (что означает монарха Англии), внушающий страх Москве, предложил вам руку союзника. Такой могущественный монарх является действительно достойным, чтобы объединиться с героическими сынами гор; но помните вашу независимость и никогда не разрешайте иностранцу накинуть ярмо на вашу шею. Вы уже позволили османам построить сильные укрепления на ваших берегах: что они дали вам взамен? Война и чума скосили ваших детей; и в час опасности они бежали, оставляя вас с пустыми руками сдерживать поток, который был против вас».

«Немного коротких недель ослабят мое слабое тело; но моя душа поднимется к жилищу моих отцов — земле блаженных: там она будет плакать громко великому Тха, Вечному Духу, о мести нашим преследователям. Когда это произойдет, о Аттехей! защитите остаток моего народа. Мы бежали от истребляющей руки разрушителя, и вы дали нам дом; наша страна вырвана из нашей власти и вы разделили с нами земли ваших отцов; и ваша страна теперь наша страна. Оказался ли мой народ неблагодарным за это благодеяние? Запятнал ли акт предательства имя татар? Не наши ли мечи тысячами пили жизненную кровь наших безжалостных врагов? Во имя ран, которые я получил, защищая вашу свободу,— ран, которые сделали меня за годы беспомощным калекой,— продлите ваше гостеприимство по отношению к моему народу». Затем, представляя своего сына, он воскликнул: «Видите последнего из моего рода; четверо моих сыновей уже погибли под пушками нашего врага: остался только он; возьмите его; его жизнь посвящается поддержке свободы Аттехей».

Сказав эти слова, он опустился на свое ложе, изнуренный волнением и был унесен из рощи в глубоком молчании, прерываемом только глухими рыданиями тех, кто не смог сдержать своих чувств. Много смелых, бывалых воинов боролись напрасно, чтобы удержать слезы, которые катились по их загорелым щекам; хотя другие хмурили брови, стискивали зубы, извлекали сабли и выражали все признаки подавляемой ярости и негодования.

После того, как пролетело несколько минут, когда тон чувства снизился, один взрыв оаций разорвал воздух, и отразился дальше и шире через леса, и, будучи отраженным от горы к горе, казалось, сильно сотрясал сами горы.

Речи были также произнесены старейшинами почти всех соседних племен Черкесии, независимо от тех, которые вели кочевую жизнь, тюрками, ногайскими татарами, калмыками и т. д., все выразили самые дружеские чувства к общему делу и клялись обеспечить их независимость в любом случае.

Я должен признаться, что сам вид всей ассамблеи вместе с воодушевленными речами этих простых горцев, произвел на меня сильное впечатление. Это усиливалось их патриотическим духом, любовью к свободе, романтическим обликом страны и характерным одеянием мужчин с их рыцарскими доспехами; в то время как женщины,

облаченные в их длинные падающие вуали, двигались среди толпы, напоминали так сильно ангелов, посланных, чтобы возбудить их на доблестные поступки.

Вся сцена напоминала мне о том, чем, возможно, была Швейцария во время героической борьбы своих сыновей против выученных легионов могущественного дома Габсбургов: и когда я наблюдал мирные, скромные дома и пастушеские поля вокруг меня, я проклинал из глубины души, что отвратительное стремление приносит страдания; ни горы, ни лощины, ни бесплодные скалы не были защищены от злой воли. Как глубоко, затем, мы должны сочувствовать судьбе этого несчастного народа, столь долго подверженного всем видам разрушений! Действительно, это совершенно ужасно смотреть на ужасную силу, против которой эта горстка людей собирается бороться, особенно в настоящий момент, когда, будучи в мире со всеми, все силы этой могущественной нации направлены в эту точку, подстрекаемые и привлекаемые к участию сотнями несостоятельных аристократов и безденежных командиров, которые жаждут обладания их красивыми горами и плодородными равнинами.

Не говоря уж о страшном превосходстве в численности и изобильном снабжении всеми предметами войны, которыми обладают русские,— что противопоставляют этому бесстрашные горцы? Ничего, кроме горных стен и смелых мечей: пушками они, можно сказать, очень бедны и не часто порох есть в их мушкетах. И это только не единственные неудобства, с которыми они сталкиваются: половина мужчин без мушкетов и большое число оставшихся некому чинить. Штык вообще неизвестен, сабля и кинжал, фактически,— универсальное оружие.

Как вы можете предполагать, в стране, подобной этой, не существует регулярной армии, каждый мужчина в зависимости от своего собственного вкуса и финансов обеспечивает себя военным снаряжением; следовательно, в одном месте мы видим солдата, вооруженного длинным ружьем, в другом — коротким; и тысячи вместо мушкета обязаны брать копьё и лук, и стрелу. Тем не менее, последнее оружие из-за природы страны и их опыта в его использовании является самым эффективным и сильно пугает русских не только из-за смертельной раны, которую неизменно наносит удар стрелы, но также из-за того, что они не могут сказать, откуда им угрожают. Несколько присутствующих вождей, действительно, было обеспечено самыми примитивными железными ружьями их собственного производства размером 3—4 ствола, сделанных в виде мушкетов, которые они носят с собой во время их партизанских вылазок на конях.

Этому новому улучшению в искусстве войны среди черкесов они обязаны советам дружественного иностранца; и если его лучше сделать и использовать, оно могло бы стать самым значительным оружием в защите их перевалов от наступления врага. Дуло покоится на 2х палках, пересекающих друг друга на вершине оружия; и, если стрелять от плеча, подобно обычному мушкету, они в состоянии поразить самую страшную цель; ибо следует помнить, черкес убого снабжен амуницией и, следовательно, никогда не стреляет без уверенности в будущей жертве.

ПИСЬМО 21

Новое русское поселение на Абуне.— Прогулка к Кубани.— Казацкие караульные помещения.— Враждебность между черкесами и черноморскими казаками.— Грабительские привычки жителей приграничных селений.— Вредность для здоровья территории на берегах Кубани.

Я осознаю, что направление моих писем из Черкесии является более враждебным по отношению к России и ее политике, чем проявляется в письмах, написанных во время

моего путешествия по этой империи. Но как это возможно, что любой человек, обладающий мельчайшим чувством сострадания к своим братьям, может созерцать горящие деревни, тысячи беспомощных сирот, плачущих вдов, у которых отняли все дорогое на земле, без проклятия виновников такого несчастья? Действительно, невозможно прожить среди этого народа и быть свидетелем их покорности судьбе; их неутомимая энергия в защите их скромных очагов; их стойкая честность; их гостеприимство и особая привязанность; их гуманность по отношению к их рабам и тем заключенным, которые попадают к ним — все это нельзя воспринимать без сочувствия к их делу, без заинтересованности в их судьбе; и, в то же время, они являют миру реальную ситуацию самого жестоко гонимого народа в этот момент в мире.

Среди огромной толпы, которой я теперь окружен, я не увидел ни одного человека, стоящего в стороне от общего дела: вся древняя вражда полностью поглощается общим делом, и лозунг «смерть или независимость» — является всеобщим. Вот для примера, чтобы у вас сложилось впечатление восхитительной легкости, с которой огромное число мужчин может быть собрано в этой стране — потребовалось только полчаса для большинства из них — вероятно, около десяти тысяч, чтобы рассеяться с уверенностью, что они найдут пищу и жилье достаточно близко, чтобы позволить им снова на рассвете следующего дня встретиться полностью вооруженными для битвы. Тем не менее, надо признаться, что черкес очень отличается от аборигена любой другой страны, за исключением араба. Ущелье в горах или сень деревьев, даже в самую суровую погоду, является для него домом, когда ничего лучше не находится; седло — его подушка; попона — кровать; накидка — его покрывало; и конь, верный и послушный, как спаниель, его вечный друг дома и вне его скрашивает его одиночество; в то время как его неприхотливые желания делают из сумки с едой и бутылки щху, всегда привязанной к седлу, роскошную трапезу.

Черкесский лагерь расположен в области натухайцев на полпути между новой русской крепостью в горах, называемом Абун, и рекой Кубанью; благодаря чему горцы могли наблюдать приближение врага с другой стороны и сдерживать его продвижение в глубь страны. Они всегда могут также помешать гарнизону Абуна получить подкрепление, в случае, если он будет ослаблен поражениями или голодать от нехватки провизии без риска серьезного столкновения. В наших разведывательных вылазках мы часто подходили на расстояние выстрела к крепости, когда гарнизон, обнаружив нас, никогда не упускал случая убежать с их полевых укреплений, подобно колонии крыс, и приветствовал наше присутствие королевским салютом из всех ружей.

Расположение крепости над горой, которая возвышалась, было выбрано плохо; следовательно, плохо приспособлено к сопротивлению регулярной атаке: тем не менее, против врага, подобного горцам, бедного артиллерией, это — устрашающая позиция. Оказывается, однако, что в то время, когда ее первоначально возводили, у русских был небольшой выбор в этой ситуации; т. к. будучи полностью окруженными здесь огромным количеством черкесов около двух лет назад, они не имели другого выбора бежать от полного разрушения, чем возвести на скорую руку укрепления, которые впоследствии постепенно были превращены в нечто, похожее на крепость.

В настоящее время русские не получают от своей позиции на Абуне никакого существенного преимущества, т. к. будучи полностью отрезаны от любой связи с войсками на линии Кубани или ближайшей русской крепостью Геленджиком на Черном море, они уже подвержены смертельной враждебности туземцев, всякий раз когда голод будет принуждать их делать вылазку в поисках провианта. За несколько месяцев до моего прибытия безнадёжность привела в движение часть гарнизона, они попытались пересечь страну в направлении Геленджика, который достигли с очень маленькими потерями, вследствие обстоятельства, что инициатива была предпринята во время, когда горцы отмечали великий религиозный праздник в одной из их священных рощ. С момента этого набега черкесы наблюдают за ними с удвоенной бдительностью; и чтобы предотвратить

похожую вылазку, численная сила лагеря была увеличена до нескольких тысяч; хотя вершина каждого холма, с которого обзревается равнина, является, если я могу так это назвать, загарнизованной этими партизанами.

После того, как мы оставили крепость, мы продолжили наш путь по берегам Убина к Кубани, когда мы вскоре оказались в одной из самых красивых холмистых местностей в мире. Отсюда мы спустились на равнину и затем расположились на бивак на день или два среди тростников и осоки, которые достигают в высоту по крайней мере тринадцати футов, около Кубани. Но я никогда не забуду, как я страдал здесь от комаров. Закаленный черкес был в отнюдь не лучшем положении; и единственная возможность спастись от их непрекращающегося преследования,— зажигать огромные костры в течение дня и заползать в мешки ночью; и если к этому мы добавим вой собак, волков и шакалов, мычание стад, щебетание мириад рептилий и насекомых всех видов, которые создавали постоянный шум днем и ночью, вместе с непредвиденным ожиданием визита казаков, вы можете предположить, что мое положение было каким угодно, но не завидным: не говоря уже ничего о гнусности воздуха, духоте погоды и возможности вдыхать при каждом вдохе ядовитый пар, который мог бы разрушить саму жизнь. Последнее зло является, действительно, величайшей опасностью, которая сопровождает тропу путешественника, чье любопытство и предприимчивость понуждают его к исследованию этой страны на Востоке, подверженной вредоносным испарениям. Что касается удобств, они никогда не занимали меня; я мог обходиться с неприхотливыми горцами, которые когда-либо вытаскивали лук; но какое же здоровье устоит против вредных испарений болота.

Кубань здесь является очень широкой и быстрой; татары называют ее Великая Вода, черкесы — старая Вода; древние греки дали ей имя — Хипанис; римляне — Вардане; хазары (некогда властная нация в этих регионах) — Оукруге и жители Верхней Абазии называют ее на своем диалекте Кубин, от этого обстоятельства кажется, что они аборигены. Вибиус Секвестер, в свое время, назвал Хипанис демаркационной линией между Азией и Европой. Когда, намекая на эту реку, он сказал: «Она имеет свой исток на подножии Эльбруса» на северной стороне и здесь образует границу между Россией и страной конфедеративных племен Кавказа. Северный берег, населенный черноморскими казаками, на котором находятся военные поселения вдоль всей линии границы для защиты жителей от вторжений кавказцев, более поднят, чем берег на черкесской стороне. Эти военные поселения являются даже более примитивными, чем те, которые я уже описал, принадлежащими дунайским казакам, будучи не лучше чем три перпендикулярных столба, прикрепленных к земле с сиденьем на вершине подобно птичьему гнезду, на котором часовой, вооруженный копьем и ружьем, стоит ночью и днем, наблюдая движение черкесов, которые, несмотря на бдительность, иногда наносят своим соседям нежеланный визит.

Поднимаясь на один из многочисленных могильных холмов, которые здесь в изобилии, я четко увидел Екатеринодар (Дар Екатерины), метрополию черноморских казаков. Он расположен в середине густого леса, кажется более похожим на обширную деревню, чем на город. Холмы вокруг него полностью покрыты пушками, спускающимися к краю воды, они возвышались над всей территорией, по которой мы путешествовали.

Казалось бы, что чувство враждебности между черкесами и черноморскими казаками является самым смертоносным; ибо последние, не успев нас заметить, без малейшей провокации с нашей стороны, тут же разряжали в нас весь ряд пушек по очереди.

Конечно, в лагере русских порохов в изобилии; но я должен сказать, образцы, которые они выставили, дали мне самое презренное мнение об их умении в артиллерийском деле; хотя вполне рассчитывали нас истребить; единственно, кто пострадал — камыши и осока. Страна, населенная казаками, является продолжением широкой степи Крымской Татарии, казалась, однако, настоль более плодородной, чем любая другая часть, которую я до этого видел, бесчисленные стада паслись везде, и куча копий, встречающихся вокруг деревушек, показывают, что жители, несмотря на свои длинные ружья, часто подвержены

ограблению со стороны соседей. Действительно, это часто делают обе стороны; и столь активная мародерская система существовала, что, возможно, ни один народ на земле не ненавидел любого другого более сердечно; и, хотя река здесь несется вперед подобно потоку, тем не менее группировки одних часто переплывают верхом на территорию других и уносят все, до чего могут дотянуться — мужчин, женщин, детей и животных.

Упрек, столь часто адресованный черкесской девушкой к своему любимому: «О, ты трус! Ты даже не смог похитить черноморскую корову», является равно популярным и у казаков; согласно учрежденному кодексу морали среди этих обоих народов, похитить с ловкостью, не будучи обнаруженным, считается похвальным, но ограбить врага — это совершенство добродетели!

Кроме черноморских казаков, которые здесь охраняют русскую границу, существуют также различные другие племена такого же названия в этой обширной империи, поселенные на берегах Дона, Прута, Каспийского моря и Сибири для таких же целей, большая часть которых в течение средних веков была свободным народом, управляемым их собственными вождями или атаманами.

В настоящее время коронованный принц России сосредоточил в своих руках верховную власть над всеми под титулом Великий Атаман. Но, строго говоря, только истинные казаки сейчас существующие и те, кто отмечены в средневековье — это черноморские и донские, чьи законы, обычаи, манеры, способы борьбы были очень похожи. Черноморские совершенно отличны от других казаков, более похожи на жителей Кавказа, чем на славянина России, чей нрав отнюдь не утратил ее самых прекрасных качеств. Предлагается, что они ведут свое происхождение от казахов, кавказского племени, все еще существующего²⁰. Они, в самой большей части, высокие и хорошо сложены; стройные, атлетическая форма с профилем обычно греческим или римским; волосы всегда темно-коричневые или черные; и азиатская кровь придает их чертам пикантный характер, столь обычный для восточных людей. Я не буду пытаться описывать историю их кровопролитных войн с турками и татарами, они были в течение столетий великими приверженцами креста — сторожевыми псами, которые охраняли границы Европы в этом регионе от опустошающих набегов фанатичных орд Магомета; и вследствие их хорошо известной смелости, их приверженность России (так как они никогда не были завоеваны) поощрялась самыми решительными преимуществами перед этой державой, они много раз выступали на ее стороне, сражаясь против турков и татар.

Несмотря на службы, которые он нес, казак этих стран ни в коем случае не любимец русских, которые делают вид, что забота о них ниже их внимания, человек, в чьей преданности нет уверенности: кто, кроме того, что профессиональный разбойник, является к тому же варваром и чья доблесть имеет характер скорее жестокости дикаря, чем храбрости галантного солдата. Реальный факт, что не существует любви между ним и мусковитами старой России, относящимися друг к другу с взаимной подозрительностью; и их ненависть такова, что они редко общаются без того, чтобы дойти до рукопашной. Казак, со своей стороны, называет русского неблагородным, подлым негодяем лишенным как величия души, так и роста; как беспринципным, так и нерасполагающим к себе по натуре. Следовательно, мы должны быть такого мнения, что если бы казаки в этой части империи были бы достаточно могущественными, Россия могла в каком-то будущем времени принимать в расчет их отказ от союза с ней. Среди всех казаков Российской империи черноморские считаются, друзьями и врагами, самыми храбрыми — их доблестный брат на Дону решительно подтверждал свою собственную слабость; хотя первый не сдавался воину любой другой страны, кроме непокоримого черкеса, который предпочитает быть разрезанным на кусочки, чем сдаться. Этот народ — черноморские казаки — датируют свое происхождение 800 годом, будучи тогда составленными из сборища авантюристов каждой нации под небесами, они оформились в некую бродячую республику; иногда оседая в одном месте и иногда в другом, они в конце концов

поселились на берегах Днепра, за порогами, от которых они получили имя Запорожцы, или люди, которые живут за порогами.

Здесь, вследствие их грабительских привычек и смелости, они доставляли в течение веков серьезную неприятность своим соседям — русским, полякам, туркам и татарам; и так как они поддерживали своего рода дикую независимость, они привыкли к капризам или, надеясь на грабеж, помещать себя под защиту одного или другого могущественного соседа. Предпочтение отдавалось, как правило, России из-за того, что здесь была распространена, как и у них, греческая религия.

В армиях только они избирали хозяина; их храбрость всегда их выделяла; всегда занимали опасную позицию не столько от желания добиться риска, сколько от удобств, которые она предоставляла в смысле большой доли добычи. Отчасти, чтобы отделаться от таких внушающих беспокойство соседей и отчасти для того, чтобы направить их воинствующий дух и грабительский нрав против черкесов, Екатерина II в 1792 г. мудро побудила их выгодными предложениями переместиться в Кубанскую Татарию, которая недавно была захвачена Россией, над чьими жителями — ногайцами и карататарами, она установила верховную власть.

Они сейчас занимают весь этот район, тянувшийся по правому берегу Кубани, от реки Лабы до Аоуст, или Ай, недалеко от Азовского моря, которое отделяет их от страны донских казаков. Это вместе с островом Тамань охватывает, пространство свыше тысячи квадратных миль, которые они удерживают вне власти в соответствии с указом Екатерины II на такой срок и получают такие же привилегии, как казаки Дона; следовательно, они имеют привилегию выбора их собственного атамана и управляются своими собственными законами. Эти законы не являются, тем не менее, в настоящее время строго навязываемыми согласно предписаниям первоначального кодекса, который в одно и то же время прост и не лишен жестокости. Например, если человек убивает другого, за исключением того, как это происходит в соответствии с законами, установленными для дуэли, его хватают, не взирая на лица, связывают с убитым и закапывают живьем. Если женщина окажется виновной в нарушении супружеской верности, она закапывается живой по горло и ее затем оставляют погибать; и если незамужняя женщина становится матерью, ее привязывают за волосы к церковной двери, и каждый человек, входящий в церковь, волен ударить или плюнуть в ее лицо. Эти и различные другие обычаи подобного характера быстро выходят из употребления с тех пор, как они признали верховенство России; они также становятся более привязанными к сельскому хозяйству и торговым занятиям и не пренебрегают образованием своих детей.

Внешне черноморские казаки превосходят донских; и, хотя они не столь красивы, как их соседи черкесы, все же, так как они постоянно подражают поведению римлян по отношению к сабинам,²¹ красивые девушки Черкесии значительно улучшили настоящее поколение. По отношению к их моральным качествам мы не можем, конечно, верить оценкам, даваемым черкесами, которые описывают их в не более льстивых тонах, чем своих хозяев, русских: а черноморские платят им той же монетой; нет такого слова, которое было бы слишком плохим, если оно относится к кавказцам, чье имя является синонимом крайнего позора, тем не менее, самым определенным является то, что ни один поэт в настоящее время не может отметить мирное расположение этих жителей приграничных поселений, которые постоянно занимаются мелкими войнами, большей частью полагаясь единственно на грабеж в своем существовании.

Это чувство неприязни поддерживается русским правительством, которое сильно опасалось бы за стабильность этой части империи, делая казаки общее дело с горцами.

Действительно, грабительская система, которой следуют и те, и другие и вражда, таким образом воспитываемая от поколения к поколению, мало способствует поддержке дружественных отношений именно в сердце черкеса, тем не менее, эта враждебность, кажется, существует с превосходящей силой; и хотя много случаев, когда дезертир-казак

оседал среди заклятых врагов своего народа, тем не менее, я полагаю, что неизвестно, чтобы черкес строил свой дом добровольно в любой земле, подчиненной России; и те войска, которые фигурируют в Санкт-Петербурге как черкесские, являются в действительности, в большей части коренными жителями Мингрелии, Грузии и примыкающих кавказских районов, давно ей принадлежащих; даже соблазн иметь доллар в день, предлагаемый Россией, оказался неспособным оторвать хоты бы одного жителя Черкесии от земли своих предков.

Если, черкес должен жаловаться на грабительские привычки его соседей, все же в целом он в большей степени в выигрыше, ибо черноморский казак, мигрируя с Днепра, принес с собой навыки domestikации, комфорт и аккуратность европейцев вместе с улучшенной системой военного дела, всему этому он обучил дикого черкеса, который, таким образом, стал также страшным соперником, которого могла бы покорить Россия. С другой стороны, численность казаков, подверженных влиянию нездорового климата, ядовитых испарений болот и неугасимой враждебности их врагов, падает день ото дня, ибо сейчас они не могут привезти более, чем 12 тысяч мужчин на поле, тогда как тогда, когда они впервые поселились на Кубани, их силы составляли 50 тысяч. Это уменьшение также приписывается в не меньшей степени последним войнам с Польшей, в которых, хорошо известно, они наиболее пострадали. Во всяком случае, вы можете быть уверены, что ни один император России не может сейчас угрожать Великобритании, как Павел²² славной памяти! С сотней тысяч казаков с Дона и Черного моря он сверг ее власть в Индии; вся сила этих казаков в настоящее время недостаточна, чтобы охранять их собственную длинную линию границы против проникновений черкесов; так что, буквально, приобретение территории Россией в этой части Азии вместо получения ею прироста силы добавило ей слабость. Затем страна сама не приносит выгоды, весь район, от Екатеринодара до Дона, в большей части, составляет болота и степь. Существуют, конечно, здесь и там плодородные места, подобно оазису в пустыне, производящие изобилие вместе с прекрасными пастушескими землями и лугами, на берегах рек; но воздух в большей части, является таким ядовитым и вода такой нездоровой, что это только служит могилой для русских солдат, производя лихорадку, похожую на лихорадку, исходящую от понтийских болот Италии.

Русские прекрасно отдают себе отчет в плохой политике содержания их теперешней обширной границы в этой части их империи; следовательно, это дает основание для желания расширить ее до более легко защищаемых ущелий Кавказа.

Ядовитый воздух, поднимающийся от болот на кавказской границе Кубани, образует значительную преграду для проникновения русской армии в Черкесию из этого места, т. к., если бы туземцы защищали их ущелья с силой и предотвращали их вход в крепость Анапа, они бы были обязаны или вновь пересечь Кубань, что часто неосуществимо, когда она растекается из-за дождя в горах, или расположиться на бивак на болотах; и эти же самые обстоятельства вызвали то, что случилось с русскими войсками, несколько лет спустя, когда смертность, даже в течение нескольких дней, среди людей и лошадей была столь ужасной, что лучше было отговорить их от повторения попытки. В добавление к тысячам, которые пали жертвами плохого воздуха, многие умерли от укусов москитов.

ПИСЬМО 22

Кавказский пейзаж.— Обзор страны.— Занятие жителей.— Их внешний облик.— Деревни.— Население Характер черкесов.— Опасность для иностранцев быть схваченными в качестве рабов.— Прибытие в дом демиргойского князя.— Его гостеприимство.— Манеры.— Сдержанные обычаи черкесов.

Изрядно усталый от моей поездки вдоль болотистых берегов Кубани, я с радостью повернул моего коня к живительному воздуху гор и более грандиозный спектакль, чем явила кавказская застава во всех ее гротескных формах, не мог раскрыться глазу путешественника в другой любой альпийской стране — огромная гряда, тянущаяся на восток и запад так далеко, как можно охватить взглядом.

Я никогда не был более поражен, чем в этот момент, когда осматривал запутанные и непроходимые лощины передо мной, препятствия, сопровождающие покорение Кавказа; и как красив был вид, когда контрастировал с мрачной степью и болотом, которые я только что покинул, казалась настоящим Эдемом! Здесь были самые красивые горы, когда-либо сотворенные природой, покрытые лесом и отлого спускающиеся к равнине, пересекаемые плодородными долинами, на которых разбиты прекрасные сады; в то время как каждая зеленая площадка была оживлена многочисленными стадами крупного и мелкого рогатого скота; и все это — несмотря на разгар войны. Что стало с этой прекрасной страной? Взовьется ли вновь над ней оливковая ветвь? Вся почва этой очень благодатной страны, за исключением низких площадок поблизости от Кубани, и часть у вершин высочайших гор, богата до изобилия; даже самая простая культивация дает изобилие, следовательно, мы нигде не чувствуем руку умелого земледельца; тем не менее, когда мы вспомним состояние непрекращающейся вражды, в которой они живут, будучи подверженными граблям казакам и мародерствующим русским, нельзя не восхититься трудолюбием жителей, которые, заняты ли на полях или заботящиеся о своих стадах, обязаны, включая женщин и детей, быть всегда вооруженными для защиты.

Туземцы этой части Кавказа более европейцы в своих привычках, чем их собратья в горах Верхней Абазии, они также лучше одеты, но их костюм и доспехи такие же; и их патриотизм и враждебность по отношению к захватчикам не могли быть выше по интенсивности. Здесь мне показали в первый раз несколько копий «Дела», содержащего их декларацию независимости, переведенную на турецкий, одну из которых каждый князь и аристократ носил с собой, независимо от того, может он читать ее или нет и относился к ней с таким же благоговением, как турки к Корану. Когда бы они ни делали вылазку, национальное знамя всегда несут во главе части, и на каждой всенародной ассамблее оно выставляется на самом видном месте. Одним словом, энтузиазм этого самого вспылчивого народа после всеобщего принятия национального символа превышает воображение. Это обстоятельство, действительно, дало прирост моральной силы и уверенность в справедливости их дела; с уверенностью в конце концов торжествующей, что русским будет крайне трудно победить и это все делает окончательный исход спора более, чем сомнительным, даже если бы горцы были оставлены с их собственными ограниченными ресурсами.

Почти все князья и аристократы носят под своими платьями легкие жилеты-кольчуги, особенно во время грабительских вылазок. Те, которые я видел, казались самой великолепной работы, и я не мог не восхититься красивыми узорами золота и серебра причудливой работы на их доспехах и поясах; и серебряными окаймлениями, сделанными руками их женщин, которые украшали их одежду и попоны их лошадей, тем не менее замечательной чистоты.

Сейчас я путешествую в области Ноттахайцы, или, на диалекте местных жителей — Натху-Койци — народа, считаемого самым красивым из всех черкесских племен; и это отличие приписывается им абсолютно справедливо, так как я думаю, что во время всего моего пути я не видал ни единого лица, не отличающегося красотой; разве только ногайского татарина, калмыка или русского пленного; последних я видел великое множество. Общий контур лица Ноттахайцы совершенно классический, представляющий в профиль ту изысканно мягко выходящую линию, считаемую знатоками идеалом красоты. Их большие темные глаза, обычно темно-голубые, прикрытые длинными ресницами были бы прекраснейшими из всех, которые я когда-либо видел, если бы не выражение дикой жестокости, которая сильно поразила меня, когда я впервые прибыл в Черкесию, которая,

вероятно, вызывается тем обстоятельством, что смелый горец подвергается с младенчества до седых волос опасности и борьбе.

Женщины часто, к сожалению, портят красоту их глаз крашением ресниц и другими действиями подобного рода, столь общими для азиатов. Оба пола страстно любят одеваться; и я уверяю вас, красивое лицо и привлекательный внешний облик также очень ценим среди этих народов, как и среди самых утонченных наций Европы. Если к этому мы добавим, что один отличается грациозным легким умением держать себя и природной элегантностью манер; а другой — величавым военным поведением, не будет преувеличением сказать, что, возможно, не существует полудицилизованного народа в мире, обнаруживающего столь привлекательную внешность.

С первого взгляда облик черкеса — это нечто чрезвычайно воинственное: его величественный взгляд, поднятые брови, темные усы и ниспадающая борода, его прямая походка и свободное непринужденное поведение — все рассчитано на то, чтобы расположить иностранца к себе. Нужно признаться, что он обязан этим своему прекрасному военному костюму, украшенному драгоценными камнями кинжалу, который висит на его поясе и круглой темной шапке из сверкающего каракуля — самой неотъемлемой части костюма, которая улучшила бы самые худшие черты.

В отличие от равнодушного турка, черкесы — оживленные и подвижные, но менее склонны к сидячим занятиям; занятие войной — единственное разнообразие земледельческого и пастушеского занятий; даже эти в последние годы оставлены главным образом для их рабов из-за непрекращающейся враждебности русских. К счастью, однако, они в некоторой мере подготовлены к ужасам войны, их дома в основном сделаны из плетня и ила с соломенными крышами; следовательно, они делают, без сомнения, размещение огня по всем их деревням и деревушкам при приближении врага слишком опасным, чтобы встретиться лицом к лицу. Несколько дней будет достаточно, чтобы перестроить их поселения; следовательно, когда русские завоевали страну, они нашли ее опустошенной, лишенной пищи и приюта, что, конечно, принудило их повернуть обратно.

Деревни и хутора, которые они заняли, почти неизменно построены в форме круга, в центре которого они размещают их крупный рогатый скот при приближении врага, или, чтобы укрыть его во время зимы от волков, которые обитают в лесах. Таким образом, не имея того, что можно потерять, они редко приходят в уныние; и т. к. они от природы храбры, опасность не имеет для них никакого ужаса. Действительно, любой другой народ, кроме них уже давно был бы ввергнут в отчаяние; все же их уверенность в их силе и доблести такова, что они чувствуют, что недалек тот день, когда они будут в состоянии изгнать врага с их земли. Даже сейчас они верят, что с достаточным количеством горных гаубиц они могли бы освободить каждую крепость в их стране от русских меньше, чем через 6 месяцев; и если мы учтем их храбрость и ловкость, это ни в коем случае не невероятно. Если я поверю мнению, которое я получил от некоторых конфедеративных князей, окажется, что они могут выставить на поле около 200 тысяч мужчин, всех на конях и хорошо вооруженных. Они считают все население, включаемое на расстоянии в 1 лье около трех миллионов; и если другие племена, которые частично признают верховенство России, примкнут к ним, что ожидается, они затем получат очень значительное прибавление к их настоящей силе — вероятно, четыре миллиона. Но, т. к. я знаю, что черкесы имеют обыкновение включать в их счет все те провинции, которые формально признают их верховенство, на этот счет нельзя полагаться.

Вследствие их здорового телосложения и сдержанной манеры жизни, кавказцы в общем достигают преклонных лет, их заболевания немногочисленны и неопасны. Это мы должны отнести, независимо от их простой пищи, к их постоянным упражнениям, чистому воздуху, свободе от тревоги и освобождению от тех занятий, которые вредны для здоровья.

Чем больше я видел кавказцев, тем больше я убеждался, несмотря на плохую характеристику, даваемую им их московскими врагами, что они от природы

мягкосердечные люди, и хотя путешественники, без сомнения, имели много причин жаловаться на их бандитизм, это происходит скорее от долго существующего обычая, чем от любого дурного мотива, который санкционирует обычай, согласно которому каждый иностранец, входящий в их страну без покровительства вождя, который будет отвечать за его хорошее поведение, становится собственностью первого черкеса, который решил схватить его как раба. Этот вождь, или старейшина, получает имя кунак. С другой стороны, путешественник, входя в их страну, согласно ее правилу, может поручить заботе черкеса не только свою собственность, но и свою жизнь; и любой из этих людей мог бы, если это было бы необходимо, умереть в его защиту. Одним словом, во многих странствиях, которых было немало, я никогда не находил жителей любой страны более гостеприимными, вежливыми или храбрыми. Помните, тем не менее, что эти похвалы относятся к черкесу, пока он находится среди своего народа; т. к. когда он враждует с соседними племенами или занят войной, он — самый безжалостный грабитель; естественное следствие веры, в которой он воспитан, что грабить ловко и успешно — это часть военной дисциплины.

Возвратившись в лагерь, мы провели день или два в доме другого князя, Айтек-Черее, одного из князей небольшого племени, называемого турками Демиргой и черкесами — на их диалекте — кемурквахой. Я был принят, как обычно, в комнате для гостей, стоящей, подобно маленькому дворцу, в середине многочисленных маленьких коттеджей, предназначенных для использования хозяином, его семьей и рабами вместе с обширными амбарами и хлевами для его крупного рогатого скота, зерна и т. п. Они были построены, согласно их обычаю, из самых хрупких материалов, которые в случае необходимости могли бы быть разрушены без напрасных потерь: и так как погода теплая в этих равнинах в течение всего года, необходимо, чтобы их поселения были бы построены более основательно. Комната, в которую я сейчас вошел, предназначенная для приема гостей, была намного более аккуратной и комфортабельной, чем те, которые я описал, путешествуя по Верхней Абазии; пол был покрыт красивым клетчатым паласом, маленький стол изобретательно инкрустирован перламутром; и подушки — все было таким, что только можно желать. Фактически, образ жизни племен, населяющих эту часть страны, был более похожим на их соседей, казаков; за исключением того, что мы должны были использовать наши кинжалы вместо ножей и пальцы вместо вилок.

* шъуатэ.

В добавление к бэксима, питью, не похожее на бузу турок, мы ели соуатэ * (вино) прекрасного аромата, похожее на шампанское; и если его сделать лучше, оно могло бы занять место среди самых лучших вин мира. Было также сооуі, разновидность меда, и спирт, получаемый из зерна — этому занятию они научились от казаков; но т. к. они очень умеренный народ, он никогда не используется, за исключением медицины, или для угощения гостей.

Здесь меня познакомили с их способом производства сахара, который они извлекают из дерева грецкого ореха, который расцветает здесь в удивительном совершенстве. Весной, в то же время как сок растения поднимается, ствол протыкается и втулка оставляется в нем на некоторое время; когда ее выталкивают, прозрачный сладкий напиток вытекает, его оставляют створаживаться; и в некоторых случаях они очищают его. При заболеваниях легких и общей слабости считают его самым действенным медицинским средством. Очищенный мед, белеющий на солнце до тех пор, пока не станет совершенно белым, является другим заменителем сахара.

Плов здесь, также, как и в Турции, образует основной предмет пищи; и является предпочтительным для любого путешественника на Востоке не только потому, что он самый аппетитный и питательный, но и потому, что он легко усваивается. Об этом я могу говорить исходя из опыта; т. к. я всегда предпочитал его любой другой пище, сделанной или из риса, или из гречихи. Последняя ни в коем случае не является плохим заменителем риса; и я, конечно, приписываю постоянное хорошее здоровье, которым я обладал, в

странах, столь вообще вредных для европейцев, насколько это возможно, всецело образу жизни, обычаям туземцев, особенно в пути.

Во время всего времени, которое кавказец находится в дороге все, что бы он ни ел, является очень простым и никогда не превышает восьмидесяти унций в день. Что касается питья, он редко пьет даже воду, хотя и подвержен палящему солнцу и страдает от жажды, до тех пор, пока не настанет вечерний отдых, таким образом буквально следуя арабской поговорке: «Чем больше человек пьет, тем больше ему хочется». Тем не менее, более отважной породы, чем эти горцы, не существует: и если их осанка стройна, любые их недостатки в силе более чем скомпенсированы их удивительной активностью; ко всему этому они имеют преимущество сохранять силу своих конечностей, огонь их глаз и их интеллект до конца жизни; тогда как если бы они жили в роскоши, они, вероятно, потребляли бы пищи в четыре раза больше, чем теперь, и увеличили бы свою немощь вдесятеро.

ПИСЬМО 23

Лагерь демиргойского (темиргойского — Н. Н.) вождя.— Военные обычаи народа.— Разрушение русского корвета.— Целесообразность принятия национальных обычаев страны.— Музыкальные инструменты черкесов.— Мелодия.— Военные песни.— Импровизаторы. — Барды.— Поэзия.

Наш хозяин, Демиргойский вождь, также содержал свой маленький лагерь, куда, вероятно, было создано 3 или 4 сотни человек. Он был один из красивейших людей, которых вы могли бы представить себе, возрастом между тридцатью и сорока, с мужественными чертами лица, выражающими самую решительную твердость: потомок, насколько я понял, знаменитого воина, Джамболета-Гирея, чьи героические подвиги являются любимой темой всех странствующих музыкантов Кавказа. Он был уничтожен вместе с тысячами своих сограждан чумой, которую турки занесли в Черкесию в 1816 г.; после этого черкесы стали более осторожными в их торговых отношениях с соседями. Coup'd'oeil.²⁴ Вокруг дома князя, был чрезвычайно живописным и особенно характеризовал военные привычки этого народа. Огромнейшая часть населения была, как обычно, занята отдельными видами военных упражнений; и когда вы видите войско этих смелых людей, рыскающее по склонам гор и равнин на их длиннохвостых конях, их яркие попоны, сверкающие серебряными и стеклянными бусинами вместе с их оружием, украшенным драгоценными камнями, блестящим на солнце, вам предстает картина насколько необычная своей новизной, настолько и интересная. Тем не менее, вы можете сильно оскорбить черкеса, хваля красоту его жены или ребенка, так как черкесы боятся сглаза; однако, нельзя слишком хвалить или восхищаться его лошадью; и я должен сказать, что они иногда украшают их молчаливых любимцев достаточно странно: кроме украшенных мишурой безделушек, которые мы видим свисающими с красного полотна попон, они используют гирлянду разноцветных стеклянных бусин и лент вокруг шеи, и нередко по обеим сторонам головы прикреплялась гирлянда цветов.

Вождь сам общался со своими соплеменниками с абсолютной фамильярностью, в его облике и платье не наблюдалось, или наблюдалось мало, различия с ними, за исключением украшенного дорогими камнями кинжала; и также, что было видно, как у самых-самых черкесских вождей — его значительное физическое превосходство; и от того обстоятельства, что они говорят на различных диалектах черкесского, они могут казаться принадлежащими к различным расам. Несмотря на эту фамильярность, характерную для всех вождей, всякий раз, когда они осуществляют контроль над любым народным делом, как бы ни неважно оно было, они напускают на себя атмосферу великой

торжественности; и их соплеменники стоят перед ними, как в присутствии самого деспотического суверена в Европе. Эта строгость манер, однако, немедленно ослабляется, когда ассамблея распускается, и толпа оказывает своим князьям или старейшинам не большую вежливость, чем они оказали бы самому ничтожному из своих собратьев.

Самые примитивные увеселения этого народа, даже танцы, имеют военный характер, обычно представляя пантомимические битвы; и не только лишь дети, одетые в военный костюм, но и прекрасные дамы часто носят кинжал и пару пистолетов в поясе.

Что касается присутствующих мужчин, множество вооружено русскими мушкетами, которые главным образом были взяты во время летней кампании, вместе с теми, которые нашли в русском корвете, захваченном несколько месяцев назад, во время ужасного шторма в июле, воздействие которого я испытал сам в то время, когда достигал берегов Мингрелии в сопровождении графа Воронцова. Кажется, корвет стал неуправляемым, капитан был вынужден бросить якорь возле маленькой бухты Сочи, которая принадлежала черкесам; почувствовав это, один из черкесов подплыл, не обращая внимания на стихию, к корвету и перерезал трос, корвет был незаметно снесен течением к берегу: он был затем немедленно взят на abordaj, вся команда пленена и судно, после того как его полностью разграбили, сожжено. Этот подвиг приписывается черкесам; добыча, конечно, была значительной, так как после, в надежде получить подобный приз, множество наблюдателей заняли свои наблюдательные пункты в ущельях гор недалеко от берега.

К этому времени благодаря доброте моего кунака я стал ближе знаком с народом, я общался с черкесами скорее как коренной житель, чем как иностранец. Это непостижимо, насколько вы можете снискать дружбу народа, даже нецивилизованного и ослабить их подозрение, приняв их костюм и приспособившись к их привычкам и манерам. Это дополнило способы моих наблюдений многими черточками национального характера, которых — в противном случае — я был бы чужд. Я воспользовался гостеприимством, лишенным этикета; так как черкесы, возможно, являются самым вежливым народом по отношению к гостю; и за исключением спанья *al fresco*²⁵ с матрасом вместо кровати и седлом вместо подушки чаще, чем хотелось бы, я провел время достаточно приятно.

Черкесы, будучи оживленным, воодушевленным народом, не являются, как вы, возможно, предполагаете,

чуждыми музыке и танцам; хотя их прогресс в этих искусствах, нужно признаться, до некоторой степени ограничен. Самые обычные музыкальные инструменты, которые я наблюдал среди них, были двухструнная лира и разновидность дудки: последняя иногда делается из серебра или какого-либо другого металла и нередко из крупного тростника, который растет на болотах недалеко от Кубани. Форма ее является не менее любопытной, чем способ игры на ней и звук, который она производит. Длина ее около двух футов, с тремя только отверстиями на нижнем крае; и мундштук, составлял примерно дюйм в длину, будучи открытым с обеих сторон; исполнитель прижимает его к небу, тогда он дает сильные звуки, подобные звукам волынки. Иногда я видел их играющими разновидность марша на двух этих инструментах, который был отнюдь не неприятен для слуха. Я также видел арфу, но она не является национальным инструментом; так же как барабан и бубен; исполнителями на этих инструментах являются обычно странствующие калмыки или цыгане.

Я получил удовольствие от свежести черкесских мелодий; и музыка, если сравнить ее с татарской или турецкой, является достаточно гармоничной. Их карира, песня лодочников, исполняемая всем населением, является восхитительной; также марш, исполняемый на свирели; но их самыми любимыми являются военные, песни, обычно исполняемые хором во время похода, когда леса и горы отражают маршевую мелодию, и энтузиазм народа возбуждается до степени, какую можно найти только в восточной стране. Их песни обычно связаны с победами, одержанными и над казаками или над ненавистной Москвой, или являются выражением воодушевленного призыва к битве. Но, так как описание их

может слабо донести только идею произведения, я приведу несколько самых популярных мелодий для вашего увеселения.

*Слушай, о слушай! Дудка и барабан, Вперед, казаки идут.
Звук военного крика, меч и копье 2 р.
Светятся в воздухе, вперед, вперед!
Поднимай, поднимай, знамя высокое!
Вооружайся! Вооружайтесь все, Аттехей!
Охраняй равнину, охраняй долину!
Очаг и дом, прощай, прощай!*

*Мы будем отважны в военной борьбе,
Мы будем счастливы рискнуть жизнью
Смерть или свобода — вот наш зов!
Победи день или благородно умри!*

*Кто бы побежал, когда опасность зовет?
Сердца свободных людей — это стены свободы
Небеса принимают только храброго —
Ангелы охраняют могилу патриота!*

*Бьется ли здесь сердце предателя,
Обманиваемое коварным московским искусством?
Который свою страну за золото бы продал?
Пусть умрет или бездетным живет!*

*Слушай! О, слушай! Орудия ревут!
Враг встречает врага, умирать, чтобы больше не расстаться
Вы, рабы, бойтесь взгляда свободных людей,
Победа наша! — Вперед! Вперед!*

Однако, именно композиции импровизаторов, в которых они проявляли очень буйную фантазию и теплоту чувства, очень заинтересовали меня. Темы были всегда очень романтичны, и живая манера, в которой их импровизированные слова воспринимаются народом, доказывала, что их темперамент образный и поэтический; и показывала, что какими бы необразованными они ни были, они восприимчивы не только к героическому, но и к возвышенному чувству.

Эти странствующие барды занимают высокое положение в обществе: каждый дом по всей стране открыт, чтобы принять их. Их нежные мелодии подбадривают любой праздничный стол; их военные песни воодушевляют героя и в лагере, и на поле боя; исполняя свои легендарные баллады, они увековечивают историю страны с незапамятных времен; и, связывая мимолетные события дня, не только воспевают подвиги храброго, упрекают предателя и труса, разоблачают преступления того, кто нарушает законы общества, но доносят до удаленных племен известия, которые иначе никогда невозможно было бы передать в стране без литературы или любого другого средства сообщения, всеобщего для цивилизованных стран.

Нельзя, поэтому, удивляться тому, что к этим странствующим поэтам везде относятся с величайшим интересом и благоговением. Это чувство является настолько всеобщим, что,

прибегая в одну из деревушек, я часто видел жителей, спорящих с добродушной энергией о том, кто окажет любимцу гостеприимство; и горе тому, кто будет насмехаться или плохо обращаться с беззащитным слепым музыкантом. Исключительно величайшим наслаждением черкеса является слушание в течение часов, во время зимних вечеров, сказок или песен.

Я пытался переложить с помощью моего слуги Натана одну или две из этих мелодий на стихи, которые распевались в честь моего кунака, по прибытии в дом Демиргойского вождя.

*О приди, гордый странник, с кровавого поля битвы!
Гости созваны, пир ждет;
Пусть соплеменники освободят тебя от илема и щита,
Ибо прошлое — опасность, и прошлое — ужас.
Кубок вина выпит залпом; и песня барда
И мелодия менестреля, звучащая через горы;
Так как похвала и слава являются наградой героя,
Который рискует своей жизнью, когда Аттехей зовет.*

После долгого вступления на своей лире он возобновил в более меланхолическом ключе мелодию, связанную со смертью юного Хапсухи (шапсугского—Н. Н.) князя и его красивой невесты, которые пали в бою, борясь плечом к плечу, за несколько месяцев до этого, когда князь вместе со своей дружиной защищал опасное ущелье от русских, в окрестностях Геленджика.

*Слушай! Слушай! Страшный военный плач гудит в воздухе,
Юный Ислам вооружается и военная лошадь поблизости,
Он не слышит; он не замечает рыдание отчаяния,
Но вперед он бросается, победить или умереть!
Военный плач звучит через гору и равнину,
Москва, подобно массам саранчи, быстро пришла:
Чьи вопли раздаются в воздухе? — Это герой, который, бледный
И раненый, и безжизненный, выпускает последний свой вздох!
Но он не лежит один в своей холодной земляной кровати,
Так как та, которая его любила, упала замертво рядом с ним.
Красота и храбрость заснула с мертвым
И темная узкая могила — это дом невесты.*

«Но Каплан-Гирей, есть ли что-нибудь в твоей душе, чем скоротать время скуки в лагере?» — обратился Демирхойский вождь к старому татарскому барду, которому, во всяком случае, было уже 80 лет. «Неужели ты не расскажешь иностранному хаккиму, который недавно был гостем твоего народа, немного о военных подвигах нашего прекрасного пророка и вождя Элиях Мансура 26; того, с кем ты говорил лицом к лицу и боролся бок о бок?»

«О, доблестный вождь!» — ответил старый солдат со слезами, текущими из глаз — «просто ли воспоминание о нашем пророке — величайшем из всех татар после Чингиз Хана — и наша кровопролитная борьба с москвитями, которая истребила население Крымской Татарии и разбросала ее бездомных сыновей на все стороны света — вызывает новую боль к тем печалям, которые омрачили всю жизнь от того мрачного времени, когда я видел пересеченное красным крестом знамя, плывущее над домом моих предков. Тем не менее, я буду стараться пробудить дух песни через истину, которая долго спала под грузом заботы и бедствия».

Тому храброму вождю я пою песню, Тому, кто всегда был венцом побед; В устах ребенка
и песенках менестреля, Его имя будет восславлено.

Шелел-Эддин!

Он был рожден, чтобы попрасть гордость Москвы;
Ввергнуть ее в прах;
Он боролся, он побеждал, близко и далеко,
Ту северную проклятую расу!

Шелел-Эддин!

Говори! Мансур, говори! Почему ты оставил
Детей твоих воинов сиротами,
Твое сильное оружие и присутствие похищено,
Под московским игом стонет!

Шелел-Эддин!

Твое имя было надеждой, твое имя было радостью
Для военных отрядов татар:
Оно светило как золото без примеси,
Оно горело как земля Адина.

Шелел-Эддин!

Лишенная своего детеныша, тигрица видит
Как сильно она скребет лапой землю,
Но дальше был Мансур, он
Оставил смерть и руины вокруг.

Шелел-Эддин!

Быстрый олень скачет от горы к горе,
Ни одна стрела не подобна его полету;
Но шаг Мансура был быстрее все же
Когда он вел в бой.

Шелел-Эддин!

Его черный военный конь прочесывает равнину,
К которой другой вождь никогда не пробьется;
Его хозяин бряцал кольчугой пленника;
Эта лошадь уже не живет.

Шелел-Эддин!

Проклятое войско Москвы захватило
Нас самих, наших отцов землю;
Спи, Мансур! Спи! подвиг сделан!
Твой народ — их добыча!

Шелел-Эддин!

Мы стоим «а коленях, мы молимся, о! Москва, слушай!

Где ты его скрываешь!

Человек, чье присутствие изгоняло страх,

Свет без тени!

Шелел-Эддин!

Содержат ли эти темные башни, грязный дом убийцы

Окруженный водянистыми стенами *

Вождя, которого мы оплакиваем,

К которому взывает каждый татарин?

Шелел-Эддин!

Увы! Когда эти неприступные ворота один раз закроются,

Ни один пленник не выйдет, чтобы поведать

Свои беды, свои несчастья, Тайны своей камеры.

Шелел-Эддин!

Затем, Аллах, пусть твои молнии убьют

Врага, которого мы проклинаям и ненавидим!

Пусть стервятники пожирают за их плоть!

Ибо смерть была судьбой Мансура —

Плачьте! Татары, плачьте!

Удивительно, как мало известно в Европе о подвигах этого великого вождя, столь прославленного в длительных и разрушительных войнах России против жителей Крымской Татарии и Кавказа и кто, когда мы рассматриваем значительность власти, против которой ему пришлось бороться, и дикие орды, которые ему пришлось организовать, заслуживает занять свое место среди благороднейших патриотов, которые когда-либо украшали любую страну.

Русские, чья темная политика всегда закутывала туманом все, связанное с Кавказом и Крымской Татарией, просто описывают его как некоего Магомета, или лжепророка; тогда как историки Персии и Турции с почтением упоминают его военные таланты, чрезвычайную храбрость и преданность делу страны и всегда представляют его как самого неукротимого и грозного врага, с которым России когда-либо приходилось бороться на Кавказе. Если мы поверили хотя бы наполовину тому, что сообщают нам традиционные песни бардов, он, должно быть, был неким Александром 27 в доблести, Локманом 28 в мудрости и Макиавелли в политике. Действительно, таково благоговение татар, черкесов и лезгинцев к его памяти, что даже к сегодняшнему дню самый незначительный след, который принадлежал ему, ценится как драгоценность. Каждое из его убежищ на Кавказе — мало того, каждое место, где он поселялся на временное жительство, считается святым.

* Далеко от мира, от войны, от борьбы, Он здесь, в мире и молитве, Проводит годы его чистой спокойной жизни, И только небеса заботятся о нем.

Пусть, Мансур, твоя память будет блаженна, До тех пор, пока время не перестанет быть, Для сынов Татарии и иностранного гостя, Для всех смелых и свободных.

ПИСЬМО 24

Сходство могильных холмов на Кавказе и в Крымской Татарии.— Внутренняя поверхность могильного холма.— Реликты античности, найденные на Кавказе.— Греческие медали.— Уважение к справедливости, проявляемое черкесом.— Ошибки русских авторов, описывающих черкесов.

В моих письмах из Черкесии я не претендую дать вам детальные описания, но просто рассказать о таких вещах, с которыми я имел возможность познакомиться или путем личного наблюдения, или через информаторов, там и сям, от поляка, русского раба и армянина; и, так как мои заметки были сделаны в спешке и всегда украдкой, чтобы избежать обвинений в шпионаже, они не написаны с той точностью — что касается имен и местностей — которой я желал.

Несмотря на то, что я избегал, насколько это возможно, того, чтобы дать народу какой-либо повод усомниться в моих хороших намерениях к ним и к их делу, я не всегда избегал недоверия, так как всякий раз, когда разрушающаяся руина или могильные холмы возбуждали мое любопытство, их подозрение немедленно возрастало, они подозревали, что я искал спрятанные богатства; так как, по их мнению, какой другой мотив может заставить человека интересоваться несколькими старыми кирпичами и разрушенными колоннами.

Странствуя через долины, я часто находил могильные холмы, сходные с крымско-татарскими, за исключением того, что здесь они более разнообразны в формах и больше в размерах; иногда они составлены из земли, напоминают красивые зеленые холмы; иногда окружены каменной стеной и иногда ничем не лучше, чем огромная груда небрежно брошенных камней; и, чтобы дать вам представление об их колоссальной древности, скажу, что я обычно находил их увенчанными величественным дубом, который, судя по основному стволу, должен быть по крайней мере потомком третьего или четвертого поколения. Традиции местных жителей не давали другого объяснения их происхождению и смыслу, кроме того, что они были местом погребения людей, которые занимали страну до них, и что они были прославленными воинами, которым давалось право на такую гробницу: тем не менее, самым определенным является то, что они не имеют ни одной общей черты с могилами черкесов в настоящее время, чей способ погребения отличается от турецкого только тем обстоятельством, что могила военного вождя обычно покрывается или деревянной крышей, или широкой каменной плитой с тем намерением, что последнее прибежище того, кто при жизни был их защитником, давало бы убежище странникам как от бури, так и от палящих лучей солнца. Единственное указание, которое мы имеем о людях, населяющих Кавказ в былые времена,— это древняя статуя из простого камня, грубо вырезанная, представляющая бесполою человеческую фигуру с огромной головой, плоской грудью, короткой шеей, широким лицом, высокими скулами и плоским носом, точно подобная калмыку, и головное покрывало похоже на то, которое носит калмыцкая женщина в настоящее время.

Чрезвычайно желая открыть могильный холм, я, наконец, после повторяемых настойчивых просьб, получил согласие моего кунака, но, увы! ни одного черкеса нельзя было уговорить помочь мне в столь страшном предприятии, как посягательство на права духа, который охранял сокровище; следовательно, я должен был отказаться от всякой надежды удовлетворить мое любопытство. К этому единственному суеверию, столь распространенному также среди турок и татар, мы можем отнести то обстоятельство, что могильные холмы этих стран остались к настоящему времени не тронутыми.

Я имел, однако, удовольствие зайти внутрь его во время моих прогулок по берегу, недалеко от Суджук-Кале. Судя по его внешнему виду и возрасту деревьев, которые выросли на вскопанной земле в окрестностях, он, должно быть, был открыт несколько

столетий тому назад, самое вероятное, гетуэцами. При осмотре я обнаружил несколько фрагментов неглазурированных терракотовых ваз, содержащих древесный уголь и землю, не отличающихся ни красотой замысла, ни элегантностью форм. Здесь были только разбросаны несколько кусков белой водоросли такого же вида, как в могильных холмах Крымской Татарии. Тем не менее, интерьер этого холма отличался от тех не только конструкцией — в вазах было меньше красоты, но и тем обстоятельством, что вход должен был располагаться на восток; вероятно, это происходит от суеверного чувства народа к главному светилу. Возникло ли это случайно или намеренно — я не могу определить; оно, тем не менее, может служить ориентиром для будущих путешественников в их исследованиях.

Интерьер состоит из огромного арочного свода, построенного из шлифованного камня, соединенного без цемента; и, судя по умению, проявленному в конструкции, и восхитительному изгибу арки, существовало достаточное свидетельство, доказывающее, что это, должно быть, работа народа, преуспевшего в искусствах цивилизованного мира. То, что они были и богатым, и могущественным народом — очевидно; ибо тот, кто поднимался на одну из этих гор, не мог не изумиться чудесным трудом и огромными усилиями, которые, должно быть, затрачены на это сооружение, чтобы увековечить память прославленного подвига. И какой еще — более простой и прочный — монумент мог поставить народ в память его предков?

В то время как такие огромные и роскошные сооружения — триумфальная арка и гигантская пирамида обвалились и продолжают разрушаться — эти единственные сооружения остались неизменными в течение столетий и будут стоять до конца времени; кажется так же, если они остались, чтобы обозначить тропу первых жителей земли, в то время как они продвинулись вперед с востока к народу более значительных частей земного шара.

Не находим ли мы похожие сооружения в различных частях Европы (хотя меньших размеров и великолепия), особенно в Венгрии, России, Польше, Германии и снежных районах Лапландии? Казалось, что если Кавказ был занят в течение последующих веков пастушеским народом, существует мало доказательств или их нет совсем — того, что Кавказ был заселен когда-то великим и могущественным народом; ибо за исключением могильных холмов и руин нескольких церквей и монастырей на берегу, сооруженных древними христианами, нет ни одной древности, по которой путешественник мог бы изучать историю страны в прошлые века.

Действительно, коренные жители, когда пашут землю, часто находят золотые или серебряные монеты, принадлежащие королям Боспора и другим греческим колонистам; тем не менее, это не дает основания для веры, что страна когда-либо принадлежала им, так как мы находим жителей Кавказа с самых ранних эпох истории, защищающих ущелья своей страны от самых могущественных народов с такой настойчивостью, как они сейчас защищают их от набегов русских. Здесь Александр Великий был остановлен в своем продвижении вперед; здесь Митридат 30 с его бесчисленными легионами понес страшные потери; и, наконец, только вымостив свой путь золотом в виде подарков вождям, он получил разрешение продвигаться дальше. Кроме того, коренные жители заботятся о том, чтобы мы как можно меньше знали их страну; если бы монета попала в их руки, они или расплавили бы ее, или стерли бы изображение: в последнем случае она служила бы украшением для женщин и детей. Это делается с намерением уничтожить любой след подлинных жителей страны, чьи потомки — чего они боятся — могут прийти и потребовать землю, если они усмотрят следы владения ею своими предками.

Уважение к частной собственности и личным правам, также проявляемое черкесами, особенно, когда мы вспомним, что в манерах они, однако, полуварварский народ, является одной из самых восхитительных черт народного характера. Во всех их сделках друг с другом справедливость также строго уважается, как и в любой части цивилизованной Европы; и законы, учрежденные древним обычаем, соблюдаются их вождями и

старейшинами со строжайшей беспристрастностью; поэтому вы должны быть уверены, что большинство суждений о Черкесии, которые мы слышали, грубо ошибочны; ибо, как это возможно, что нация существует, если народ вечно воюет между собой?

«Вся жизнь,— говорит Паллас — дикого черкеса — это жизнь профессионального грабителя, и нужно предсказать ему, как Измаил: «Он будет диким человеком, его рука будет занесена над каждым человеком, и рука каждого человека будет занесена над ним». Но, фактически, Паллас имел несчастье быть зависимым от щедрости Екатерины; и, как следствие, он был обязан писать то, что угодно русскому правительству. Снова, на всем протяжении его путь на Кавказе был ограничен горами Дагестана (которые описал и Клапрот, другой русский автор), убежищами лезгов, самого варварского племени из всего населения Кавказа, и которое было в то же время доведено до отчаяния из-за их безуспешных усилий защищать проходы их гор от русских; следовательно, они или убивали, или продавали как раба всякого иностранца, который попадал в их руки.

Бедный Паллас, действительно достойный уважения человек — на старости лет его раболепие взглядам Екатерины сослужило ему плохую службу; Екатерина, вместо того, чтобы подарить ему честь и доходы, как справедливое вознаграждение за его длительную и верную службу, послала его жить в Крым. Конечно, это был земной рай, который нарисован его собственными напыщенными описаниями; что, тем не менее, не спасло его от того, что он стал жертвой испарений своего Элизиума.

Даже сам др. Кларк³¹, один из самых пунктуальных путешественников своего времени, также заблуждался относительно черкесов, под влиянием, без сомнения, ошибок донских или черноморских казаков, с которыми он был в хороших отношениях, и из-за разочарования, которое он, должно быть, почувствовал, когда не получил от горцев разрешения проникать внутрь их страны. Разве это возможно, чтобы они могли принять по-дружески человека, который только что прибыл от их злейших врагов — врагов, которые, согласно их собственному признанию, только что вернулись с грабительской вылазки в Черкесию, где они не только сожгли восемь деревень и убили жителей, но угнали из страны восемь тысяч голов скота и других ценностей, кроме того, что захватили в плен множество беззащитных мужчин, женщин и детей, которых они продали как рабов.

В своих описаниях черкесов он говорит или, скорее, сообщает то, что сказали ему казаки: «большинство не занимается какими-либо сельскохозяйственными занятиями, ставя свое существование в зависимость от грабежа». Тем не менее, они нашли в стране восемь тысяч голов скота и других ценностей! «Князьки постоянно воюют друг с другом;* народ не уважает ни законов, ни своих вождей; один сосед грабит другого, и ни один договор, даже формальный, не является достаточным, чтобы обязать черкеса соблюдать ему верность». Ни одно слово из этого высказывания не применимо к черкесам в настоящее время; и я сомневаюсь, было ли это когда-либо, за исключением того, что касается нарушения ими законов как гражданских, так и религиозных, запрещающих им хранить верность врагу; следовательно, они не очень щепетильны в этом отношении в их соглашениях ни с русскими, ни с любым другим врагом.

Доктор Кларк, однако, прав относительно их разорванных одеяний, так как, хотя черкесский воин может дома прекрасно одеваться, когда он переходит границу или идет на войну, его обыкновение — одеться в самую плохую одежду, чтобы избежать наблюдения и уклониться от жадности врагов ³². Поэтому я часто видел их самых могущественных вождей, экипированных для боя или занятий в лагере, кольчуга которых сверкала через дыры в одежде.

Действительно, приходится сожалеть, что человеку таких собственно английских чувств и независимого образа мыслей, как др. Кларку, не разрешили путешествовать по внутренним районам Черкесии, когда замыслы России о свободе Кавказа были только в зародыше; ибо человек, который так много делал, чтобы разоблачить амбициозную политику этой власти, с абсолютной непредвзятостью отнесся бы к характеру этих

пастушеских племен и сделал бы достоянием всего мира их чрезвычайные попытки сохранить собственную независимость.

ПИСЬМО 25

Искусство черкесов как агрономов.— Их доброта и гостеприимство.— Плодородие почвы.— Прекрасные леса.— Общий обзор страны.— Примитивные манеры народа.— Их мельницы.— Амбары.— Скот.— Дичь.— Дикие животные.

Представления, сделанные русскими путешественниками, что «большинство жителей Кавказа не занимается никакой сельскохозяйственной работой, завися от грабежа для существования», являются преднамеренно ошибочными. Мы можем сообщить, как опровержение этому, что из какой бы страны вы не вошли в Черкесию, или из Турции, или даже из самой России, вы сразу приятно поражаетесь значительным улучшением в облике населения, сельского хозяйства и красотой их стад. Крошечные коттеджи сельских жителей, сколь бы незначительны они ни были, также чисты и аккуратны, и, будучи обычно расположены на берегах журчащего ручейка или «приклеенными» к подножию горы, защищенной прекраснейшей листвой, это способствует наделению пейзажа чертами великой сельской красоты; хотя романтический характер всякого окружающего меня объекта скрывает тысячи недостатков, которые бы в менее благоприятных условиях выдали бы себя.

С первого момента, как я вошел на равнины Кавказа, облик страны и населения превзошел мои самые жизнерадостные ожидания. Вместо того, чтобы найти необитаемую гору, населенную ордами дикарей, она оказалась, большей частью, непрерывным рядом плодородных равнин и возделываемых холмов: жители везде покоряли меня своим этикетом и ритуалами восточной вежливости; хотя, в то же время, их доброжелательность, откровенность манер, открытая сердечность и безграничное гостеприимство незаметно расположили меня к себе до тех пор, пока, наконец, я не стал столь же обеспокоен их будущим благополучием и конечной победой, словно я лично заинтересован в их судьбе: и бедный народ ничего не осознавал, когда обвинял меня в шпионстве и писал, что я составлял заметки об их стране, каждая строка которых поддерживало их дело.

Хотя я не могу сослаться на маленькие коттеджи горцев как образцы красоты или вкуса, ни на их умение в сельском хозяйстве как достойное подражания или на их управление своими фермами, или на их дома как примеры домашней экономии,— все же было невозможно смотреть на очаровательный пейзаж вокруг меня без восхищения, особенно, когда мы вспомним необычное положение страны и то, что почти все мои поездки лежали через эту часть Кавказа, которая находилась вблизи от самой значительной линии русских действий. Едва ли можно было увидеть невозделанную площадку; огромные стада козлов, баранов, лошадей, быков, как в лоне мира, паслись под присмотром среди трав, которые нельзя превзойти в пышности. Даже, как бы ни очаровательно это было, во время моего второго визита в Черкесию я не видел все^х ее красот в расцвете, потому что был конец 'года, поля частично лишились своей красоты, деревья — плодов и листья — богатой зелени лета.

Действительно, эти провинции столь богато одарены природой, что жители имеют достаточно причин быть довольными. Климат благоприятный; почва, подобно мингрельской, богата и приспособлена к выращиванию всех видов злаков, особенно к возделыванию табака, хлопка, риса и даже индиго. Шафран такого же вида, как *stocus ang*, но превосходящий в силе, дико растет на равнинах; растения оранжерей Европы являются обычными полевыми цветами. Горы покрыты прекраснейшим дубом и такое ценное

дерево, как *valonia* 33, находится повсюду. Кроме обычных деревьев леса, бука, ясеня, вяза, осины и т. д., — все плодовые деревья, характерные для Европы, здесь — само совершенство; и я никогда не видел липу *, вишню и каштан, равные им по величине; платан и тис; последний растет огромного размера, и в зависимости от цвета и прожилок дерева может заменить красное дерево с успехом; и таковым является изобилие и огромные размеры самшита, что он мог снабжать всех резчиков по дереву в Европе в течение столетий. Среди самых красивых деревьев — *outchelia*, как его называют коренные жители, дерево, которому я не в состоянии найти европейского названия; дерево глубокого розового цвета, его структура, плотная, испещренная, будучи подверженной сильной полировке, может оказаться полезной для всякого вида декоративной мебели.

Вследствие множества растений каждого вида, которые стелятся от дерева к дереву, там образуя тень, там — запутанную стену, невозможно проникнуть сквозь эти девственные леса, если только не прорубить проход с помощью топорика; для этой цели каждый черкес носит его на поясе. Раскидистая листва ольхи и ивы, с малиной, ежевикой и другими цветущими кустами, как поросль, украшают берега рек: тогда как пестрые цветки граната и сотня других красивых плодовых деревьев придают листве леса множество оттенков.

На каждом шагу наше восхищение возбуждается, когда мы видим вьющиеся растения самого невероятного размера, окружающие высочайшие деревья, нагруженные виноградными гроздьями, широкие листья, столь плотно окутывающие деревья, что мы часто не в состоянии угадать их вид; эта пышная растительность не является ограниченной лесом, так как хлопок часто видится дикорастущим в прериях, и злаки всех видов, со льном и коноплей, в равнинах. Здесь, действительно, отец семейства будет награжден за свои труды, так как если щедрая природа предопределила, то каждая необходимость человека должна быть удовлетворена.

Удовольствия спортсмена бесконечны; так как, кроме всяких видов дичи, которая бродит через лес и равнину, реки изобилуют рыбой. Можем ли мы поэтому удивляться, что страна (независимо от ее преимущественного положения), столь красивая, разнообразная и плодородная, не только изобильная всем, необходимым для жизни, но и излишествами, вместе с прекрасными гнедыми лошадьми и хорошей якорной стоянкой, защищенной мысами об любого ветра, является пределом мечтаний России? Ничего не может быть удивительного в том, что население решительно защищает ее и свои свободы от всякого врага. Кроме того, климат очень благоприятен для здоровья, за исключением нескольких болотистых мест по берегам Кубани и по берегу моря. Они будут, без сомнения, осушены; и лихорадка, которую они порождают, полностью исчезнет, так как страна станет более густо населенной: и достаточно странно, что среди всех горных стран, которые я исследовал — а мало кто путешествовал дальше — эта является единственной, где я не видел ни одного жителя, страдающего от *goitre* 34, ни от обычного бедствия альпийских районов — уродливого идиотизма.

Горцы Кавказа являются, возможно, самым самобытным существующим народом, все еще сохраняющим многие обычаи, которые отличали старину. В строгом соответствии с приказом Моисея израильтянам мужчины никогда не забывают оставить немного зерна для того, чтобы дать пищу птицам. Это действие разворачивается на небольшой круглой лужайке, с подстриженной травой и хорошенько затвердевшей; на нее кладут только что сжатое зерно; полудюжину лошадей, или более, привязанных к столбу, заставляют делать круг на полном галопе и невероятно, как быстро они пробегают по куче зерна: сено же ни на что не годно, за исключением как фураж для скота.

Их мельницы для размалывания зерна, обычно называемые мельницы с конным приводом — являются также примитивными, они расположены под землей с колесом на вершине: человек, который приносит зерно для того, чтобы его размолоть, должен привести лошадь, чтобы она поворачивала колесо; и так как не существует денег в обращении, они платят владельцу за использование его мельницы пшеницей. Более

светлые зерна, такие, как просо (любимая пища черкесов) обычно размалываются женщинами дома с помощью ручной мельницы.

Зернохранилище черкеса в районах, подверженных опустошениям войны, необычной формы и' восхитительно приспособлено для страны, подобной этой, подверженной продолжительным разорениям врага, независимо от тех преимуществ, что оно хранит зерно в течение многих лет от сырости и вредителей. Для этой цели вырывается яма такого размера, какой необходим; отверстие, широкое лишь настолько, чтобы позволить человеку войти; после того, как огонь ее совсем высушит, на дно и по сторонам кладут сено, чтобы защитить зерно от сырости; верх покрывают досками, затем землей, на которой скоро вырастает трава; следовательно, невозможно для коголибо, кроме человека, который спрятал его, указать место, где лежит скрытое сокровище. Поэтому враг может находиться на земле, которая содержит изобилие, и, тем не менее, голодать.

Выращивание стад мелкого и крупного рогатого скота, особенно лошадей, является занятием, в котором эти люди крайне заинтересованы; ибо богатый черкес подобно старейшине, дорожит превосходством и числом своих стад, к которому мы можем добавить его жен и детей. Их быки замечательно прекрасны, такого же сероватокоричневого цвета и восточной породы, как те, которые мы видели в Венгрии; и их овцы (также восточные) в последние годы значительно были улучшены овцами их соседей, казаков. Множество быков барахтается в болотах и реках и множество козлов пасется в горах; последние с длиннейшей шерстью и прекраснейшим строением, которое я когда-либо видел.

Лошади, здесь называемые ими *chii* * — особые любимцы каждого черкеса за силу конечностей, красоту формы и быстроту, их не могут превзойти лошади любой другой страны, ни даже широко известные арабской или английской породы; и я сомневаюсь, сможет ли какая-либо другая лошадь в силу длительной привычки и природы страны переносить подобное утомление и карабкаться с такой уверенностью на скалистые горы и спускаться на степные лощины. Ничего не может быть более простым, чем их метод объезжания лошадей: черкес сначала доставал лассо, что является само по себе искусством необычной опасности, так как покинутое стадо бродит полудико по лесам. Черкес затем начинает завязывать ее шею недоуздом, столь плотно, что почти кажется душит ее: в этом состоянии он тащил лошадь до тех пор, пока она не изнурится, или во всяком случае, до тех пор, пока не посчитает ее до конца покоренной; после объезжания верхом в течение некоторого времени лошадь становится уже через несколько дней столь послушной и привязанной к своему хозяину, как спаниэль.

* шы — адыг.

Возможно, ни в одной стране в мире с лошадью не обращаются лучше, чем здесь; нет другого народа, который понимал бы лучше, как управлять ею. Великий секрет, кажется, в доброте; ее никогда не бьют; следовательно, ее дух остается несломленным и привязанность к своему хозяину неослабной. Плавание, вместе со всеми партизанскими мероприятиями, в которых ей приходилось участвовать, является их достижением; и с течением времени лошадь становится такой же хитрой и искусной в уклонении бегством, как человек. Я часто видел ее лежащей у ног своего хозяина, когда в засаде, в совершенном покое или при покорении, она без всякого сопротивления позволяет приспособлять свою голову как опору для винтовки.

Одним словом, мне пришлось заполнить письмо, описывая различные черты, представленные этими интересными животными, и легкость, с которой они могут быть обучены всему, что пожелаешь. К тому же, черкесская лошадь обучается понимать каждое чувство, адресованное ей; и как бы далеко мы не продвинулись в различных искусствах и достижениях цивилизованной жизни, тем не менее, мы значительно уступаем этому народу не только в управлении лошадьми, но в человеческом обращении с ними, у черкесов наши конюхи могли бы брать уроки с большим успехом. Как мало, к тому же, мы знаем, до какой степени это благородное животное можно научить и улучшить! Нет

никого менее порочного, никого, более чуткого к хорошему обращению и никого более постоянного в своих привязанностях. Те, которые воспитываются на фермах в молодости, являются столь же нежными, как друзья детства; и когда можно, они позволяют объезжать себя без необходимости прибегать к всякому насилию.

До войны с Россией черкесы привыкли обильно приправлять солью пищу для их крупного рогатого скота; но сейчас, вследствие строгой блокады, установленной на их берегах, им не дают возможность получить необходимые запасы этого самого ценного продукта, который они имели обыкновение получать от турков. Баранина и говядина превосходны; и мясо молодого ягненка, так же, как и в Крыму, прелестно. Каждая деревня изобилует собаками, похожими на наших пастушьих собак, к которым мы можем добавить борзых, преследование которыми — одно из популярных увеселений народа: к тому же, прекрасные большие зайцы определенно вызывают сильный соблазн, некоторые из них весят даже двадцать фунтов.

Крылатые создания водятся в изобилии, включая диких индюков, вальдшнепов, куропаток, перепелов и бекасов: последних я насчитал четыре различных вида; но, несмотря на близость Phase родины фазанов, странно сказать, но их я видел очень мало на Кавказе. Лебеди, дикие гуси и другие водяные птицы часто посещают в больших количествах реки и болота; следовательно, если тому, кто снабжен оружием и может держать винтовку, пришлось остаться без ужина, это — его собственная вина.

Боров и благородный олень здесь также в большом изобилии; последние часто воспитываются ручными, их можно увидеть прыгающими недалеко от всякой фермы в Черкесии. Среди диких животных шакал является самым многочисленным; он размером почти с английскую поратую гончую с прекрасным пушистым хвостом, достигающим земли; худые, остроголовые и чрезвычайно быстрые и юркие. Сурок, суслик и тушканчик здесь в изобилии, как и в Крыму. Существуют также различные виды кротов; так называемый slepez, впервые открытый в степях Крымской Татарии, также является аборигеном низин Кавказа; здесь они, однако, больше в размерах и более свирепые. Он во всех отношениях подобен обычному кроту, за исключением головы, плоской и широкой, как у выдры; вооруженный самыми громадными клыками, оказывается, что столь маленькое животное — опасный враг; и его отвага такова, что передвигаясь в большом количестве, они редко отклоняются от своего пути, кусают и разрезают все, что встречают на своем пути.

Волк, стервятник и орел, можно сказать, будут единственными врагами пастуха, с которыми он должен бороться; последний достигает страшных размеров.

Медведи немногочисленны; за исключением scolopendra morsitans³⁵; и различных видов тарантулы и скорпиона, в Черкесии существуют почти любые ядовитые рептилии. Действительно, существуют змеи таких же видов, как мы находили в степях Кубанской Татарии, которые здесь часто достигают огромной длины двадцать футов, но они редко встречаются, кроме как в горных пустынях и, по мнению черкесов, их укус нисколько не опасен.

ПИСЬМО 26

Черкесский образ жизни.— Обычай продавать своих женщин.— Его тенденции цивилизовать народ.— Черкесский брак.— Стоицизм черкесов.— Социальное положение народа.— Мораль.— Метод наказания преступлений.— Суд.— Священные рощи.— Уголовные законы.— Черкесская ловкость в воровстве.— Образование.

Обычная пища черкесов мало отличается от пищи татар, которые населяют горные части Крыма: баранина, козленок, птица, рис, гречиха, просо, сушеные фрукты и мед образуют главные составляющие стола. Рыбу, несмотря на ее обилие в Эвксине и в реках страны, я никогда не находил поданной к столам. Почти все виды дичи используются, за исключением борова и дикообраза; и, подобно туркам, они имеют привычку приправлять мясо слишком обильно горьким перцем.

Количество диких огурцов, потребляемое всем населением, изумляет: их можно увидеть едящими в течение всего дня. В отличие от наших, кожура является совершенно белой; и, хотя они достигают огромного размера и длины, тем не менее, они сохраняют всю свежесть и аромат, характерный для молодого огурца. Во время лета заготавливается большое количество и сохраняется в соли для зимы; так германцы делают saur kraut³⁶.

Усики и молодые плоды тыквы также имеют большой спрос. Они варятся и употребляются вместе с маслом, солью и стручковым перцем. Я часто ел этот овощ, и я нахожу его ни в коем случае не презренным. Дикий аспарагус, морковь и листья одуванчика пользуются большим спросом. Мед обязан своему высшему качеству и аромату дикому тимьяну и другим ароматическим цветам гор, над которыми кормятся пчелы: он образует самый важный компонент в земледелии и на столе черкеса. Он используется не только в сотах, но и во многих блюдах. Черкесский способ разведения пчел чрезвычайно прост: иногда улей заплетается вместе с корой липы в цилиндрическую форму, шести или семи дюймов в диаметре; но, самое обычное, предпочитается кора молодого дерева, края которого запечатываются и располагаются горизонтально в штабеля друг над другом. Чтобы пчел выгнать из улья, они используют немного горячей соломы вместо серы.

Вина, алкогольные напитки и даже буза татаров и турков, называемая здесь баксима, редко используется черкесами, их любимый напиток скху (щхыу — Н. Н.); разновидность кислого молока, характерная для Востока, которую я нашел самым здоровым, освежающим и приятным напитком во время моего путешествия по этим странам.

Свежее молоко (sezend) никогда не используется черкесами, считается бесполезным и вызывающим лихорадку: поэтому они привыкли кипятить его каждое утро и каждый вечер после того, как подоят коров, и, остудив, смешивают его с некоторым количеством прежнего скху. Через три или четыре часа оно густеет и становится готовым к употреблению; и, немного ароматизированное розовой водой и сахаром или вообще в любом виде, оно — самое приятное и освежающее питье. Даже сейчас я с благодарностью вспоминаю прелестный холодный глоток, который я часто выпивал, страдая от жары по крайней мере 40° по Реомюру.

Необходимо отметить, что только скху придает молоку тот особенный приятный вкус, который мы находим на Востоке, и сохраняет его во время самой жаркой погоды в пригодном для питья состоянии. Откуда скху берет свое происхождение — это предмет великого спора среди народов Востока. Турки и татары, которые называют его ягурт, говорят в соответствии с их традициями, что сам Всемогущий открыл знание его использования Аврааму, который передал искусство его приготовления потомству; тогда как черкесы и, я полагаю, — арабы, утверждают, что Хаджар, выгнанная из дома, своего хозяина и падая в обморок от жары и жажды в пустыне, была награждена ангелами чашей восточного нектара: с того времени он сохранился до сегодняшнего дня в качестве заменителя молока. Тем не менее, будь как угодно, скху составляет принципиальную вещь в пище черкеса: сваренное с просом или кукурузой, оно составляет его завтрак; также и обеденный плов, и вечерняя еда смешиваются с ним. Зимой, когда хуже со снабжением, оно сохраняется в чашах, с небольшим количеством соли, образуя при этом консистенцию, подобную творогу.

Следующий за скху самый необходимый для этих примитивных народов атрибут пищи — просо, без которого и без бутылки с их любимым напитком ни один черкес не покидает своего дома; и так как кремень и сталь образуют обязательную часть среди его

инструментов для путешествия, он никогда не бывает, даже в самых необитаемых районах, в замешательстве.

Размещаясь на бивуак, интересно увидеть сотни людей, сидящих вокруг костров, каждый из которых готовил свою скудную еду, которой они, вследствие их умеренных привычек, наслаждаются с таким же острым удовольствием, как искушенный гурман Европы наслаждался бы самыми *recherche* яствами стола.

Вследствие длительных торговых связей, установленных между черкесами и татарами Крыма до русского завоевания Черкесии, оба народа отличаются огромным сходством их обычаев и манер; и вместе с самым восточным народом занимаются подобной системой покупки жен и продажи своих дочерей самым высокопоставленным покупателям. Тем более это удивительно, когда мы вспомним, что черкесы считают их собственную свободу первым среди всех земных даров природы; тем не менее, отец будет продавать свою дочь и брат — свою сестру. Однако это не считается ничем иным, как самым почетным способом обеспечить их; и прекрасная женщина, которая провела свою молодость в гареме богатого перса или турка, возвратясь в свою родную страну, одетая во все свои наряды, никогда не перестанет возбуждать в памяти ее юных подруг желание последовать ее примеру, следовательно, они прыгают на борт судна, предназначенного, чтобы увезти их, возможно, навсегда от дома и друзей с такой живостью, как если бы им переходила в обладание корона.

Система продажи их женщин, вероятно, направлялась на сохранение в некоторой степени цивилизации и изящества в жителях Кавказа, так как те из женщин, которые вернулись на свою родную землю после проживания среди народа, стоящего на более высокой ступени цивилизации, чем их собственный народ, приносят с собой ту спелость знания, которая позволяет им осуществлять различные улучшения и усовершенствования в социальных условиях своих земляков, которые иначе, вследствие их изолированности, впали бы в полное варварство.

С другой стороны это было причиной многих серьезных войн и мелких стычек между различными племенами, которые от своей жадности обеспечить рынок красавицами, привыкли совершать грабительские набеги на территории друг друга исключительно для цели похищения юных женщин.

К счастью для человечества, эта практика сейчас почти исчезла: этому они были обязаны объединению племен; и также тому обстоятельству, что русский флаг, развевающийся на Черном море, прекратил все виды торговли с их соседями.

Казалось бы, кавказские князьки вполне осознают преимущества сильных семейных связей, как и их собратья в Европе; следовательно, они предпочитают отдавать их дочерей замуж скорее благородным или влиятельным вождям местных племен, чем иностранцам.

Возможно, ни один народ не желает более, чем черкес, сохранить свой род чистым и незамутненным, особенно их князья. Поэтому при выборе жены большее внимание уделяется красоте форм и фигуры, чем образованию; количество мелкого и крупного рогатого скота, которое дается отцу при покупке его дочери, варьируется в зависимости от ее привлекательности.

Действительно, черкес истинно адыгской породы редко берет жену среди народа любого племени Кавказа, который не имеет такую же родословную, как он сам; но он не столь консервативен в отношении своей дочери, которую он передаст самому высокопоставленному покупателю, или турку, или ногайскому татарину, или даже калмыку. Предпочтение, однако, я верю, всегда оказывается адыгу. Хотя этот народ измеряет ценность женщины в коровах, все же они не думают, что необходимо дословно придерживаться оплаты этими полезными животными, но меняют приданое в зависимости от их собственных потребностей и склонностей. Если отецвоин, вероятно, он примет вместо своего ребенка костюм персидского воина, оружие и т. д., или, возможно, он может предпочесть определенное число лошадей или овец, или личных слуг сватающегося человека на год или два на свою ферму.

В настоящее время, вследствие ограниченной торговли между жителями Кавказа и их старыми друзьями, турками и персами, цена женщин значительно упала; те родители, у которых полный дом девочек, оплакивают это с таким же отчаянием, как купец грустит об оптовом магазине, полном непроданных товаров. С другой стороны, бедный черкес ободряется этим состоянием дела, так как вместо того, чтобы отдать весь свой труд в течение многих лет или отказаться от большей части своего крупного и мелкого рогатого скота, он может теперь получить жену на очень легких условиях — ценность прекрасного товара падает от огромной цены сотен коров до двадцати или тридцати.

Когда возлюбленный, которого приняли, выполнил свои обязательства или дал залог, организаторы готовятся к свадьбе; девушку наряжают во все самое нарядное и полностью покрывают длинным белым покрывалом, которое, среди богатых, украшается цветочным узором из золота или серебра.

Друг жениха выполняет обязанности шафера и скачет вместе с девушкой к дому тех родственников, где празднуется свадьба.

По прибытии на место назначения невесту встречает хозяйка дома со всей торжественностью, соблюдаемой в таком важном случае. Ее затем проводят в комнату, предназначенную для счастливой пары, где оставляют одну, со связкой сосновых факелов или с горящим огнем; подбрасывать сосновые ветки так же, как и сохранить пламя до прибытия суженого, является ее необходимым долгом. Это делается, чтобы предотвратить вход любого сверхъестественного врага, который мог бы увлечь ее с собой.

Мы не должны, однако, забывать упоминание о том, что пожилая хозяйка, которая обычно исполняет обязанности в подобных случаях, после входа невесты совершает мистическую церемонию обхождения три раза вокруг брачного ложа, повторяя слова заклинаний по-арабски, начиная от головы и заканчивая ногами; после этого она ставит три глиняных котелка, наполненных пшеницей, у головы, ног и в стороне; в каждом из них она оставляет горящую лампу. В счастливый момент, прибыв в полночь, жених седлает своего коня, ищет своего друга, который в это время скрывается в близлежащем лесу.

Будучи представленным своей невесте, избранник вынимает кинжал и немедленно совершает столь характерную для всех черкесских племен церемонию разрезания корсета, в который невеста была заключена с младенчества.

Вследствие этого обычая — носить корсет, черты юных черкесских девушек болезненны и нездоровы, и их формы часто смотрятся как будто больными, до тех пор, пока освобожденные от девичьего корсета, не увеличиваются так, как это предназначено природой. Никакая другая церемония не соблюдается на черкесской свадьбе, за исключением пира и веселья. На рассвете молодой уезжает со своей женой, представляя ее своим родителям и она размещается в доме, предназначенном для нее, недалеко от дома родителей; но, согласно обычаю народа, ее муж никогда не навещает ее иначе, как украдкой, так как некий позор падает на мужчину, который посвящает свое время обществу жены. Полигамия разрешается; но черкес обычно довольствуется одной женой, или, самое большее, двумя.

Черкес в расцвете сил, кажется, избегает всего, что может показаться подобным женскому, даже общества своей жены и детей. Поэтому он смело встречает не только суровость погоды, но холод и жажду; и будет путешествовать в течение многих недель с обычной сумкой проса и сосудом скху, хотя вокруг него — изобилие. Только в обществе иностранца и из вежливости во время народных празднеств эти люди позволяют себе что-то, подобное роскоши. Черкес, однако, отбрасывает свой стоицизм на склоне лет и, можно сказать, только тогда, по нашему представлению, наслаждается жизнью; ибо мы везде видим человека почтенного возраста, окруженного женой, детьми и внуками, воплощающего картину домашнего счастья.

Этот отказ от домашнего общества ради долга бесстрашного воина мог бы разуверить нас в том, что черкесские мужчины в состоянии испытывать более нежные чувства; если

воин встретит свою жену с непокрытой головой, он будет остерегаться ее с такой сильной неприязнью, как если бы его тропу пересекла ядовитая змея; все же из всего, что я смог узнать, следовало, что они живут в самой совершенной домашней гармонии: главная цель жизни мужчины — обеспечивать потребности своей семьи и никогда не запускать своих детей до тех пор, пока они не достигнут зрелости. Мы могли также предположить, что их жены, оставаясь столь долго без общества своих мужей, были бы подвержены соблазну, особенно потому, что они вольны принимать визиты и мужчин, друзей и родственников. Это предположение, насколько я был информирован, было абсолютно беспочвенным, что, естественно, характеризует моральный облик народа. Однако, как и в любой другой стране, здесь существуют исключения. В этом случае, однако, черкес не столь безжалостен, как его сосед, турок, довольствующийся тем, что побьет ее или, в чрезвычайных случаях, пошлет ее обратно к родителям — увы без ушей и носа; законы страны не разрешают какую-либо более строгую месть, за исключением продажи ее как рабыни. Наказание любовника ограничивается тяжелым штрафом, как компенсация мужчине за потерю его имущества. Иногда случается, что черкес мстит за оскорбление своего достоинства убийством соблазнителя; но, так как это противозаконно, он должен ответить за смерть перед трибуналом старейшин, которые никогда не забудут нанести взыскание — неважно, насколько тяжелым было оскорбление — такой штраф, который удовлетворит друзей покойного.

Я нашел, что метод наказания преступлений штрафом обычен и, кажется, хорошо приспособлен к условиям страны, подобной Черкесии, где имущество поровну делится. Действительно, я думаю, что ни один не встречается среди них, лишенный средств существования, вследствие того, что их образ жизни очень прост и их нужды столь малы; единственная роскошь, которую они, кажется, позволяют себе, заключается в прекрасных лошадях и великолепном оружии, которое совершенно соответствует их воинственному характеру.

Суд всегда совершается в священной роще под открытым небом и их решения считаются самыми справедливыми по отношению к их соплеменникам; они, тем не менее, не столь справедливы, когда это касается иностранца, с которым они не заводят никакого дела. Эти национальные ассамблеи всегда возглавляются вождем и главными старейшинами земли; и проводятся совершенно по их древнему кодексу законов, который является для черкесов священным и неизменным. Нельзя представить себе ничего более интересного и романтического, чем эти дискуссии, особенно для европейца, привыкшего, как мы, слушать голос судейской власти в величественных зданиях Англии, сопровождаемый искусственным антуражем, который придает решениям почтенный и внушительный вид. Будучи очевидцем этого, я вообразил нашего великого Альфреда. Здесь я видел князя с накидкой на троне под раскидистым балдахином из камыша, окруженного своими соплеменниками и старейшинами, все они внимательно слушают его речь с самым благоговейным вниманием, не позволяя себе говорить до тех пор, пока к ним не обратится ассамблея. Тем не менее, честь председательствующего, или судьи не всегда оказывается князю по его рангу; но за его известные способности выполнять свои обязанности; так как с тех пор, как восстали шапсугские племена, примерно десять или пятнадцать лет тому назад из-за тирании своих князей, все местные вопросы поручаются решению старейшин земли; и правительство почти всех адыгских конфедеративных племен в настоящее время, можно сказать, более республиканское, чем аристократическое.

Ни возраст, ни ранг, ни богатство не имеют какого-либо значения в выборе старейшины; сила, добродетель и дар красноречия — единственное необходимое условие. Дебаты, нужно признать, изредка несколько шумные, так, я часто видел высокомерного сорвиголову, который, найдя, что дискуссия не принимает оборот, благоприятный для его взглядов, поднимается со своего места, кипя от ярости, чтобы прервать оратора; несмотря на это, уважение, оказываемое этим народом к судейской власти, таково, что князю или

одному из старейшин необходимо только поднять руку, чтобы молчание немедленно восстановилось.

Их уголовные законы базируются на принципе возмездия. Когда человек совершает убийство, друзья жертвы имеют право требовать или его жизнь, или его имущество; и, насколько я был в состоянии установить, почти неизменно предпочиталось последнее; но т. к. не существует границ в предъявлении претензий в случаях великих преступлений, штраф строго взыскивается. Это доводит до разорения преступника и его семью; если их ресурсы недостаточны, чтобы удовлетворить требования, убийца продается как раб и изгоняется из страны навсегда.

Чтобы дать более ясное представление о специфике отправления правосудия среди этого народа, я приведу несколько примеров. Черкес, возвратившись с грабительской вылазки, продал лошадь, часть своей добычи, соседу, которому он гарантировал, что она совершенно здорова, но, однако, вскоре открылось, что животное получило слабую рану в копыто, но обнаружилось это не раньше, чем конь упал и сломал ногу всадника. Раненый мужчина предъявил свою жалобу старейшинам земли, когда продавец лошади держал ответ и был обложен смягченным штрафом, хотя он старался оправдаться ссылкой на незнание, получив лошадь за несколько дней до этого от черноморского казака во время наступления на границу.

Или вот еще — шапсугский воин, служивший у князя, был на охоте со своим хозяином; оба выстрелили в медведя, который, тяжело раненный и преследуемый охотниками, скрылся на ферме. Вид такого страшного посетителя обратил в бегство жителей; они, стараясь скрыться, с громкими криками бросились наперерез всадникам и одна из лошадей, став неуправляемой, упала и убила своего всадника. Друзья умершего позвали своего князя к старейшинам, моля их о карающем суде. Князь старался оправдаться, доказывая им, что лошадь была здоровой, и предъявил обвинение безумевшим жителям фермы; оправдание, тем не менее, не было принято, старейшины уверяли, что нервы хорошо обученной черкесской лошади могут выдержать напор не только напуганной улепетывающей домашней птицы, но даже целого войска казаков.

Этот карающий суд также эффективно предотвращал многие кровопролитные стычки между соседними племенами; хотя каждую сторону можно увидеть в боевом порядке, проявляющей признаки раздраженного чувства, даже их разногласия все же почти всегда в настоящее время решаются по-дружески, так как каждая сторона боится дойти до крайности, хорошо зная бесконечные тяжбы, которые последовали бы, так как друзья умершего или раненого никогда не устанут предъявлять свои претензии ассамблее князей и старейшин, которые принуждают к возмещению любого совершенного оскорбления.

У черкесов, как и у древних спартанцев, вор, который владеет своей профессией с ловкостью, возбуждает всеобщее восхищение и нельзя оскорбить человека более, чем сказать ему, что он не знает, как украсть быка.

Тем не менее, неprovорный человек в случае обнаружения не только приговаривается к возмещению украденных вещей, но к девятикратному штрафу. Фактически, эти люди очень умные воры и ничто не может защитить иностранца от ловкости их рук, если бы не уважение, которое они оказывают по праву гостеприимства; однако, как бы ни был черкес сильно подвержен этому пороку — здесь считающему добродетелью — с того момента, как путешественник вступил в их дом и преломил вместе с ним хлеб, он будет защищать личность и имущество иностранца даже ценой собственной жизни.

Скромность обычно не единственная черта черкеса, так как он никогда не упускает возможность получить выгоду, что-то выпросив, и путешественник, круг друзей которого широк, имеет шанс лишиться любой вещи, которой он обладает. Я нашел себя атакованным сотнями кузин и близких родственников моего кунака, которые проявляли ко мне величайшую дружбу и которым, по этикету, следовало подарить несколько пустяковых подарков на память, но так как иностранец имеет право на взаимный подарок, он может избавиться от их назойливости, восхищаясь какой-либо ценной вещью,

принадлежащей им, которая, согласно черкесским правилам поведения, является равноценной, чтобы попросить ее.

Образование молодежи Черкесии напоминает нам героическую эпоху бессмертной Греции, так как редко, очень редко, мальчик воспитывается под родительским кровом. Когда он рождается, ему дарят лук и колчан со стрелами, как символы его будущего предназначения; и амулет окружает некоторую часть его тела, для того, чтобы обезопасить его от колдовства и злого глаза. После первых лет беспомощного детства его забирают от матери и передают заботе воина, известного своим воинским мастерством, который теперь выполняет перед мальчиком долг родителей, нося имя аталыка (приемного отца); и, во время всего времени мальчик остается под его контролем; ему никогда не разрешается посещать своих родителей, чтобы он не избаловался бы потаканием или не расслабился под воздействием чрезмерной любви.

Т. к. черкесы совершенно не знают письменности, их образование ограничивается любыми видами гимнастических упражнений, которые могут способствовать силе и ловкости тела. Он обучается, кроме верховой езды и плавания, самому испытанному методу использования каждого военного оружия; он также изучает красноречие, которым он может отличиться как оратор на народных ассамблеях страны; и, чтобы завершить свое образование, он обучается искусству воровства.

Когда юноша считается достигнувшим достаточной сноровки в своих занятиях, его проводят в дом его родителей с почетом и устраивают прекрасный пир. Приглашают друзей и родственников, юноша демонстрирует свои навыки; его аталык награждается не только словами, но более существенными подношениями благодарности и с тех пор пользуется самым высоким расположением в семье. Взаимная привязанность существует между ним и его учеником всю жизнь, так что юный черкес, можно сказать, вдвойне охраняется родительской заботой.

ПИСЬМО 27

Христианские ритуалы, все еще проявляемые в манерах и обычаях черкесов.— Религия черкесов.— Суеверия.— Церемонии.— Похороны.

С тех пор, как разрушена империя Константина на Востоке, турки единственные были в дружеских отношениях с жителями кавказских районов, которые обязаны им введением ислама. Доктрина Магомета, однако, так и не пустила глубоких корней среди этого народа; хотя несколько племен побережья исповедуют эту веру, она настолько смешана с христианством, что почти образует отдельную религию; обстоятельство, которое часто упоминается набожным турком с чувством глубокого сожаления.

Греческие и итальянские описатели кавказских районов в средние века, опираясь в своих суждениях на существующие в стране кресты в форме св. Андрея, утверждали, что этот святой, или его последователи, обратил жителей в христианство; хотя другие утверждают, что св. Нина, княгиня Грузии и современница Константина, имела честь распространения света нашей священной религии среди горцев Кавказа. Пусть будет как будет, но основополагающие истины христианства так и не были достаточно установлены, чтобы устоять перед потоком невежества: следствие того, что народ лишен письменного языка и любого пособия, кроме устных преданий.

Некоторые армянские и караитские еврейские купцы, привыкшие проникать внутрь страны, подтвердили информацию, которую я получил у Бомбора,³⁸ что жители некоторых удаленных горных районов в Верхней Абазии действительно исповедуют христианство, несмешанное ни с исламом, ни языческим суеверием: сохраняют свое

духовенство и созывают в определенное время на богослужение. Можно ли не открыть широкое поле для трудов тех, кто желает распространения христианства? И не весьма вероятно ли, что с помощью коренных верующих его священные принципы могли бы снова распространиться среди людей, которые все еще уважают его?

Главными постулатами в вере жителей Западного Кавказа являются — прочная вера в единого Бога, верховного и могущественного, и в бессмертие души, которая, они убеждены, будет переведена в другой мир, местопребывание их отцов. Подобно магометанам, они не представляют Божество в какой-либо видимой форме, но определяют его как создателя всех вещей, чей дух рассеян во всем Космосе. Кроме единого вечного Бога, они верят в существование нескольких низших существ, или святых, которым Великий Дух *, Тха, передал власть над такими земными вещами, которые он считает слишком незначительными для его внушающего страх контроля. Каждый из этих святых имеет день рождения, который отмечают народным празднованием и молитвой в подобной манере, как праздники отмечают в католических странах. Некоторые из них представляются особым символом; но они не поклоняются им иначе, кроме как промежуточному объекту. На сей счет я произвел строгий опрос и обнаружил, что все мои информаторы согласились с этим мнением и подтвердили то, что я слышал до этого от нескольких русских офицеров, которые в течение многих лет были связаны с черкесами. Тем не менее, это богослужение должно считаться разновидностью поклонения строгого протестанта и столь же строгого мусульманина.

Самым могущественным среди этих святых является Сеозерес, у которого находятся в подчинении ветры и воды. Его почитают с особым почтением те, кто живет недалеко от берега моря; и также пастухи, так как Сеозерес — защитник стад мелкого и крупного рогатого скота. Его праздник отмечают жители каждой деревни или хутора в начале весны, когда его символ, высохшее грушевое дерево, украшают гирляндами цветов и различными другими украшениями, как майское дерево. Огромный творог или сыр прикрепляют к верхушке; и несколько свечей, по числу приглашенных гостей (праздник обычно проводят в доме вождя или одного из старейшин), держат зажженными здесь и там, над деревом. Так как чистоплотность считается добродетелью среди черкесов, символ святого прежде, чем украсить, очень заботливо моют в самой чистой весенней воде. Когда все готово, его торжественно вносят в дом одного из старейшин; и так как святой мыслится как великий мореплаватель и путешественник, его символ приветствует овациями вся компания. В его честь приносят в жертву животное; и устраивают народную трапезу; и празднование, и веселье продолжается три дня со случайными просьбами к святому о защите их от злого глаза, который он, как предполагается, может отвести. Праздник завершается раздачей гостям сыра, который суеверие наделяет свойством излечивать многочисленные болезни. Каждая черкесская семья сохраняет одно из этих священных деревьев в своих домах; святого, тем не менее, совсем не замечают до тех пор, пока его праздник снова не наступит.

Одной из самых замечательных черт в этом празднике является его сходство с праздником Св. Иоанна, все еще отмечаемого крестьянами удаленных районов в Карпатских горах; к этому мы можем добавить, что обряжение дерева цветами, украшениями и свечами во время рождественских праздников практикуется даже по сей день почти всем населением Германии и других стран северной Европы; и один из самых привлекательных даров, который вы можете преподнести ребенку в Германии на рождество — это украшенная ель, покрытая фруктами, цветами, конфетами и восковыми свечами.

Другой черкесской святой является Мерисса, покровительница пчел; и она не менее важный персонаж, чем богоматерь. Это, очевидно, смесь язычества с поклонением Деве Марии. В стране, подобной Черкесии, где мед образует столь важную часть сельскохозяйственных занятий людей и смешивается столь обильно с их пищей, мы не можем удивляться тому, что они персонифицировали божество столь могущественного

влияния для покровительства пчелам; и, согласно их верованиям, кажется, она сполна оправдала доверие; так как однажды, когда злой дух очень упрямо пытался разрушить всех этих трудолюбивых насекомых, она сохранила одну пару путем своей сверхъестественной власти и снова расселила по лесам! Этот праздник отмечают в течение трех дней, примерно в середине сентября, с пированием и весельем, подобно другим; единственное отличие заключается в том, что блюда и напитки, составляющие стол, делают исключительно из продуктов пчел.

Кроме этих, существуют несколько других святых, таких, как Емиха, Скусха, Наохатка и Месте, покровители земледелия, лесов и т. д., каждый из которых удостоен праздника. К ним мы можем добавить могущественного короля, Тлиебска (Тлепш — Н. Н.), смесь Марса и Вулкана, покровителя оружейных мастеров. Гром и молния, так как они исходят непосредственно от Великого

Духа, Тха, почитаются черкесами с величайшим благоговением, и счастлив тот человек, столь отмеченный судьбой, что пал жертвой их силы: его тело предается земле с великой торжественностью, и его семья радуется великой чести, которой она удостоена. Когда они слышат чебли (гром) (Шибле — Н. Н.), грохочущий в небесах, они верят, что это ангел божий, путешествующий на своей огненной колеснице по воздуху, и выбегают из своих домов, en masse³⁹, чтобы поблагодарить небесного посланца, который таким образом орошает их поля и освежает и очищает воздух во время великой летней жары.

Черкесы также почитают, с более чем обычной привязанностью, трех сестер, которые осуществляют контроль и помогают счастьем семейной жизни, товариществу и гармонии с их соседями. Предполагают, что эти божества также хранят воина в битве под своим спасительным крылом и охраняют путешественника; следовательно, коренные жители не принимают участия в поездке, даже перемене местожительства без того, чтобы сделать умиловительное жертвоприношение этим прекрасным святым. Возможно, этот обычай может также считаться остатком христианства и прообразом Троицы.

Их духовенство не образует отдельной корпорации: пожилые и те, кто особенно уважаем среди своих сограждан за отвагу, мудрость и храбрость, всегда выбираются как самые святые и достойные личности, чтобы осуществлять молитвы и благодарственные молебны народа к трону великого Тха (бога богов). Их религиозные церемонии всегда отмечаются в священной роще, специально предназначенной для этой цели и отличающейся по некоторым религиозным символам, обычно по кресту, латинской или греческой формы. Один или два раза я наблюдал эмблему, когда проходил через их священные рощи, в долине Адлера, более похожую на Т, чем на крест; говорили, что она была чрезвычайно древней: я был, тем не менее, не в состоянии получить какую-либо информацию о его истинном смысле. Когда воин возвращается домой, или когда человек спасся от действительного или от предполагаемого несчастья, он отправляется к священной роще, чтобы совершить жертвоприношение Божеству или выразить свою благодарность.

Эти подношения, обычно украшенные венками цветов, как правило, подвешивают на дерево в окрестностях креста; и каждое племя и класс преклоняются перед ними; следовательно, их никогда не убирают, если какое-либо враждебное племя не совершает набег на страну, которую оно считает законным объектом грабежа. Благодарный жрец также приносит в жертву животное в случае освобождения, голова животного прикрепляется к одному из соседних деревьев.

Красивы эти священные рощи; очень живописная страна; молчание, которое царит в лесу; исполненные по обету жертвоприношения благочестия; крест, символ нашей веры; простые ритуалы этого интересного народа, созываемого перед нашим Создателем в храм природы — никогда не ослабят моих чувств уважения, благоговейного страха и поклонения; в какой бы форме Всемогущий ни почитался, да будем надеяться, что поклонение будет принято у трона милосердия?

Исполняющий обязанности жреца, который выполняет божественную службу на всеобщей ассамблее народа, обычно человек в расцвете сил, с пышной бородой, почти

достигающей пояса; он одет в Чаоуко (бурку — Н. Н.); и с непокрытой головой, склоняясь ревностно перед крестом, начинает службу умиловительным жертвоприношением, которое, в обычных случаях, состоит из ягненка, козленка, козла или овцы; по таким торжественным праздникам, как победа, обильный урожай или народные праздничные дни, специально выбирают красивого взрослого быка.

Перед тем, как принести жертву, жрец берет один из сосновых факелов, который стоит горящим недалеко от символа их веры и выжигает волосы той части тела, где он намеревается вонзить кинжал и немедленно изливает ему на голову кубок с баксима. Ловкость и быстрота, с которой животное отправляется на тот свет, поразительны; кажется, что проходит момент от жизни к смерти. После того, как совершено жертвоприношение, жрец берет кубок баксима, в который опускает маленький кусочек ячменной лепешки и, после молитвы и жертвоприношения Верховному Богу, дарит самому почтенному старейшине на ассамблее, это считается высшей честью, которая может быть оказана возрасту и добродетели. Подобное жертвоприношение устраивают каждому святому, которому жрец молится подобным образом и то же самое дарит самому старому человеку из собравшихся; и, таким образом, церемония включает молитвы, просьбы и благодарственные молебны; во время молебна созванная толпа хранит глубочайшее молчание, внимание и набожность. Только голова животного посвящается верховному богу: ее подвешивают на ветвь одного из очень высоких деревьев в священной роще. Шкура становится собственностью того, кто исполняет обязанности жреца; и, т. к. каждый член общины делает вклад в народный праздник, мясо животного образует желанное добавление; и день завершается ездой, питьем, музыкой, танцами, ездой верхом на лошадях вместе с военными упражнениями. Для дня, приберегаемого для празднования божественной службы, не установлено время, он назначается старейшиной; и устраивается не чаще, чем раз в неделю. Среда, четверг или пятница считаются несчастливыми и никогда не выбираются, обычно предпочитают воскресенье: и мне сообщили, что некоторые племена в глубине страны постоянно выбирают этот день. После всенародного поклонения старейшина объявляет какое-либо событие или локальной, или всеобщей важности, такое, как объявление войны, приближение врага, потеря скота и т. д.

Среди религиозных праздников ни один не отмечается с большим почтением, чем тот, который приходится на время нашей Пасхи. Пышность, с которой его устраивают, и веселье, которое сопровождает его, оставляют мало сомнений, что этот праздник — также реликт христианства. Мартовская луна начинается с поста, который строго держится до конца, когда на рассвете звук мушкетов из домов почтенных жителей деревни не объявит начало праздников. Все классы затем устремляются в священную рощу, где происходят обычные религиозные ритуалы. В этот день приносят в жертву еще нескольких животных; и веселье заканчивается стрельбой по яйцам и т. д., когда шкуры животных становятся наградой самым умелым стрелкам.

Праздник первого сбора урожая является также одним из самых важных и продолжается несколько дней, во время которых соплеменники ходят друг к другу в гости, каждая семья устраивает отдельное угощение. Любимым блюдом является пшеница, срезанная до того, как она стала совершенно спелой, пожаренная и употребляемая со скху; затем последовали другие виды зерна, фруктов и т. д. Те, кто не в состоянии из-за немощи посещать дома своих друзей во время праздника, получают свою порцию дома — считается самым несчастливым не разделить счастья, не воспринять часть благословения, которое земля даровала их соседям. Церемонии завершаются благодарением милосердной силы, которая обеспечила столь изобильно их нужды.

Говоря о религиозных ритуалах черкесов, я не должен пренебрегать тем, чтобы рассказать вам, что дни недели связаны с днями недели христианских стран. Новый год, в отличие от мусульман, начинается в то же время, что и у нас; и первые признаки весны также отмечают как праздник. К концу октября, когда листья начинают опадать,

символизируя недолговечное существование человека, народные молитвы возносятся в память об умерших для того, чтобы небесные силы позаботились о них в раю. Церемонии, которые сопровождают смерть черкеса, просто ограничиваются несколькими религиозными песнями и похоронной речью, которую произносит один из старейшин над его телом, которое заворачивают в белое покрывало и предают земле так же, как в Крымской Татарии. В течение года его доспехи охраняют с самой благоговейной заботой и оставляют в таком же состоянии, как при его жизни: его друзья и родственники посещают его могилу в установленные периоды, когда они бьют себя в грудь и повторяют несколько молитв; но женщины обязаны повторить каждый вечер на заходе солнца в течение месяцев подобную мучительную демонстрацию горя, как татары. Годовщину смерти отличившегося воина или вождя отмечают в течение нескольких лет молитвами и празднествами; к чему мы можем добавить скачки на лошадях и различные виды военных и атлетических упражнений.

ПИСЬМО 28

Кавказские врачи.— Болезни людей.— Способ лечения больного.— Лечение эпилепсии.— Лечение бешенства.— Единственный случай сомнамбулизма.— Преимущества мучной диеты над мясной.— Уважение черкесов к старикам.— Их милосердие.— Суеверие.

Рассказывая все, что я был в состоянии собрать по крупицам, уважая обычаи и манеры этого простого народа, я должен не забыть упомянуть их метод лечения болезней, так как медицинская наука также мало известна на Кавказе, как и в Крымской Татарии. Черкесы, однако, не такие фаталисты, как их соседи, ногайские татары; и та страшная болезнь, столь распространенная среди этого народа, является здесь, насколько я смог узнать, неизвестной. Одним словом, черкесы не подвержены многим болезням: за это они должны благодарить свой собственный темперамент и живительный воздух гор; и если бы не распространение эпидемии и болотной лихорадки, им бы мало чего пришлось бояться, кроме обычных людских недугов. Если распространяется эпидемия, то, из-за незнания медицинской науки, смертность является страшной. Самым ужасным испытанием для этих бедных людей, когда-либо перенесенным, которое все еще вспоминается со страхом, было занесение чумы турками в 1816 году. Население целых деревень было тогда уничтожено; и страна стала столь незаселенной, что зерна гнили на земле из-за отсутствия жнецов, и стада мелкого и крупного рогатого скота дико бегали по лесам. Благодаря заботе их друзей — русских, защищавших берег, чума не распространилась в этом году на Кавказ. Холера и инфлюэнца, столь фатальные для жителей Европы и Востока, еще не нанесли им визит. Что касается оспы, следует сказать, что она была или не очень распространена здесь, или обычно фатальна, если мне можно судить по тому обстоятельству, что ее признак — отметины на лице — редко встречаются.

Врачи, или вернее, святые, которых мы находим одного или двух в каждой деревне, совсем не знают медицины или хирургии: кинжал является заменителем ланцета. Если они не могут заглушить боль применением амулета, они, подобно арабам, используют горячее железо; и, если кровь под влиянием их могущественных чар не перестанет струиться из раны, применяется пластырь из ошпаренной смолы. Поэтому, как можно предположить, опасно раненный человек не имеет ни одного шанса выздоровления; и, несмотря на их непрекращающиеся войны с Россией, искалеченный воин никогда не встречается в этих районах, что, однако, с подобными хирургами не может быть поводом для удивления. Подобно каждому полудивилизованному народу, их *materia medica*

чрезвычайно проста: настой горькой полыни используется почти при любой болезни; и питательный отвар, составленный из старых цветов, душистой ромашки и меда используется от кашля. Казацкая водка является универсальным средством, когда применяется внутренне — от колита, лихорадки и т. д.: а когда разбавляется с водой, облегчает офтальмию и различные кожные болезни.

Калмыки и турки, странствующие племена, являются лекарями кавказцев, и если бы я мог описать те детали, которые были мне предъявлены, то оказалось бы, что некоторые эскулапские подвиги заслуживают записи; особенно лечение эпилепсии, которое, кажется, они осуществляют очень простыми средствами. Запомните, однако, что утверждая это, я полагаюсь на черкесов, сообщения которых подтверждает мой слуга Натан, заявляя, что случаи успешного лечения довольно часты. Лекарство, которое использовалось — корень *artemesia*, Lin *, который растет из земли, за несколько дней до или после Михайлова дня (29 сентября — Н. Н.): деревянистая часть отбрасывается, но другая часть корня, коричневая и сочная, вместе с корой после высушивания в тени сохраняется для использования. Все это, когда необходимо, растирается, и примерно чайная ложка дается пациенту, разбавленная теплым питьем, за полчаса или час до приступа, тот больной, который должен оставаться в постели, принимает его очень теплым, а также сильно согретый разбавленный спирт до тех пор, пока сильно не вспотеет. Доза повторяется подобным образом каждый третий день, девять раз, когда пациент считается вполне вылеченным. Пациент должен, тем не менее, избегать в течение нескольких месяцев крепких напитков и какой-либо кислой, неудобоваримой пищи, кроме всего, он должен заботиться, чтобы не простудиться. В некоторых случаях, особенно связанных с детьми, одна лишь доза способствует лечению.

Меня также познакомили с калмыцким средством от бешенства, которого, как они говорят, вполне достаточно для исцеления. Как выясняется, в соответствии с их утверждением, когда человек столь неудачлив, что получил порцию яда бешеного животного, у него под языком образуется несколько белых пятен или язв, которые вызывают сумасшествие, но, если они разрезаются и вырезанные части прижигаются, то лечение является законченным, операцию следует, однако, проводить в то мгновение, когда они появляются.

Это сообщение я также подтверждаю и не отрицаю. В любом случае, было бы желательным для некоторых наших медиков выяснить, действительно ли те явления, которые я описал, имеют место при бешенстве, или нет.

В моем облике стамбульского хаккима (врача — Н. Н.) меня часто призывали к больным, когда, вопреки нашим европейским обычаям, я постоянно находил дом пациента окруженным множеством молодых людей, создающих на всяких шумных инструментах, которые они могли собрать, ужасный гул, к которому они присоединяли громкие крики для того, чтобы отпугнуть злого духа. Одним словом, я обнаружил в комнате одного из врачей, он расположился на полу, неподалеку от постели пациента; он не оказывал ему помощь пилюлями или лекарственными жидкостями, но бормотал случайные заклинания; между каждым предложением которых он хранил глубокое молчание.

Во время одной из прогулок я встретился со случаем сомнамбулизма, у дочери черкесского аристократа Ногай-Селим-Гирея, недалеко от реки Убин. Девочке было, вероятно, 12 лет, и она страдала от болезни последние 2 года. Во время приступа, который обычно длился от одной до трех недель, она была приучена вышивать, петь под лютню или произносила импровизированные стихи в песенном тоне, всегда пророчившие некоторые важные для страны события, которые должны были случиться; но она никогда не произносила ни слова, ни отвечала на вопрос и, казалось, адресовала свои знаки скорее к некоторому невидимому духу, чем к людям вокруг нее; она также предписывала средства для больного, чье имя она упоминала, давала совет воину, порицала злого и уверяла своих сограждан, что они выстоят в их соперничестве с Россией, ни единого слова не оставалось в ее памяти, когда она просыпалась от своего магнетического сна. В то

время, когда продолжалось это помрачение ума, черты ее лица имели неестественно серьезное выражение для столь юной девочки: ее обоняние также было столь обостренным, что она могла узнать приближение любого человека, которого знала, на значительном расстоянии, при этом она оказывала ему или капризную нелюбовь, или склонность; ее здоровье, казалось, страдает существенным образом от этих приступов, так как она постоянно просыпалась от транса бледной и, очевидно, сильно истощенной.

Эти сомнамбулы, или, как французы их называют *clairvoyantes* — столь особенные для горных стран, кажется, образуют феномен животного магнетизма, еще до конца не понятый. Я встречался с подобным случаем несколько лет назад, во время рыбалки в соседнем Линдау, на берегах озера Констанса, у дочери барона фон Рейдера; она была почти такого же возраста, как наша черкесская Кассандра 40, и, подобно ей, одарена способностью пророчества. Продолжительность приступа и симптомы пациентки были также похожи, за исключением того, что юная германская леди часто оставалась каталептической в течение нескольких часов, чего я не наблюдал у другой.

Черкесы служат замечательным примером превосходства мучного рациона над животным: сильные и почти незнающие болезней, активные, они достигают очень преклонных лет, в то время как ногайские татары и калмыки, которые проживают среди них и любят мясо, особенно конину, подвержены различным болезням, особенно кожным. Они также более унылые по своему темпераменту, менее отважные и деятельные и редко когда достигают преклонных лет, как их более воздержанные соседи. Кроме склонности ногайцев и калмыков к животной пище, они часто слишком много пьют, подобно их собратьям в Крымской Татарии, алкогольный напиток, разбавленный молоком кобылицы,— порока, от которого черкесы, можно сказать, полностью свободны и, насколько я смог изучить, они не считают конину деликатесом.

Уважение, оказываемое пожилым жителям Кавказа, является не менее восхитительным, чем их гостеприимство, и заслуживает, чтобы быть заимствованным европейцами. Совета самого почтенного человека деревни ищут с благоговением; его решениям подчиняются во всех случаях мелких раздоров; когда он говорит, самый болтливый человек тотчас замолкает, если он сердится, его обвинения терпеливо выслушиваются; если он ударяет, удар никогда не наносится в ответ; зимой самый теплый угол недалеко от огня предназначается ему и считается честью зажечь для него чубук. Когда он хочет ехать верхом, ловят его лошадь и седлают ее, а по возвращении почти дюжина юношей бежит, чтобы помочь ему спешиться. Счастлив человек, которого он благословляет и действительно проклят тот, которого он проклинает, так как его все избегают.

Даже к бедной униженной женщине, обычно незнающей доброты и уважения на Востоке, относятся с очень большой внимательностью. Менестрели, подобно древним трубадурам, поют песни в честь ее очарования и добродетелей. Храбрые рыцари прежних времен никогда не оказывали более уважительной галантности к прекрасному полу, чем эти простые горцы, и этот народ сейчас под угрозой рабства или уничтожения!

Суммируя добродетели черкесов, мы не должны забывать об их милосердии; бедный человек никогда не плачет у двери богатого напрасно; сирота обеспечивается самым близким родственником, как его собственный ребенок; если дом человека сгорел, соседи помогали в построении его; если он потеряет свое стадо из-за болезни или свое зерно из-за насекомых-паразитов, каждый оказывает ему помощь, которую обязанная сторона всегда считает долгом совести вознаградить тем же, когда к ним сообразовалит судьба.

Подобно всем горцам, черкесы чрезвычайно суеверны: на людях, глаза которых определенного цвета и формы, лежит пятно отмеченных злым глазом; следовательно, все, на что они посмотрят, должно иссушиться, если у них нет амулетов; также люди без особой внешней привлекательности или рожденные с физическими дефектами являются, в большей или меньшей степени, объектом антипатии, так как считаются невольными посредниками злых духов; даже ранам и умершему воину приписывается подобное действие. Когда человек ранен и помещен на свое ложе, его друзья обычно убирают

любое оружие от его взора и располагают у двери его комнаты чашу воды с яйцом в ней и лемех перед ней для отпугивания приближения любого демона, который, возможно, будет приставать к больному. Если человек желает посетить своего раненого, он должен перед входом ударить три раза по двери и затем разбрызгать немного воды по комнате. В отличие от ложа больного в цивилизованных странах, где все строго молчат, здесь мы нашли комнату, полную веселящейся пением и танцами молодежью. Это делается частично с целью отвлечения внимания пациента от страданий и, частично, чтобы прогнать злого духа, который, как предполагается, находится по соседству. Числу три, по-видимому, этими людьми придается некоторый мистический смысл: оно упоминается в составе всех их излюбленных ритуалов, когда выполняется любое важное дело или даже при самом пустяковом действии.

ПИСЬМО 29

Происхождение названия Кавказ.— Протяженность территории, принадлежащей независимым племенам Черкесии.— Кавказская раса.— Черкесы.— Их предположительное происхождение.— Названия племен, входящих в конфедерацию.— Количество их военной силы.— Форма правления.

Заканчивая теперь мои заметки об обычаях и манерах черкесов, я добавлю несколько разнообразных наблюдений, некоторым из которых я обязан работам, опубликованным под влиянием русского правительства за несколько лет до этого. Кавказские равнины были с незапамятных времен оплотом смелого народа, отстаивающего свою независимость с самыми могущественными народами; и т. к. эта страна образует непроницаемый барьер между Европой и Азией, ее судьба и каждое обстоятельство, которое влияет на эту судьбу, должно быть очень интересно не только для жителей Востока, но и для европейцев.

Названия, даваемые кавказским горам, являются столь же разнообразными, как и племена, населяющие их. Чалдинцы называют их Таураны (горная страна). Согласно их мнению, все кавказские провинции управлялись Ардаспом, могущественным князем, который титуловал себя королем тауранов; что, однако, не связано ни с традициями народа, ни даже с утверждениями многих античных писателей. Среди других Арриан⁴¹ и Страбон говорят, что население Кавказа никогда не было полностью подчинено одному вождю, составляя в каждом столетии грабительские орды, которые под командованием их уважаемых вождей привыкли грабить население примыкающих стран.

Персы описывали Кавказ под названием Седди Искендер, барьер Александра, который, как они говорят, здесь встретил свое первое препятствие в попытках подчинить мир. Грузины называют его КохКаф; турки — КаффДах! и большинство черкесских племен — Аоуз; и высочайший пик Альп все еще сохраняет среди них свое настоящее название, Эльбероус и АзоуаТхах (гора снега). Огромная гряда постепенно поднимается от Кубани, но более обрывисто от Черного моря к стране осетинов, образуя цепь изумительных горных вершин, завершаемых Эльберосом и Мкинвари: первый, говорят, виден на расстоянии трех сотен верст: отсюда они спускаются к нижним странам, ограничивающим Каспийское море как природное укрепление для защиты населения. Главным образом на этой стороне русские расширили свою империю на Кавказе: здесь они провели их главную военную дорогу к Грузии и другим районам, которые прежде принадлежали Турции и Персии; однако только с помощью продолжительной цепи крепостей и путем платы дани вождям они обеспечивают владение с определенной степенью стеною безопасности, будучи даже теперь подверженными смертельной враждебности народа при малейшем поводе. Эта часть Западного Кавказа все еще независима, известна под

названием земли Аттехей, лежит между 43°28' и 45°25' северной широты и 37° 10' и 43°30' восточной долготы; она ограничена на западе Черным морем с протяженностью берега от Кубани к Мингрелии на почти двести английских миль; к северу и северо-востоку она отделяется от территории черноморских казаков Кубанью; и к югу и юго-западу от Мингрелии высочайшей грядой Кавказа спускается к маленькой реке Саламах, или Бурзуклу, которая впадает в Черное море недалеко от Искурии. В настоящее время невозможно правильно описать пространство Черкесии вследствие постоянных вторжений России и из-за того факта, что различные племена — тоучтщенцы, кисти⁴¹", ингоусси, осетины, гоудамакары и часть лезгин, охватывают население больше 200 тысяч — были более или менее подчинены.

Вся страна, населенная племенами Аттехей, за исключением нижних земель на Кубани, разбита на самые красивые равнины и везде пересечена плодородными реками; но вследствие близости гор к морю, они являются, большей частью, неважными, за исключением Кубани. Лаба, Убин, * или Абун, Девент, или Афибс и одна или две другие являются лишь мелкими потоками во время летних месяцев. И Терек, и Кубань, две главные реки на Кавказе, берут свое начало у подножия Эльбруса; первая впадает в Каспийское море, а последняя, после пересечения земли Аттехей в 2х различных руслах, объединяет свои воды, образует прекрасную реку и отделяет кавказские районы от стены, называемой Кубанской Татарией.

Попытаться определить с какой-либо степенью достоверности происхождение коренных жителей Кавказа невозможно, их происхождение озадачило и древних, и современных писателей-географов. Они, однако, имели честь дать свое название (кавказская раса), за исключением финов и лапландцев, всему населению Европы — народа самого цивилизованного и могущественного, которого когда-либо видел мир; и, действительно, рассматривая жителей Кавказа, мы должны признать превосходство их внешнего облика над огромной массой европейцев, мы вынуждены прийти к убеждению, что мы их потомки, происшедшие от одного рода; существует подобный контур черт лица, та же самая характерная физиогномика, фигура, формы и т. д. В то время как независимые вожди Кавказа в их отношениях со своими сородичами вряд ли отличались хоть в чем-то от грубого горца Шотландии, они похожи в своей любви к независимости, отмеченной подобной непобедимой храбростью.

Русские, татары и турки называют черкесов — Черкес — что буквально означает «отрезающий путь»; очевидно, это происходило от того, что они никогда не позволяли проходить иностранному солдату через их территории. Мингрелы и грузины отличали их от других племен Кавказа именем Казахиа; так что совсем не невероятно, что героические отряды странствующих средневековых казаков — ужас, подобный Турции и Персии, имели свое происхождение от этого народа.

Черкесы не называют себя никаким другим именем, как Аттехей, которое означает народ, населяющий горную страну недалеко от морского побережья; «Аттех» означает долину, и «Хей» — море, Страбон и другие античные авторы не упоминали о каком-либо таком народе, когда описывали различные независимые племена, которые населяли Черкесское побережье Черного моря в свое время, называя их Ахей, Зихи, Колхи, Гелоны, Колики, Коракситы, Керкетты, Абазины и *т. д., если мы не допускаем — Ахей — искажение от Аттехей. Тем не менее, подобная красота форм и фигуры отличает черкесов, абазин, мингрел и грузин до настоящего времени от любых других племен, которые населяют Кавказ, и я думаю, нельзя сомневаться, что у них общее происхождение.

Некоторые авторы старались доказать, основываясь на туманных преданиях абазин и черкесов, что Западный Кавказ был населен амазонками 4 в прежнее время, прославленными своей красотой и смелостью, и что нынешние люди являются их потомками. Самое определенное, что амазонки этих районов были некогда очень могущественными. Перед принятием христианства мы находим их подчиняющими грабительские орды на берегах Танаиса (Дон) вместе с амазонками Крыма; и в более

позднее время знаменитая амазонка Нина Имеретинская вместе с ее героическими девушками принесла огонь и меч в сердце Кавказа, чьих жителей она заставила отказаться от язычества.

Черкесы и абазины в своих преданиях говорят, что страна, перед тем, как их раса заняла ее, была населена народом столь маленького роста, что заяц служил им конем вместо лошади. Но откуда они сами действительно пришли — все это окутано глубочайшим мраком. С другой стороны, лезги, кисти и другие племена, населяющие Восточный Кавказ, прекрасная воинственная порода, мало уступающие во внешности соседям своим на Западе, утверждают, что они происходят от арабов. Будь как будет, невозможно сформулировать правильную идею происхождения этого народа, особенно когда мы вспомним, что их язык является столь отличным не только от окружающих народов, но от всякого другого известного сейчас.

Насколько я смог собрать по крупицам от конфедеративных князей, существует 12 или 13 племен, которые поклялись обеспечить свою независимость при любом риске против доминиона России и которые приняли своим национальным знаменем Санджак Шериф. Эти племена соответственно различаются под именами Хапсоухи, Абзехи, Ноттахайцы, Хатоухай, Демергхой, Киркиней, Бжедоухи, Херкпети, Лезги, Мицудзехи, Оссеты, Чипакоуай и т. д., кроме огромных орд татар, турков и калмыков. Среди них, они говорят, двести тысяч человек всегда готовых выйти на поле брани, полностью экипированных для битвы. Эта сила, конечно, кажется несоразмерно огромной, когда сравнивается с количеством населения которое, как русские подсчитали, самое большое, достигает пятисот тысяч семей. Но поэтому мы должны помнить, что каждый черкесский мужчина приучается к оружию с младенчества; и даже женщины часто сражаются в их рядах. Мы должны также иметь в виду, что семьи на Кавказе всегда состоят из старейшины, его детей, внуков и даже правнуков, так что десять человек — не чрезмерное вычисление для одной семьи; действительно, я обычно находил семейство численностью более, чем пятнадцать человек.

В добавление к аборигенам Черкесии, тысячи человек из соседних районов, Грузии, Мингрелии, Имеретии и с Каспийского моря в этом году собрались под знамя конфедеративных князей вместе с сотнями поляков: последние стали столь популярными вместе с их войсками, что многие их национальные песни были переведены на черкесский язык и сейчас исполняются с энтузиазмом.

Все эти племена находятся под властью князей и аристократов, которые признают подобную родословную, отличающую название Аттехей: их владения были, некогда, кажется, очень значительными, включающими почти все Кавказские районы, Кубанскую Татарию и часть Крыма. Их форма правительства, в настоящее время, можно сказать вид аристократической республики, состоящей из трех классов — вождей, аристократов и членов клана. Среди них различие рангов узнается тогда, когда касается народных дел, самое настоящее равенство, характеризующее их манеру жизни и домашние обычаи.

Вожди, называемые хануко, уздени, ханы и пши, которые обычно осуществляют главную власть, считаются их уважаемыми соплеменниками скорее верховными судьями, чем мелкими монархами, чей деспотизм не знает никаких других ограничений, кроме их собственных капризов, т. к. если они действуют деспотично или нарушают древние законы и обычаи своих отцов, они смещаются с должности; что и случилось с двумя или тремя Хапсоухи (шапсугскими— Н. Н.) князьями за несколько лет до этого.

Второй класс включает аристократов, называемых Ворки, которые часто не только становятся могущественными от многочисленных союзников, с которыми они контактируют, но достигают звания вождя в случае неспособности или предательства князей; или при вымирании их рода.

Третьими являются освобожденные люди, принадлежащие князю и его аристократам. Единственная ценная привилегия, которой обладает вождь, заключается в том, что при разделении добычи, взятой у врага, он удостоивается чести сохранить половину для себя и

своей семьи; он также имеет право облагать некоторым пустяковым налогом в форме таможенных пошлин или портовых сборов, если он владеет гаванью. К этому мы можем добавить, что среди некоторых из племен аристократы низшего ранга и простые соплеменники обязываются следовать за своим вождем в бою. Если аристократ, однако, откажется повиноваться вызову, чтобы защитить свою страну, или предоставить вождю долю требуемых солдат, эти действия считают равносильными восстанию против власти, и отношения тотчас же расторгаются.

Это происходит очень редко, т. к., согласно древним обычаям Некоторых племен Аттехей, вассал в этом случае обязывается восстановить все подарки, которые он или его предки получили от вождя и его предшественников с незапамятных времен; т. к. они составляют дорогую компенсацию, их возвращение, несомненно, разорит уклоняющегося.

Звание князя, или аристократа, наследственное; и, если мужская линия угасает на последнем, титул передается женщине. В этом случае старейшины выдают замуж княжну за одного из аристократов, достойного такой чести как имеющего много друзей и храброго; особенно последнее — первая из всех добродетелей, уважаемых черкесами. Без самой отличительной храбрости князь всецело теряет свое влияние: смелый мужчина, или вождь, аристократ, или член клана всегда высокоуважаем своими соотечественниками. Коротко говоря, когда любое племя выбирает вождя, чтобы повести их к бою, или старейшину, чтобы руководить судом, предпочтение не оказывается рангу; героическая смелость в одном и мудрость и моральная чистота в другом являются единственными необходимыми качествами.

Член клана, когда это касается личного имущества, независим ни от вождя, ни от аристократа: он владеет своими собственными землями, которые часто очень изобильно наполнены стадами мелкого и крупного рогатого скота. Если он в каком-либо отношении вызвал недовольство своим поведением со стороны вождя или аристократа, которые отмечены титулом Кунака, он волен поместить себя под покровительство другого. Однако, т. к. влияние вождя или аристократа увеличивается числом его сторонников, акты тирании почти неизвестны.

Если черкесский свободный муж, или аристократ уличается в преступлении, вождь племени имеет власть наказать преступника. Наказание, однако, оставляется на рассмотрение ассамблеи старшин, называемых Тфлокотлес, на которой он обычно председательствует. Действительно, в последние годы, среди некоторых племен, насколько я понял, власть старейшин в судебных случаях стала верховной по отношению к власти вождей, которые, несмотря на 'их род, часто предстают перед судом.

В добавление к трем классам, которые я указал, мы можем присоединить четвертый — рабов, включая пленных, захваченных в бою, или тех иностранцев, которые пренебрегли, входя в страну, необходимостью разместить себя под защиту кунака. Последние, считаясь за чертой законов, могут быть схвачены либо вождем, либо аристократом и обращены в рабство или даже убиты как шпионы. Но, несмотря на то, что этот строгий ультиматум, насколько я смог изучить, всегда принимается, обеспечивает странника сдаваться по первому возгласу «Sabouresi ovoke!» «Сдавайся, или я стреляю в тебя!»

Черкес мудро предпочитает более выгодную форму обращения в рабстве рабы обычно работают в сельском хозяйстве или ухаживают за мелким и крупным рогатым скотом, в то время как честь ходить на войну сохраняется за свободными.

Когда число рабов или пленных превышает необходимое для дома, их продают туркам или персам; и, т. к. черкесы постоянно обращаются по-доброму, будучи заинтересованными, нельзя*не радоваться этой корыстной гуманности, которая вынуждает их сохранять жизни тех пленных, которые могут попасть в их руки, вместо того, чтобы хладнокровно принести их в жертву, как это иногда делается даже цивилизованными народами.

Рабы становятся свободными или в случаях брака с черкесом, или путем усыновления. Церемония в последнем случае является необычной,— раб должен сосать грудь женщины

в присутствии старейшин⁴³, после чего он получает все права коренных жителей; и последующую жизнь воспринимается своими приемными отцами с самым сердечным вниманием.

Черкесы до заключения союза с соседними племенами были приучены заключать дела между собой для обеспечения определенного равновесия сил, способного препятствовать возвышению какого-либо вождя, который может попытаться присвоить королевское превосходство над всеми. Торжественные заверения, даваемые их депутатами в этих случаях генеральной ассамблее вождей и старейшин, считались самыми священными, и любой вождь, или другой, который стал нарушителем народного мира, приговаривался к тяжелому штрафу в соответствии с тяжестью преступления или продавался как раб, считаясь человеком, нарушившим клятву и недостойным жить на своей родной земле.

Но с момента образования конфедерации Аттехей с другими кавказскими племенами и принятия Санджак Шериф в качестве национального знамени, произошло полное изменение в характере, и моральной энергии народа был дан могущественный импульс. Ни один князь, вождь или племя не могли перенести войну на территорию другого без согласия генеральной ассамблеи старейшин. Поэтому их извечная вражда, столь парализующая народную силу, полностью подавляется, их грабительские обычаи по отношению друг к другу сдерживались, и вся сила народа концентрировалась против общего врага — России: и Аттехей, Лезги, Турки, Туркмены, Калмыки или Татары, все племена сейчас идут в бой под общим знаменем, одушевленные одним и тем же воинственным кличем — Смерть или Независимость!

Существует одна своеобразная черта в характере черкесов — сильное отвращение к домам, построенным из камня, которые, как они считают, предназначались ни для какой другой цели, кроме как удержать их в подчинении. Они рассказывают легенду, что в старые времена смелый отряд воинов из далекой страны, облаченных в стальные доспехи, нашел убежище среди них, когда их преследовал враг, черкесы оказали им гостеприимство и предоставили равные права из-за великого искусства и храбрости тех в войне, сильнейшие вскоре возвысились до ранга вождей, построили укрепленные замки и навязали иго вассалитета в самой тиранической форме своим подчиненным, которые с течением времени, рассерженные и возмущенные, восстали против их власти, разрушили их замки и, или разрушили, или вынудили своих тиранов искать убежище в горах. Может быть, эти вожди были остатками крестоносцев?

Но вернемся к моему рассказу. Во многом жители Кавказа и их отношения со своими вождями похожи на горские кланы Шотландии прежних лет: тирания им неизвестна; и они живут от поколения к поколению под покровительством своих уважаемых вождей, чьи земли они возделывают в мирное время и защищают во время войны, перед нами необычная картина народа, называемого в Европе варварами, сохраняющего неизменными свою судьбу, обычаи и ритуалы с незапамятных времен; и, хотя разделенные на столько различных племен, некоторые живут в замкнутых долинах, другие — в горах, образуя отдельные республики. Ни один вождь никогда не смог объединить их всех под своей властью.

Насколько бы это обстоятельство ни вело к тому, чтобы сохранить для различных племен их специфические законы и обычаи, нельзя думать, что это увеличило их общую силу, но скорее, подобно несчастной Польше, которая состояла из подобных огнеопасных материалов, мы должны рассматривать это как животворящий источник, откуда берут начало ожесточенная враждебность и междоусобные волнения среди уважаемых вождей. Мы должны также поверить, что это не имело ни малейшего влияния на то, чтобы подвергнуть коварным действиям их московских соседей, и, следовательно, было главной причиной потери столь многих прекрасных районов Черкесии, которые теперь в их владении.

Это будет более очевидным, когда мы вспомним неукротимую смелость кавказских племен, великую силу страны, которую они населяют, их патриотизм и неприязнь к

иностранным владычеству. Поэтому, если даже все когда-то были бы объединены в сильное государство одним правителем, обладающим хотя бы средними способностями, они были бы непобедимыми перед атаками России или, действительно, любого другого захватчика, сколь могущественным он бы ни был. Мы имеем доказательство этого в том, чего достиг широко известный Элиях Мансур (обычно называемый пророком Кавказа), который сделал эту консолидацию фундаментальным принципом своей политики. Доблесть и достижения этого великого лидера кавказского народа в борьбе против русских во второй половине восемнадцатого столетия являются достоянием истории.

Этот необыкновенный человек, когда вся энергия Екатерины II и ее фаворита Потемкина была направлена на то, чтобы изобретать способы подчинения Кавказа, когда гигантские ресурсы Российской империи были направлены для этой же цели, после сурового соперничества, которое длилось годами, совершенно преуспел в преследовании войск севера из всех областей страны, за исключением нескольких позиций, строго укрепленных во Владикавказе, на берегах Кубани и Каспийском море.

Это огромное предприятие, необходимо помнить, было совершено во время, когда оружие России с триумфом стало известно повсюду, когда несчастная страна, можно сказать, представляла один огромный погребальный костер. Те из вождей Кавказа, кто сопротивлялся развращающей силе русского золота, были либо истреблены, либо эмигрировали в Турцию или Персию, оставив свои земли на разорение постоянных набегов московских генералов — Круднера, Медема, Германа и других. Генерал Медем из-за своих жестокостей наводил такой ужас на кавказцев, что его имя используется ими как проклятие до сих пор.

Элиях Мансур с энергией почти сверхчеловеческой смог объединить все племена этой обетованной земли общей целью и поднял их дух, и сформировал их в силу, которая оказалась в конце концов слишком могущественной для захватчиков. Своей смелостью и красноречием он вдохнул в них обновленную энергию и неприязнь к русскому владычеству, которая и существует во всей их враждебности до настоящего времени. Поэтому Элиях Мансур, которого турецкие и русские историки обычно называют Шейхом или Беем, с уверенностью, можно считать, возродил кавказские расы, над которыми он продолжал осуществлять власть, уступающую лишь власти монарха, и наносить поражения, русским почти в каждом мероприятии, тем не менее, он, к несчастью, попал в их руки под Анапой в 1790 году, и с этого времени о нем никогда не слышали! Этот необычайный человек задумал огромное предприятие объединения всех татарских рас и основания новой Татарской империи; он также намеревался дать, подобно Магомету, новую религию своим последователям, которого он тоже напоминал тем, что воплощал своей личностью тройственный характер жреца, воина и пророка. Однако вероучение пророка Кавказа, говорят, базировалось более на христианских, чем мусульманских доктринах и лишено было, в значительной части, нелепых суеверий, внедренных последними; в то время как терпимость, с которой он рассматривал все системы веры, имела эффект консолидации, подобно иудаизму, христианству и мусульманству и способствовала в немалой степени увеличению числа его сторонников. Его враждебность по отношению к русским никогда не спала, т. к. ему пришлось основать борьбу против них то во главе ногайцев и карататаров на берегах Кубани и Азовского моря, то в Крыму и снова в Турции и на Кавказе. На Кавказе, месте, которое он, по-видимому, избрал своим домом, его считали благословенным Иманом (Имамом — Н. Н.), пророком Господа Бога, также неуязвимым и невидимым, и даже в настоящее время ожидают его пришествия.

Русские генералы в своих докладах, касающихся Элиях Мансура, обычно называют его «лжепророком, Бей-Мансуром» и из-за того обстоятельства, что он говорил на нескольких европейских языках и его близкого знакомства с искусствами и манерой военных действий, практикуемых в Европе, они считали его коренным жителем нашего полушария. С другой стороны, турецкие историки, особенно Халим Паша, великий визирь

Султана Абдул-Хамеда, его современник, уверенно утверждает, что он был потомком великого Султана Челал-Эддина, татарского князя, который правил Грузией, частью Персии и всей Западной Татарией, до завоеваний монголо-татарского завоевателя Чингиз-Хана.

Пусть будет как будет, он был во всех отношениях личностью необыкновенной, величайшим врагом, которого Россия когда-либо имела в этих странах и благодаря чьим усилиям ее нападки на независимость Турции, Персии и Кавказа были на время приостановлены. Странствующие барды этих стран все еще поют в честь его героических поступков и добродетелей; и таков был страх, который он внушил казакам Дона и Черного моря, что его имя используется до сегодняшнего дня как угроза детям, им говорят — Бей Мансур идет!

ПИСЬМО 30

Размышление, касающееся права России на Черкесию, как исходящее от Османской Порты.— Черкесия, как доказано Россией, была независимой от Турции до Адрианопольского договора⁴⁴.—Русский указ.—Крупное нарушение договоров, заключенных Россией с Англией и Францией.— Право Черкесии считаться независимой..— Несправедливое вторжение в Черкесию России.— Важные преимущества, торговые и политические, для Великобритании от союза с Черкесией.— Черкесия — естественный барьер против дальнейшей агрессии России на восток.— Заключительные наблюдения.

Я надеюсь достаточно доказал моим читателям в процессе этой работы, что русское правительство не могло получить никакого права от Османской Порты на ту часть Кавказа, известную под именем Земли Аттехей, или Черкесии, и также показал, подробно делясь своими впечатлениями от поездок на берег моря в сопровождении графа Воронцова, первого генерал-губернатора Южной России, что черкесы действительно владеют своей страной за исключением нескольких фортов на берегу,— факт, засвидетельствованный самим генерал-губернатором и всем его окружением, состоящим из некоторых самых выдающихся аристократов Российской империи, поэтому не было необходимости обсуждать этот предмет долго со всеми подробностями. Одним словом, Блистательная Порта никогда не владела какой-либо частью Черкесии, кроме нескольких фортов или торговых факторий, о которых я упоминал во время моего путешествия по Черному морю и которые попали в руки русских до Адрианопольского договора. Как поэтому мог Турецкий Султан распространить свою власть на ту страну, которой он никогда не имел? Более того, если мы сошлемся на четвертый пункт этого договора, мы найдем, что Черкесия там даже не упомянута, кроме того, турки с незапамятных времен привыкли покупать рабов у жителей Черкесии, чего не происходило бы, если бы их рассматривали как предмет Османской Порты; так как каждый человек, в какой-либо степени знакомый с законами этой державы и религией Магомета, должен знать тот факт, что здесь запрещается покупка рабов, кроме как в других странах.

Также занесено в историю, и известно по всему восточному миру, что самые определенные усилия нескольких последующих султанов Константинополя совместно с ханами Крымской Татарии провалились, когда те пытались учредить верховенство над горами Черкесии; Анапу, Суджук-Кале и одно или два других владения на берегу черкесские вожди уступили Турции исключительно для целей торговли; и постольку, поскольку держава обладала каким-либо правом над этими местами, она его передавала России; но я оставляю непредвзятому исследователю определить, насколько справедливым было бы в силу данных обстоятельств передавать и поселения России, т. к.

цель, с которой они были изначально созданы, перестала существовать, и не следовало ли их вернуть туземцам.

То, что даже сама Россия признала независимость Черкесии, бесспорно видно на картах лейтенанта Боудишера и генерала Хатора, опубликованных в Санкт-Петербурге до Адрианопольского договора по приказу правительства, где мы находим, что часть Кавказа, населенная черкесскими племенами, отчетливо отмечена как независимая и не образует какой-либо части Оттоманской империи. Тем не менее, перед лицом всего этого русское правительство упорствует в обосновании своих претензий на Черкесию по Адрианопольскому миру, утверждая, что Черкесия, подобно Крымской Татарии, была в течение веков феодалом Турецкой империи.

Итак, если Черкесия действительно составляла часть доминионов Оттоманской Порты, неужели мы признаем это вероятным, что турецкие султаны оставили бы своих черкесских подчиненных бороться в течение полувека без помощи с вторгающимися полчищами России? Возможно, большая часть моих читателей не знакома с фактом, что с тех пор как появились учреждения запорожских казаков на Кубани и Черном море, Россия воевала против независимости Черкесии; но средства, которые она применяла для предотвращения истины от обнаружения и для скрывания ее замыслов Азиатского завоевания, были столь эффективными, что только сейчас ее несправедливое вторжение в страну простого пастушеского народа, чье единственное богатство — их свобода, стало известным Европе — вторжение, которое должно наполнить всякий гуманный и великодушный ум презрением и негодованием к державе, которая, стремясь выполнить свои амбициозные планы, не колеблется совершать любой поступок, как бы жесток он ни был для завершения ее планов.

Но вернемся к предмету моего разговора. Русское правительство, беря во владение турецкие поселения в Черкесии с их обычной коварной политикой, чтобы ослепить народ Европы ложью о действительной ситуации, выпустило манифест по всему торговому миру, отрывок из которого позволю себе процитировать словами самого указа, датированного — Санкт-Петербург, 1831 г.:

«Мы этим утверждаем, что каждая попытка иностранных судов торговать с любой частью Черкесского побережья, за исключением двух гаваней Анапа и Редут-Кале, будет считаться контрабандой и люди, виновные в таком правонарушении, подлежат наказаниям, налагаемым за ведение незаконной торговли: и чтобы принудить к выполнению этого нашего указа, мы дали полномочие нашей имперской эскадре, курсирующей на восточном берегу Черного моря, применять необходимые меры для этого».

Сейчас реальный замысел указа должен удерживать иностранные суда от посещения черкесского берега, т. к. они не только нашли бы все население открыто воюющим против самоприсвоенных прав владения, но и державу, ведущую истребительную с моря и суши войну против несчастных жителей.

При дальнейшем рассмотрении мы найдем, что Россия имела очень существенные причины для ограничения европейской торговли двумя поселениями, упомянутыми в указе и удерживала их длинной линией берега между ними (куда она не осмелилась высадить ни одного человека), т.к. оба они находятся под ее собственным абсолютным контролем. Анапа расположена близко к Кубани, в районе, населенном черноморскими казаками, и само место сильно укреплено. Что касается Редут-Кале, он даже вне пределов территории конфедеративных князей Черкесии, но в Мингрелии, провинции, долгое время находящейся под русским управлением.

Независимо от того обстоятельства, что черкесы действительно владеют своей страной, я мог бы привести многочисленные факты, если это необходимо, чтобы доказать, что Адрианопольский мир не дает права верховенства над Кавказом, как провозглашено Россией; но т. к. перечень доказательств не был бы интересен для большей части моих читателей, и так как правительство Ее Величества уже владеет ими, стоит серьезно

надеяться, что такие меры будут приняты и, возможно, будет признано желательным нанести поражение давно задуманным, тщательно разработанным интригам русского правительства, чтобы покорить жителей Кавказа! Действительно, кроме политических мотивов или любого рассмотрения торговых преимуществ, это было бы актом гуманности спасти несчастный народ, который, не имея никаких союзников, кроме своей доблести, сражался и продолжает сражаться против сильной державы, которая пытается поработить их; и теперь, когда туман, которым Россия столь длительное время окутывала эту несчастную страну, рассеивается, не только Великобритания, но и вся цивилизованная Европа настоятельно призывается любым юридическим и мудрым политическим способом вмешаться во благо, можно сказать, народа, который один оказал всякое возможное сопротивление возвышению Москвы среди миллионов уже подчиненных ее интригами и оружием: — крестовый поход против независимости свободного народа является как варварским, так и несправедливым.

Право европейских правительств вмешиваться в дело народов для установления равновесия силы давно признано. В соответствии с этим принципом империя Наполеона и его амбициозные планы считались несовместимыми с всеобщим спокойствием мира: следовательно, он был обязан прекратить сопротивление войскам союзных держав. Но даже, когда он был на вершине своей славы с почти всей Европой у ног, если в его политике и не было больше умеренности, то во всяком случае в ней было меньше хитрости, чем в политике России. Первый, подобно льву, встретил своего врага смело на поле боя; в то время как вторая, подобно удаву, мало-помалу свернулась в кольцо вокруг своих жертв до тех пор, пока сила сопротивления не ослабела! Его приобретения были, конечно, менее обширны, его амбиции — менее безграничны; и, кроме всего, его общественное поведение более человечно и честно. Россия, в то время как она обвиняет Англию в излишнем либерализме и Францию — в республиканизме, так как это разрушает мир в Европе, сама подрывает любой престол, до которого может дотянуться, либо путем дипломатической интриги, или путем деморализующего влияния взяточничества. Год за годом она захватывает новые территории и дает новые гарантии своего воздержания; все они разрушаются, когда предоставляется удобная возможность для выполнения давно взлелеянного замысла расширения ее территории. Свидетельством тому договор июля 1827 г., заключенный с Англией и Францией,⁴⁵ в котором она заявила, что не будет стремиться ни к каким приращением территории, ни к каким исключительным привилегиям, ни к каким торговым преимуществам от ослабленной Турции или любого другого восточного народа из окаймляющих Черное море, что она исключит поводы, которые ущемляли бы интересы любой другой страны.

В начале войны с Турцией в 1828 она снова торжественно провозгласила, что условия этого договора останутся в силе с самой добросовестной верностью; и что результаты войны, в которую она чуть было не была вовлечена, независимо, от того, благоприятны они или неблагоприятны, не отменят ни единого пункта выше упомянутого договора! Результатом этой войны, столь фатальной для интересов Европы и благоприятной для возвышения России, был Адрианопольский договор, который вынудили у беспомощного Султана Махмуда ⁴⁶, каждый пункт которого является прямым нарушением заключенных соглашений, фальсификацией святых обещаний, данных вместе с великими державами. Поэтому Турция стала немного лучше, чем Русская провинция, "Эвксин — русским озером, в то самое время, как она командует всей торговлей на Дунае и в некотором смысле диктует свои законы Австрии и Германии, она запрещает кораблям любой нации торговать с Черкесией, предъявляет права к Черкесии благодаря тому же самому договору и навязывает свои требования путем ведения истребительной войны с населением.

Таким образом, весь дипломатический корпус Европы оказался перехитренным московской хитростью и застыл перед вызовом, брошенным к ногам их робких монархов. В этом Россия до некоторой степени напоминает задиру — рыцаря средневековья,

который, безопасно укрепленный траншеями перед непроницаемыми стенами своего замка, гордо насутился на вершине некоей изолированной скалы, грабил своих соседей и затем бросал вызов всем их угрозам мести. Без того, чтобы не намекнуть на ослабленное положение Персии и Турции как следствие договора в Адрианополе, этот договор запомнится державам Европы и останется монументом русскому слову. Что касается Великобритании — силы, самой заинтересованной в делах Востока, очевидно, что в ее будущих дипломатических отношениях с Россией, когда война и приращение территории станут на повестку дня, она будет обязана выяснить, не являются ли пушечные ядра более эффективными аргументами, чем протоколы, обуздывающие увеличивающиеся наклонности ее амбициозного соперника. Сознавая, поэтому, что безрассудная политика, проводимая Россией, чье нарушение договоров, недоверие к ней и грязные интриги представляют ее опасным соседом, мы должны признать необходимость и быстро установить границы против ее дальнейшего вторжения; и сама природа образовала этот барьер в скалистых горах и сильных ущельях Кавказа. Именно здесь она наиболее уязвима; развитие событий и природа страны указывает на это нам, как на место, где мы можем выступить против нее с уверенностью в успехе. Россия прекрасно сознает это и также то, что Англия является единственной европейской силой, которая образовала бастион против ее амбициозных замыслов, чьи интересы на Востоке были бы глубоко уязвлены подчинением героических жителей Кавказа и поэтому сейчас спешит завершить свои планы любым путем.

Действительно, всякий шаг, предпринятый Россией для завершения покорения Кавказа, был результатом зрелого размышления; каждый последующий монарх этой страны проводил такую же неуклонную политическую линию со времен Петра II. Мы не должны, тем не менее, полагать, что объект, который она имеет в поле зрения, является просто приращением территории; каждый дюйм земли здесь был куплен ценой огромной крови и сокровищ, совершенно отталкивающих и, даже если эту землю получают завтра, это будет дорогим придатком империи. Отсюда мы должны заключить, что владение разыскивается вследствие благоприятных условий, которые страна предлагает для завершения некоторых больших предприятий; и самым безошибочным свидетельством этому является жадность, с которой она преследует каждое преимущество, даже пустяковое, и неуступчивость, с которой она цепляется за каждое приращение территории здесь, даже незначительное, будучи еще одним доказательством, что она считает эти завоевания более средством, чем концом; ибо мы можем быть уверены, что когда Россия будет полностью обладать кавказскими ущельями, мы в течение нескольких лет увидим Турцию и Персию включенными в ее и без того уже разросшуюся империю, и ее победоносное оружие диктующим условия нам самим в Калькутте! Не имеем ли мы поэтому никакого интереса в независимости Черкесии? Более того, не существенно ли это для безопасности нашей восточной империи и стабильности мира в Европе? И не следует ли нам рассматривать блокаду страны как действие завуалированной враждебности против нас? Но, рассмотрев вопрос с коммерческой точки зрения, события достаточно доказали, что каждая миля территории, приобретаемая Россией в какой бы то ни было части мира, была получена в прямой оппозиции интересам Великобритании. Если бы она никогда не получила господства над морями — Азовским, Каспийским и Эвксином, что было бы в настоящий момент с нашими отношениями с богатыми и плодородными странами в их окрестностях — странами, которые образовали великие рынки торговли с республиками Генуей и Венецией как раз в их лучшие дни? На каждом шагу своего развития путем введения ограничительных пошлин она сначала прерывает, а затем упраздняет нашу торговлю. Я уже показал моим читателям, каким способом она нанесла роковой удар по нашей транзитной торговле с помощью Редут-Кале в Мингрелии, с Персией, Грузией и другими странами Востока; и теперь она изолировала нас от торговых отношений с жителями Черкесии — народом, который с готовностью открыл нам свои

порты и приветствовал нас как друзей — страной, предназначенной для фабрик и изобилующей сырьем, в котором мы нуждаемся.

Т. к. правительство Ее Величества отлично осведомлено об этом вместе с тем обстоятельством, что порт был предложен Англии конфедеративными князьями Черкесии в качестве торговой фактории, должно немедленно признать независимость Черкесии⁴⁷, и при этом получить плацдарм на Черном море и распространить нашу торговлю на соседние страны; акт, который бы немедленно, с политической и коммерческой точек зрения, продвинул интересы этого достойного народа и нашей страны в то же время. Кроме того, в соответствии с международным правом, порты Черкесии являются открытыми для торговли как Англии, так и Франции и Голландии; и блокада ее берега Россией и вторжение на ее территории являются как незаконными, так и несправедливыми; ибо даже сама Россия посредством ее печатных изданий¹, наемных писателей Германии и Франции не пыталась оспорить тот факт, что свободные сыны Кавказа никогда не склоняли головы под ярмо иностранной власти. Мы можем также добавить, что никогда ни в какую эпоху, древнюю или современную, когда мы берем в рассмотрение значительность врага, против которого они сейчас сражаются, оружие этого непокоренного народа не сверкало с большим блеском и никогда не были их битвы лучше организованы и никогда их не сопровождали более благоприятные обстоятельства; и в то время как окрыленное надеждами на быструю помощь из Англии, народное воодушевление этих бедных людей не знает границ; и как приятно для англосакса в этой отдаленной части мира услышать, что его страну и соотечественников прославляют и при каждом взрыве патриотического чувства имя Инглиз смешивается с именем Аттехей. О, не выпьют ли они горькую чашу разочарования? О, не изменятся ли их молитвы в проклятия? Не позволь этого, справедливость! Не позволь этого, человечность!

Чтобы дать моим читателям некоторое понятие о глубоко укоренившейся враждебности черкесского народа русскому управлению, приведу такой пример: повсюду в стране меня окружали князья, князьки и аристократы, выставляющие дорогие подарки этой державы — дорогое оружие и другие украшения, которые они получили как плату за предательство своей страны. Эта система, которую Россия до настоящего времени испытывала, была столь успешна в других азиатских странах, здесь ее совершенно подвела, ибо, вместо завоевания народа таким путем, это привело к тому, что их враждебность возросла. Даже черкесская молодежь, обучаемая в России за счет правительства и обласканная благосклонностью, ни раньше возвратится к своим родным горам, чем они сделают общее дело со своими соотечественниками.

Попытавшись представить таким образом теперешний политический статус Черкесии и преимущества, которые проистекали бы для Великобритании от союза с этой страной, я заключаю путем выражения надежды, что министры Ее Величества не будут колебаться в продолжении смелой политики, достойной великой страны, чьими консулами они управляют, путем признания независимости Черкесии и, таким образом, поразив нашего величайшего врага там, где он наиболее уязвим; мера, которая, если мы можем судить по настроению прессы и публично выраженным чувствам людей всех политических убеждений, будет приветствоваться с всеобщим удовлетворением по всей Британской империи. С другой стороны, если они продолжают колебаться и бросят миллионы наших собратьев на произвол судьбы, о которой страшно подумать (учитывая, что черкесы скорее готовы похоронить себя в руинах своей страны, чем стать рабами России), они не только навлекут на наши головы всеобщую анафему, но откроют дверь русской агрессии во все части мира до тех пор, пока, в конце концов, мы не увидим Турцию, Персию и все мелкие державы центральной Азии, несмотря на нашу дружбу, пытающимися объединиться с Автократией севера как с более эффективным союзником.

Определенно будучи втянутыми, раньше или позже, в войну с Россией и также определенно вследствие событий последних нескольких лет и угроз, что держава действительно распространила вторжение в Индию, что театр этой войны будет в первое

время ограничен теми странами, которые граничат с Эвксином и Каспийским морем, как необходимо, чтобы мы были полезными себе и нашей державе и оказать влияние, чтобы защитить независимый статус Черкесии и таким образом обезопасить pied de terre⁴⁸ неуязвимой в их горных крепостях и населенной народом — заклятыми врагами России! Как легко можно было бы это сейчас осуществить, подумать только, ведь и Турция, и Персия, так же, как и Крым, Имеретия, Мингрелия и Грузия, провинции, которые прежде принадлежали этим державам, заинтересованы в успехе черкесов — когда взгляды всех направлены в сторону Великобритании как единственной гавани их надежд! — Ибо сколь бы Султан Махмуд и слабый Шах Персии не уступали русскому диктату, их подданные ненавидят Россию и считают Англию своим естественным союзником — единственной европейской или азиатской страной, способной защитить их!

Мы уже показали, какое действие было произведено на черкесов маленьким проявлением благосклонности Англии; всего лишь упоминание помощи сообщило этому героическому народу энергию, которая в неменьшей степени дала возможность им сражаться против своих страшных завоевателей. Даже представить себе невозможно, каким бы тогда был бы эффект от появления британских кораблей в Черном море? Тогда бы мы увидели, как угнетенный турок пробуждается от апатии и все жители Кавказского перешейка, от Каспия до Эвксина, тут же бросаются к оружию и русские также поспешно отходят к своим крепостям; ибо, несмотря на все напыщенные сообщения, которые мы имели от могущественного северного Колосса, я жил достаточно долго среди русских, чтобы знать, что они являются смелыми со слабостью, но робкими с силой: пусть английская твердость даст им прикурить, и они станут послушными, т. к. Россия боится столкновения с Великобританией; она знает очень хорошо, что первая вражеская пушка зажжет легковоспламеняющиеся материалы, которыми напичкана ее империя — недовольные военные, народ, размышляющий в молчаливом недовольстве о вымогательстве своих чиновников и продажной административной справедливости; пока Польша — надоедливая Польша, подобно затихшему вулкану, вспыхнет сильно и выльет свою месть на жестокого захватчика. Кроме того, она едва ли может рассчитывать на верность жителей ее южных провинций, как и на жителей ее северных границ, вырванных у Швеции; и хорошо известно, что в пределах нескольких последних месяцев казаки Дона, Фази, Хори и Кубани обнаружили симптомы революционного настроения и в некоторых районах стали на сторону черкесов. Кроме того, многочисленные племена Восточного Кавказа, Чечензы, Осеты, Лезги и другие, которые до настоящего времени подчинялись русскому правительству, недавно присоединились под знамя конфедеративных князей Черкесии; и несметная сила сохраняется только лишь в жителях Грузии, Имеретии и Гурии.

Даже сам император во время своего последнего путешествия через эти провинции, от Редут-Кале до Тифлиса, откуда он направился домой через Владикавказ, был подвергнут значительной опасности от большого числа враждебных черкесов, которые на своих быстрых конях маячили около него, несмотря на то, что он путешествовал в сопровождении эскорта артиллерии и вооруженного эскорта, готового к немедленным действиям *.

* Как это отличается от помпезных мнений, даваемых нам в *Augsburg Zeitung* и других наемных журналах России в Германии, чьи редакторы, казалось, соперничают друг с другом в своих описаниях вдохновенной манеры, в которой их патрон был повсюду принят и встречен любимыми подданными вместе с множеством князьков, которые выразили ему свое почтение.

После этого беглого обзора теперешнего положения Российской империи не можем ли мы с определенностью заключить, что если война будет как следует управляться рукой проницательного политика, то эту империю потрясет до основания, т. к. для этого существуют достаточные средства? Тем не менее мы не должны не обращать внимание из-за призрачных надежд, что власть Москвы даст ростки семян ее собственному распаду

и быть неразумно скупыми, и делать необходимые приготовления для встречи врага в манере, достойной величайшего морского народа мира; ибо каждый человек, который странствовал по России, и даже недостаточно знакомый с политикой ее правительства, конечно придет к заключению, что война между этой страной и Великобританией — рано или поздно — неизбежна. Нам следует также помнить слова мудрейшего из людей: «Оставленная надежда губит сердце» и, что это одинаковая истина и для народов, и для отдельных людей. Следовательно, что может быть совершено с легкостью теперь, может в течение нескольких лет оказаться трудной работой, если Россия достигнет цели в своих стараниях денационализировать Польшу и другие иностранные государства, к которым она уже принесла свой скипетр; и по отношению к Кавказу, если она достигнет цели — его завоевания — абсолютного владения этой твердыней с ее непроходимыми ущельями, просторными гаванями и воинственными жителями, следует ожидать небывалый кризис. В этой твердыне она могла бы в любое время организовать вместе с грабительскими ордами Азии силу, достаточную для ведения войны и опустошения вплоть до центральной Индии. История снабжает нас изобильными доказательствами того, что грабительский народ, подобно русским, был в состоянии совершить это. Лишь обещание добыть Индию привлекло бы мириады разноязычных людей со всех земель под ее знамена! в то время ожидаемый грабеж имел бы эффект успокоения, чтобы спало внутреннее напряжение.

Но резюмируем мои размышления о Черкесии: путем захвата в манере, подобной государственному деятелю, тех преимуществ, которые эта страна предлагает Великобритании,— я повторяю, что путем признания ее независимости, моральный эффект такого желательного действия на окружающие народы был бы таким, что мы бы наконец лишили Россию средств дальнейшей агрессии на Восток — освободили бы смелый народ от всех ужасов самого несправедливого, самого неравного соперничества, которое когда-либо позорило могущественную нацию — гарантировали окончательно свободу навигации по Эвксину и, таким образом, открыли бы для британской промышленности новый канал торговли через обширные и плодородные страны, расположенные между этим и Каспийскими морями, кроме увеличения вдесятеро нашей торговли с Турцией, Персией и Центральной Азией вплоть до наших собственных владений в Индии.

Те из моих читателей, которые, возможно, поддержат подобное мнение по черкесскому вопросу, которое я постарался провести, будут удивлены, узнав, что почти восемнадцать месяцев прошло с тех пор, как конфедеративные князья Черкесии предложили взять их самих и их страну под протекторат Великобритании и подарить разрешение строить торговые фактории в самых подходящих местах побережья. Несмотря на это, их предложения были оставлены без ответа. Как мучительно контрастна эта медлительность наших правителей по сравнению со смелым энергичным духом, который воодушевлял консулов Великобритании в прежние дни! И какая держава могла оспорить наше право принятия этих предложений, если мы рассмотрим вопрос в связи с законами, которые регулируют отношения между независимыми странами?

Турецкое правительство уже публично признало, что Черкесия никогда не составляла часть его империи; и что касается завоевания этой страны Россией, я ясно показал в этих записках, что она не обладает никаким владением в Черкесии, кроме нескольких грязных фортов и окопов на побережье, которые она вынуждена защищать ценой огромных расходов людских ресурсов и взяток. Поэтому по отношению к ее самоприсвоенному верховенству на Эвксине я бы спросил, на каком основании она присваивает себе право контролировать его навигацию? Каждое ее слово лишает законной силы ее титул. Моря, океаны, что они, как не торговые пути, предназначенные природой, чтобы связать вместе различные народы? Даже если бы она обладала, к чему она столь тщательно стремится, всеми берегами, которые опоясывают ее, и — если бы она населила их своими солдатами и вооружила их, тем не менее ее диктат остался бы диктатом силы, а не права. Но т. к. случай сейчас представился, когда она не имеет никаких справедливых претензий, кроме

нескольких миль, которыми она владеет на северной границе, трудно сказать, что самое удивительное — заверение власти, которая присвоила такую прерогативу или безрассудство народов, которые покорно подчинились ей.

Ни один человек не может отрицать, что британское поселение на берегу Черкесии, страны плодородной до изобилия, с гаванями, открытыми во все времена года и защищенными от любого ветра, будет сопровождаться самыми благотворными последствиями со всех точек зрения; и когда мы вспомним, что именно торговым предприятиям мы обязаны всем нашим процветанием, не следует ли поэтому установить коммерческие отношения с молодыми государствами, поставленными в такие же условия как Черкесия? Ибо очевидно, в течение нескольких лет, с тех пор, как каждая страна в Европе начала производить свои собственные изделия, мы полностью будем вытеснены с их рынков. Германия, с ее населением тридцать миллионов, уже потеряна для британской промышленности из-за «Прусской Коммерческой Лиги». Где, поэтому, можем мы найти незанятое поле, как не в многочисленных странах по соседству с Черным морем? К примеру, только один из их городов; наши предметы вывоза только через Трапезунд, к северу Персии; несколько лет были достаточными для увеличения прибыли от нескольких тысяч вплоть до полутора миллионов; в то время как весь счет нашей торговли с огромной империей России не превышает трех миллионов ежегодно.

Что торговые сословия страны полностью сознают важные преимущества от более близкой связи с давно не замечаемыми странами Азии — очевидно от тона чувств, выражаемых прессой в метрополии, также, как и во всех великих приморских городах империи по отношению к Восточному вопросу.

Должно быть также очевидным, что они ясно чувствуют реальные интересы своей страны — ее торговое благополучие; и что ни один решительный человек или партия не может надеяться удержать бразды правления, если их консулы не проявят смелость и решительность во всех этих вопросах, которые связаны с торговлей и внешней политикой.

LONDON:
PRINTED BY IBOTSON AND PALMER, SAVOY STREET

Комментарии

1. **Трапезунд** — турецкий порт на Черном море.

2. **pied de guerre** (фр.) — плацдарм.

3. **Ноев ковчег**. Ной — в преданиях иудаизма и христианства герой повествования о всемирном потопе, спасенный праведник и строитель Ковчега. Согласно библейскому повествованию, бог решил наслать на развратившихся людей потоп. Только Ной удостоился его покровительства: бог предупредил его о предстоящей катастрофе и велел построить ковчег. Непрерывный дождь продолжался 40 дней и ночей, высокие горы покрылись водой, и все, живущее на земле, погибло; вода прибывала 150 дней, затем стала убывать и ковчег остановился «на горах Араратских». Через 40 дней Ной выпустил в окно ковчега ворона, то тот не нашел себе места и возвратился; также неудачно вылетел голубь. Но через семь дней голубь возвратился с листом маслины в клюве — это был знак того, что вода сошла; еще через семь дней голубь уже не вернулся; земля постепенно обсохла, и через 365 дней от начала потопа люди и звери смогли покинуть ковчег.

4. **Воронцов Михаил Семенович** (1782—1856) — князь, русский государственный деятель. Сын Семена Романовича Воронцова, министра при Екатерине II, а затем при Павле. М. С. Воронцов участвовал в Отечественной войне 1812 г., а затем в заграничных походах русской армии в качестве командующего русским оккупационным корпусом во Франции. Был близок к деятелям ранних декабристских организаций. С 1823 г. новороссийский генерал-губернатор и наместник Бессарабской области, в 1828—44 гг. новороссийский и бессарабский генерал-губернатор. В 1844—54 гг. — наместник на Кавказе и главнокомандующий отдельным кавказским корпусом.

5. **Страбон** (64/63 до н. э. — 23/24 н. э.) — известный древнегреческий географ и историк. Путешествовал по Греции, Малой Азии, Италии и Египту. Его «География» — ценный историко-этнографический источник, в котором содержатся сведения о Кавказе и Боспорском царстве.

6. **Ришелье Арман Эммануэль де Плесси** (1766—1822) — французский и русский государственный деятель, герцог. Во время русско-турецкой войны. 1787—1791 гг. в ноябре 1790 г. участвовал в качестве волонтера русской армии в штурме Измаила. Монархист по убеждениям, Ришелье в 1791 покинул Францию. С 1795 г. по 1814 г. жил в России. Был с 1803 г. градоначальником Одессы, одновременно в 1805—14 гг. — генерал-губернатором Новороссийского края. После реставрации Бурбонов возвратился во Францию, где был первым министром в правительстве Людовика XVIII.

7. **Александр I** (1777—1825) — «сфинкс, не разгаданный до гроба», «сущий прельститель» — так характеризовали современники российского императора. Александр I вззошел на престол после убийства своего отца Павла I в результате дворцового переворота 12 марта 1801 г. Первая половина царствования Александра I прошла под знаком умеренно-либеральных реформ, большая часть которых была разработана «Негласным комитетом», состоящим из молодых аристократов, друзей царя. В 1819—20 гг. окончательно определился поворот Александра I к реакции: отменены все указы, изданные в первые годы царствования, усилились гонения на просвещение и печать, пышно расцвели различные религиозные и мистические организации. Александр I в последние годы впал в крайний мистицизм. Внезапная смерть Александра в Таганроге породила версию о его превращении в старца Федора Кузьмича, которая и в настоящее время поддерживается представителями западной историографии (см. Федоров В. А. Александр I // Вопросы истории. — 1990. — № 1).

8. **Скасси, Рафаэль** — коммерсант, посетил Черкесию в 1811 г. с целью установления торговых отношений с прибрежными черкесскими племенами. Главным районом его деятельности стали окрестности Анапы и Суджук-Кале (Новороссийска). На первых порах ему покровительствовал комендант Анапы генерал Бухгольц. Интересно то, что Бухгольц был женат на черкешенке из племени абадзехов, захваченной в плен при взятии Анапы графом Гудовичем и воспитанной графом Коковским.

Влиятельным кунаком Скасси в Натухае являлся князь Магомет-Индар-Оглы. Впоследствии Скасси стал чиновником министерства иностранных дел и в звании «попечителя» торговли с горцами развернул еще более активную деятельность по вовлечению черкесов в свои коммерческие предприятия. Однако русские власти на Кавказе не доверяли Скасси, которого, тем не менее, поддерживало Министерство иностранных дел во главе с Нессельроде.

При столкновении в 1828 г., во время русско-турецкой войны, с адмиралом А. С. Меншиковым, руководившим осадой Анапы, Скасси чудом избежал привлечения к судебной ответственности и был уволен с государственной русской службы. (См. Скасси Р. Извлечение из Записки о делах Черкесии, представленной господином Скасси в 1816 году//АБКНКА.— Нальчик, 1974; Чирг А. Ю. Из истории русско-адыгейских торговых связей на Черноморском побережье Кавказа в первой четверти 19 в.//Вопросы общественно-политических отношений на Северо-западном Кавказе в 19 в.— Майкоп, 1987.— С. 3—14).

9. **Махмуд Индаргов** — Магомет Индар-Оглы, см. п. 8.

10. **Чипакоу** — одно из крупных шапсугских объединений.

11. «...эти люди... в отличие от других жителей востока не строго изолируют своих женщин в гарем. Вероятно, они последовали в этом отношении примеру их соседей, черноморских казаков». Женщины у адыгов почитались издревле; многочисленные европейские путешественники VII—XIX вв. писали об общительности, независимом характере адыгских женщин.

Уэркъ хабзэ — традиционный кодекс чести адыгского дворянства — диктовал рыцарское отношение к женщине, которое специалисты правомерно соотносят со средневековыми европейскими представлениями о Прекрасной Даме. Поэтому утверждение о заимствовании подобных форм поведения у черноморских казаков, появившихся гораздо позже на этой территории, представляется несостоятельным, (см. Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет.— Нальчик, 1978).

12. **Ликург** — легендарный спартанский законодатель (9—8 вв. до н.э.), которому приписывают создание институтов спартанского общественного и государственного устройства, действительное оформление которых было результатом длительного исторического процесса перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу. Полноправным гражданином в Спарте считался лишь тот, кто неукоснительно выполнял все предписания законов Ликурга. Законы Ликурга детально регламентировали быт и личную жизнь людей, внедряли суровые методы воспитания детей в специальных лагерях — агелах (букв. «стадо»). «Ликургов строй» утверждал также принцип равенства: в Спарте была разработана система мер, ограничивавших возможности личного обогащения.

Преобразования Ликурга в короткий срок превратили страну в мобильный военный лагерь, способный противостоять как внешней агрессии, так и внутренним возмущениям.

13. Речь идет о своеобразном виде натальной одежды у народов Северного Кавказа — **корсете**. Е. Н. Студенецкая связывает ношение корсета с представлениями адыгов о женской красоте: на Северном Кавказе, в особенности у адыгских народов, идеалом женской красоты считалась стройная фигура, плоская грудь, тонкая талия. Поэтому на девочку с 6 лет (по другим сведениям, с 7 или с 10 лет) надевали корсет. Корсет навсегда снимался молодым супругом в первую брачную ночь. Корсет носили лишь девушки высших сословий. Происхождение корсета остается неясным. Возможно, он был занесен к адыгам из Турции. (Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII—XX вв.—М., 1989).

14. **Гектор** — в греческой мифологии главный троянский герой в «Илиаде».

15. **Приам** — в греческой мифологии последний царь Трои. В «Илиаде» Приам — престарелый царь, глава многочисленного семейства, насчитывающего 50 сыновей и 12 дочерей.

16. **Вильяминов** — Вельяминов А. А. — командующий войсками на Кавказской линии, генерал.

17. польских... дезертиров — многие поляки, участники восстания 1831 г. в Польше, были сосланы на Кавказ в войска Отдельного Кавказского корпуса, сражающегося против горцев. Часть поляков переходила на сторону горцев, неся с собой передовую военную мысль, новую тактику ведения боя, поляки часто сообщали сведения о дислокации царских войск. Были попытки установить контакт между революционно-демократическими организациями Франции и Италии и антиколониальным движением горцев посредством польских эмигрантов. (Бижев А. Х. Об участии польских радикально-демократических повстанцев в антиколониальной борьбе северокавказских горцев в 30х годах 19 века//ИСКНЦ ВШ.— серия Общественные науки.— 1976.— № 1.— С. 59—63).

18. **Клапрот, Генрих — Юлиус** (1783—1835) — русский академик, выдающийся ученый-ориенталист. Родился в Берлине в семье известного ученого-химика. В 1804 г. был приглашен русской Академией наук в качестве адъюнкта восточных языков и словесности. В 1807 г. стал экстраординарным академиком и тогда же был командирован на Кавказ для историко-филологических и этнографических исследований.

Заслуги Клапрота велики: он подробно описал племенной состав населения Северного Кавказа, уточнил его лингвистическую классификацию. В то же время в его сочинениях содержится ценный этнографический материал. Впервые его двухтомный труд вышел в 1812 г. на немецком языке в Галле и Берлине. К этому времени Клапрот уже покинул Россию и, недолго прожив в Германии, поселился в Париже, (см. Клапрот Г. Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807—1808 гг. //АБКНКА.—Нальчик, 1974.—С. 235—280).

19. **Паллас, Петр Симон** (1741 —1811) — русский академик, знаменитый ученый-энциклопедист, натуралист и путешественник.

По поручению русской Академии наук, куда Паллас был приглашен в 1766 г., он разработал план большой комплексной экспедиции по изучению производительных сил окраин России. Эта экспедиция работала в том числе и на территории Северного Кавказа.

Путешествие Палласа по Кавказу как бы завершало кавказоведческие изыскания русской Академии наук 18 в.

Описание путешествия Палласа на Кавказ было первоначально издано на немецком языке в Петербурге в 1799—1801 гг. в книге «Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг.»

19а. **Мисджечи** — наименование чеченцев кумыками.

20. ...предполагается, что они ведут свое происхождение от казахов, кавказского племени, все еще существующего...— вероятно, казахи — население Казахии византийских историков, страны в нижнем течении р. Кубань.

21. Они постоянно подражают поведению римлян по отношению к сабинам...— согласно легенде о «похищении сабинянок», в недавно основанном Риме не хватало женщин. Ромул устроил игры, на которые пригласил сабинов, живших в центральной

Италии Севернее Рима. Во время игр римляне похитили незамужних сабинянок. Это послужило причиной войны. Позже, во время битвы, сабинянки, ставшие уже женами и матерями римлян, бросились между сражающимися и тем самым принудили их заключить мир. С тех пор сабины живут в Риме.

22. **Павел I** (1796—1801) — российский император, сын Екатерины II и Петра III. В конце царствования изменил свой внешнеполитический курс, нарушавший торговые связи с Англией, что явилось одной из причин недовольства дворян, в конечном итоге приведшего к заговору и убийству Павла в ночь с 11 на 12 марта 1801 г.

23. **Эдем** — в библейской мифологии земной рай, местопребывание Адама и Евы до «грехопадения». В переносном смысле — страна вечного блаженства и наслаждения.

24. **coup d'oeil** (фр.) — местность.

25. **al fresco** (итал.) — на свежем воздухе.

26. **Элиях Мансур** — шейх Мансур (Ушурма) — один из лидеров национально-освободительного движения горцев Северного Кавказа 1785—1791. Провозглашен имамом Чечни и Дагестана. Впервые выдвинул идею сплочения горских народов и создания сильного горского государства. (Сведения получены от Мусхаджиева С.Х.)

27. **Александр** — Александр Македонский (356 до н. э.— 323 до н. э.) — царь Македонии, один из величайших полководцев и государственных деятелей древнего мира.

28. **Локман** — **Лукман** — в мусульманской и древнеаравийской мифологии праведный мудрец. Мусульманское предание приписывает Лукману множество афоризмов и поговорок, а также басни.

29. **Макиавелли, Никколо** (1469—1527) — итальянский политический мыслитель, писатель, историк, военный теоретик. Важнейшим вкладом Макиавелли в историю политических идей Возрождения был его подход к проблеме государства со светских, а не с теологических позиций: он пытался раскрыть законы общественного развития, основываясь на реальных фактах, искал исторические закономерности, глубокую причинную связь событий.

30. **Митридат** — **Митридат VI** Евпатор (132—63 до н. э.) — царь Понтийского царства. После подавления восстания Савмака в Боспорском государстве стал им управлять, подчинив почти все греческие города Черноморья. Подчинил также Малую Армению и Колхиду.

31. **Кларк** — сведения не найдены.

32. ...его обыкновение — одеться в самую плохую одежду» — обычай «плохо одеваться» вполне вписывается в рыцарские понятия о чести — быть роскошно одетым считалось неприличным для адыгской феодальной знати, поэтому адыгские феодалы щедро

раздавали свое имущество и одежду. С другой стороны, в этом обычае отражена социальная сущность явления — «в раннефеодальном обществе щедрость — синоним власти».

(Бгажноков Б. Х. Очерки этнографии общения адыгов.— Нальчик, 1983).

33. **valonia** (лат.) — сведения не найдены.

34. **goitre** (фр.) — подагра.

35. **scolopendra morsitans** (лат.) — сколопендровые, отряд членистоногих, класса губоногих, тело длиной 30 см, плоское. В СССР встречаются в Крыму и на Кавказе.

36. **saur kraut** (нем.) — квашеная капуста.

37. **recherche** (фр.) — изысканный.

38. **Бомбор** — порт на Черном море.

39. **en masse** (фр.) — массой.

40. **Кассандра** — в греческой мифологии пророчица, предсказаниям которой никто не верит. Миф о Кассандре нашел отражение в античном изобразительном искусстве, европейской драматургии, русской литературе 19 в.

41. **Арриан, Флавий** (95—175) — древнегреческий писатель и историк, автор «Анабасиса Александра» — важнейшего источника по истории походов Александра Македонского.

41a. **Кисти** — чеченские племена.

42. **Амазонки** — в греческой мифологии племя женщин-воительниц. Обитали на реке Фермодонт у города Фемискира (Малая Азия) или в районе предгорий Кавказа и Меотиды (Азовское море). Об амазонках писали, начиная с Геродота, Гиппократ, Лисий, Эфор, Палефат, Страбон и др. античные авторы. В настоящее время доказано, что легенды об амазонках свойственны не только античному миру, но распространены по всему земному шару.

В определенное время года амазонки вступают в связь с соседними племенами ради продолжения рода, отдают на воспитание (или убивают) родившихся мальчиков и оставляют себе девочек. Амазонкам в детстве выжигали левую грудь для того, чтобы они могли легко пользоваться плечом при метании копья.

В свете современных научных знаний легенды об амазонках отражают определенный период истории человеческого общества, реальное развитие отношений между людьми, принадлежащими к разным праобщинам. (см. Косвен М. О. Амазонки. История легенды//Советская этнография.— 1947.— № 2—3. Нефляшева .Н. А. Цветовая символика адыгского девичьего костюма и легенды об амазонках//Культура и быт адыгов.—Майкоп, 1989.—Вып. VII.—С. 86—95).

43. **раб должен сосать грудь женщины в присутствии старейшин** — распространенная форма усыновления, зафиксированная в адыгских сказках.

44. **Адрианопольский договор**, 1829 г.— завершил русско-турецкую войну 1828—1829 г. По этому договору устье Дуная с островами, все кавказское побережье Черного моря от устья р. Кубани до пристани Св. Николая (ст. 4 договора), а также крепости Ахалкалаки и Ахалцих с прилежащими районами переходили к России. Турция признавала присоединение к России Грузии, Имеретии, Мегрелии и Гурии, а также Эриванского и Нахичеванского ханств. Подтверждалось право российских подданных вести свободную торговлю по всей территории Турции. Русские подданные на турецкой территории были неподвластны турецким властям. Турция обязывалась в течение 1,5 лет уплатить России контрибуцию 1,5 млн. голландских червонцов. Договор обеспечивал автономию Молдавии и Валахии, подтверждал обязательства по соблюдению автономии Сербии.

По поводу присоединения адыгских территорий К. Маркс писал; «...Турция не могла уступить России то, чем не владела сама». (Маркс К, Энгельс Ф. Соч.— т. 9, с. 417).

45. **июль 1827** — договор России с Англией и Францией. Этому договору предшествовал Петербургский протокол 4 апреля 1826 г.— соглашение Англии и России по греческому вопросу. Греция образовывала особое государство: она должна была иметь свое собственное правительство, свои законы и т. д. Чисто внешний вассалитет должен был свестись к ежегодным платежам определенной суммы Порте. 1827, июль — заключена Лондонская конвенция Англии, Франции и России в защиту греческого восстания. Русское правительство подчеркивало, что уничтожение греческих повстанцев и греческого флота, выполнявшего важные посреднические функции в торговле юга России через проливы, нанесло бы ущерб всей европейской торговле.

46. **Султан Махмуд — Махмуд II** (1784—1839) — турецкий султан 1808—39 гг. Правел ряд реформ, направленных на преодоление феодальной раздробленности, некоторую «европеизацию» страны. Поражение в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. и другие факторы способствовали усилению зависимости Турции от европейских держав.

47. ...должно немедленно **признать независимость Черкесии**... английская делегация на переговорах в Париже об условиях мира и прекращении Крымской войны 1853—1856 гг. требовала признания независимости Черкесии. Однако французская делегация ее не поддержала, чем способствовала закреплению владений России на Кавказе.

48. **pied de terre** (фр.) — пристанище.

На форзаце: знамя конфедеративных князей Черкесии
На обложке: автор в черкесском костюме

Эдмонд Спенсер
Путешествия в Черкесию
ЛР 010130 от 20.11.91.

Технический редактор **М. Коблева**
Корректор **Н. Шевлякова**

Сдано в набор 21.03.94 г. Подписано в печать 13.04.94. Формат бумаги 84X 108/32.
Способ печати офсетн. Усл. печ. л. 7,98. Заказ № 081. Тираж 10000.

Республиканское издательскополиграфическое объединение «Адыгея», Министерства национальной политики, печати и внешних связей Республики Адыгея, 352700, г. Майкоп, ул. Пионерская, 268.

1. В дальнейшем — АБКИЕА.